

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай

АКАДЭМІі НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2020. Т. 65, № 3

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2020. Т. 65, № 3

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

- В. И. Бельский** – Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- В. В. Гниломедов** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- А. И. Локотко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- М. С. Макрицкая** – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
- Е. М. Бабосов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Г. А. Василевич** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
- В. В. Данилович** – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения
«Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»,
Минск, Беларусь

А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Г. П. Коршунов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. В. Пальчик – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Академиздатцентр Российской академии наук «Издательство «Наука», Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
Герд Генчель – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации при Национальном банковском совете, Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
В. И. Жук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. В. Козин – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», Смоленск, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
П. П. Толочко – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хюнг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

*ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by*

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2020. Т. 65, № 3.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *И. В. Счеснюк*

Подписано в печать 08.07.2020. Выход в свет 29.07.2020. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 94 экз. Заказ 120.
Цена номера: индивидуальная подписка – 12,26 руб., ведомственная подписка – 29,23 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2020

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2020, vol. 65, no. 3

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

E d i t o r - i n - C h i e f :

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E d i t o r i a l B o a r d :

Valery I. Belsky – Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Vladimir V. Gnilomedov – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Alexander I. Lokotko – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Yakub Kolas Institute of Linguistics Branch of the State Scientific Institution «The Center for Belarusian
Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus

Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Gennady P. Korshunov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Alexander A. Lukashanets – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Gennady V. Palchik – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Yanka Kupala Institute of Literary Studies Branch of the State Scientific Institution «The Center for
Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus

Editorial Council:

- Alexander N. Bulyko** – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasilyev** – Nauka Academic Publishing Center under the Russian Academy of Sciences «Publishing House «Nauka», Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center «Nauka» of the Russian Academy of Sciences, Center for Research in Book Culture, Book Publishing Council of the International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia
- Gerd Hentschel** – Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazeyev** – Advisor to the President of the Russian Federation, Representative of the President of the Russian Federation at the National Banking Council, Moscow, Russia
- Eva K. Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
- Aleksey Ye. Daineko** – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
- Alexander I. Zhuk** – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
- Valery I. Zhuk** – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Il'in** – Federal State Budget Institution of Science «Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Union of Sociologists of Russia, Vologda, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow State University named after M. V. Lomonosov», Moscow, Russia
- Evgeny V. Kodin** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University», Smolensk, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Bialystok, Bialystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaldin** – Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrei V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Petr P. Tolochko** – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Xiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.

Tel.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru

Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2020, vol. 65, no. 3.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*

Computer imposition *I. V. Schasniuk*

Signed to print on 08.07.2020. Published on 29.07.2020. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 94 copies. Order 120.
Number price: individual subscription – BYN 12.26, departmental subscription – BYN 29.23.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.

Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,

distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.

Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Смирнова Р. А. Социальная реальность как объект научного познания.....	263
Ставровский И. К. Негативные аспекты стиля аналитической философии	270
Шавердо Т. М. Пространственно-временные координаты социума: время «доступное» и «недоступное»...	278

ГІСТОРЫЯ

Горны А. С. Эга-дакументы як крыніцы па гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі	286
Новік Н. Я. Вышэйшыя навучальныя ўстановы беларуска-літоўскіх губерняў у сістэме навуковай атэстацыі і падрыхтоўкі навуковых кадраў Расійскай імперыі (XIX – пачатак XX ст.)	298
Моторова Н. С. Роль органов губернской администрации в разрешении социальных проблем населения белорусских губерний (1861–1914 гг.)	307

МОВАЗНАЎСТВА

Ганчарэнка К. Д. Дынаміка лексікаграфічнай падачы і практычнага ўжывання асабовых назоўнікаў з суфіксам <i>-ца(a)</i>	318
--	-----

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Стежко Н. Г. Особенности и специфика создания сценария телевизионной документальной драмы	328
Горбунов И. В. А. Ф. Ковалёв – белорусский художник, скульптор, дизайнер, педагог	336

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Леська Л. П. Міфалогія прадметнага свету ў творах Максіма Гарэцкага	345
--	-----

ПРАВА

Василевич Г. А. Актуальные направления развития местного самоуправления в Республике Беларусь в контексте Европейской хартии местного самоуправления	355
---	-----

ЭКАНОМІКА

Бельский В. И., Примшиц Д. В., Тригубович Л. Г. Развитие аналитических компетенций академических кластеров как инструмент усиления экспертного сопровождения государственного управления	367
---	-----

РЭЦЭНЗІІ

Русілка В. І. Грунтоўнае, наватарскае даследаванне.....	377
--	-----

ХРОНІКА

Чеснокова Е. В. Антология «Поэзия русского слова»	380
--	-----

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Smirnova R. A. Social reality as the object of scientific knowledge	263
Stavrovsky I. K. Style of analytic philosophy: negative aspects	270
Shaverdo T. M. Space-time coordinates of society: accessible and inaccessible time.....	278

HISTORY

Gorny A. S. Ego-documents as sources for the history of Belarusian national movement in interwar Western Belarus	286
Novik N. Ya. Higher educational institutions of the Belarusian-Lithuanian provinces in the system of scientific certification and training of scientific personnel of the Russian Empire (XIX – early XX centuries).....	298
Motorova N. S. Role of the institutions of provincial government in resolving social problems of the population of the Belarusian provinces (1861–1914).....	307

LINGUISTICS

Hancharenka K. D. Dynamics of lexicographic presentation and practical use of personal nouns with suffix <i>-y(a)</i>	318
--	-----

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Stezhko N. G. Features and specificity of creating a script for a television documentary drama	328
Gorbunov I. V. A. F. Kovalev – Belarusian artist, sculptor, designer, teacher.	336

LITERARY SCIENCE

Leska L. P. Mythology of object world in Maxim Garetzky's works.....	345
---	-----

LAW

Vasilevich G. A. Actual directions of development of local self-government in the Republic of Belarus in the context of the European charter of local self-government	355
--	-----

ECONOMICS

Belski V. I., Primschitz D. V., Trigubovich L. G. Development of analytical competencies of academic clusters as a tool for strengthening expert support of public administration.....	367
---	-----

REVIEWS

Rusilka V. I. Solid groundbreaking research	377
--	-----

CHRONICLE

Chesnokova E. V. “Poetry of the Russian word”	380
--	-----

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 167.7
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-263-269

Поступила в редакцию 31.03.2020
Received 31.03.2020

Р. А. Смирнова

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Аннотация. Рассматриваются понятие социальной реальности, а также проблемы, связанные с ее научным познанием. Выделяются три аспекта, смысла и значения данного понятия, с помощью которых осуществляется его экспликация. Анализируются объективные и субъективные причины, обуславливающие теоретико-методологический консерватизм социально-гуманитарных наук, выражающийся в онтологизации знания и отказе от теоретического плюрализма научных исследований. Обосновываются основные принципы изучения социальной реальности в современной социогуманитарной науке, открывающие новые перспективы познания и преобразования социального мира.

Ключевые слова: социальная реальность, предметная реальность, онтологизация знания, теоретико-методологический догматизм, научная картина социальной реальности, парадигма, стиль мышления, теоретико-методологический плюрализм

Для цитирования: Смирнова, Р. А. Социальная реальность как объект научного познания / Р. А. Смирнова // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 263–269. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-263-269>

Rozaliya A. Smirnova

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIAL REALITY AS THE OBJECT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Abstract. The concept of social reality and the problems associated with its scientific knowledge are considered. Author considers three aspects of the meaning and significance of this concept to explicate it. The article analyzes the objective and subjective reasons that determine the theoretical and methodological conservatism of social and humanitarian sciences which is expressed in the ontologization of knowledge and the rejection of theoretical pluralism of scientific research. The article substantiates the basic principles of studying social reality in modern socio-humanitarian science which open up new perspectives of knowledge and transformation of the social world.

Keywords: social reality, objective reality, ontologization of knowledge, theoretical and methodological dogmatism, scientific picture of social reality, paradigm, style of thinking, theoretical and methodological pluralism

For citation: Smirnova R. A. Social reality as the object of scientific knowledge. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 263–269. (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-263-269>

Проблема сущности и содержания понятия социальной реальности, к сожалению, сегодня не находится в фокусе внимания философов. В немногочисленных опубликованных статьях в основном акцентируется внимание на онтологии этого понятия, на том, что есть социальная реальность как объективно существующая социальная система. Очевидно, переориентация социогуманитарной мысли в трактовке понятия социальной реальности на своеобразную «натур-философию» обусловлена вполне определенными социально-мировоззренческими процессами, однако мы настаиваем на идее, высказанной и обоснованной нами ранее [1], о невозможности дать научное предметное описание социальной реальности, не учитывая ту познавательную си-

туацию, в рамках которой предлагается та или иная ее онтология. Говоря о конкретной познавательной ситуации, мы имеем в виду не только использование определенного методологического и категориального аппарата, но и все то, что объединяется сегодня понятием культурно-мировоззренческих предпосылок и практики познания в целом.

С данной точки зрения понятие «социальная реальность» отражает не только «что» (окружающую человека действительность или продукт субъективных конструкций общающихся людей), но и «как» описывается данная реальность. Благодаря такому различению в познании, с одной стороны, снижается уровень абстрактности гносеологического субъекта, с другой – усиливается значимость познающего конкретно-исторического субъекта исследования, оснащенного специфическими для каждой эпохи теоретическим и методологическим арсеналом, социальным опытом и культурно-ценностными установками. Именно это явление побуждает в социально-гуманитарных науках обращаться не столько к гносеологии, сколько к эпистемологии научного познания.

В этом плане заслуживают внимания попытки, например, историков в ходе интерпретации исторических фактов и процессов обращаться к эпистемологии, поискам парадигм, позволяющих ответить на многие вопросы. Историки обращались к социологии, психологии и, в конце концов, как отмечает российский философ Л. А. Микешина, «вышли на направление “интеллектуальной истории”, которое на Западе давно разрабатывается. Тот, кто движется в русле “интеллектуальной истории”, опирается на эпистемологию и исследует, например, так называемые “повороты”. Исходя из хайдеггеровского понимания термина “поворот”, ученые выявляют следующие типы поворотов: лингвистический, коммуникативный (обращение к историческим школам), визуальный (как выявление функции образа в историческом познании) и т. д. Появились исследователи, возглавляемые, в частности, профессором Л. П. Репиной, которые в качестве базовой для методологии приняли современную зарубежную эпистемологию» [2]. При этом ученый утверждает: «Очень серьезно разделены историки сегодня в нашей стране. Очень серьезно. Есть уважаемые “эмпирики”, работающие в традициях теории отражения и индуктивной логики, но сложилось и направление, которое получило название “интеллектуальная история”, как принято за рубежом, и по всей стране уже успешно работают различные коллективы историков и не один год, а уже лет пятнадцать-двадцать. Они как раз нуждаются в современной эпистемологии, неклассической, в ее новых понятиях, новом уровне абстракций. В связи с этим философы даже заговорили о “достоинстве науки” как формы эпистемологической и философско-методологической оценки социального и гуманитарного знания, признания их статуса самостоятельного типа науки» [2]. В результате делается вывод, что изучение социальной реальности как проблема социально-гуманитарных наук предполагает подключение проблемы ценностей, проблемы решения познавательных задач, где человек присутствует не как предельная гносеологическая абстракция, а как личность.

В связи с этим, рассматривая понятие социальной реальности, мы по существу выделяем три ее смысловых аспекта: 1) объективно существующий социальный мир; 2) социальную реальность как часть, срез объективно существующего мира, данный субъекту в практике и познании и 3) образ, картину социальной реальности как модель, являющуюся результатом (и, в свою очередь, средством) познания социальных процессов и явлений. При этом образы социальной реальности обусловлены не только социально-историческими и культурными условиями, но и различаются по степени или уровню абстрагирования: конкретно-научный, социально-философский, философский, а также уровень личностного знания. Конкретно-научные образы рассматриваются в научной литературе в виде, например, исторической реальности (А. И. Ракитов, Л. П. Репина), права как социальной реальности (А. Ю. Галкин), психологической реальности (В. П. Зинченко) и др. Социально-философский уровень описания социальной реальности представлен, в частности, в марксистской теории, феноменологической, постмодернистской и др. Философский уровень ставит акцент на структуре и генезисе социальной реальности, отвечая либо на вопросы о ее объективном существовании и, соответственно, о возможности ее познания, либо о том, что социальная реальность есть исключительно результат конструктивной деятельности сознания, снимая проблему истинности познания вообще.

Многоуровневость и социокультурная обусловленность образов социальной реальности в конкретной науке определяют в процессе исследования необходимость акцентуации предметного смысла объекта изучения, обусловленного предметной категориальной сеткой, в рамках которой осуществляется исследование, а также теми представлениями о социальной реальности, которые получены в рамках той или иной фундаментальной социально-гуманитарной теории и достигшей по уровню мировоззренческого синтеза статуса картины мира. Только учет всех этих аспектов познания позволяет ответить на вопрос: «Существуют ли реально социальные объекты, знанием о которых они являются? Существуют ли “на самом деле”, например, такие социальные феномены, как классы, роли, общество, статус и т. д.?».

Данные вопросы возникают именно потому, что до сих пор в общественном сознании имеют место наивно-натуралистические представления, в которых, собственно, нет сомнений в существовании объектов науки, а ее утверждения прямо переходят в суждения о существовании объектов социальной реальности «самих по себе». Потому необходимо подчеркнуть, что вопрос о реальности в науке (физическая, биологическая, историческая, социальная и др.) – это, прежде всего, вопрос о данности объекта в рамках познавательной системы, обусловленной социально-, культурно-, концептуально-, методологически- и категориально-оформленными средствами познания и общественной практики.

Понятие предметной реальности, появившееся в конце XX века в естествознании, фиксирует именно предметно-практический характер данности действительности в процессе ее изучения. Работы В. С. Степина, П. С. Дышлевого, Б. С. Грязнова, В. А. Лекторского, Л. А. Микешинной и др. позволили по-новому взглянуть на предметный смысл основных понятий и теорий общественно-научного познания, зачастую отождествляемых с самой социальной реальностью. Согласно новому взгляду, социальная реальность не является некоей изначально предлежащей данностью: она вычленяется как момент практически-познавательного отношения человека к миру и поэтому всегда лично, социально и культурно ограничена и изменяется вместе с изменением общественно-исторической практики. Социальная реальность объектов конкретного социально-гуманитарного знания выступает как эпистемологическое определение предметных смыслов понятий об этих объектах. Это значит, что если непосредственным предметом знания является предметная социальная реальность, то вопросы о существовании должны ставиться именно относительно нее: существовать для объекта социально-гуманитарной науки – значит быть элементом ее предметной социальной реальности. Социальная реальность на предметно-онтологическом уровне рефлексии есть «непосредственная рабочая данность» исследователя. Она зависит от норм и средств предметной работы социолога, историка, философа, правоведа и др. «Существовать» для объектов социально-гуманитарной науки – значит обладать предметно-онтологическими характеристиками социальной реальности. Поэтому проблема существования класса, роли, статуса, интерсубъективных значений, социализации, жизненного мира и т. п. разрешается в рамках определенной концептуальной схемы и экспериментальных методик, гипотез, понятий, предполагающих эти сущности (класс, статус и т. д.) в качестве элементов предметной реальности.

Данное понимание есть последовательное проведение деятельностного подхода к решению проблемы предмета науки. Поэтому социальная реальность как абстрактный объект, квазиобъект может быть истолкована «как некое образование, организованность, внутривещное построение, с которыми имеет дело ученый» [3, с. 182–186]. Она может быть познана через общую организацию предмета конкретной науки, ее категориального аппарата, методов, интерпретаций, моделей, экспериментальных методик, проблем и задач научной деятельности.

Любая научная деятельность, когда рассматривается в рамках логико-методологического подхода, отвлекаясь от судьбы знания вне науки, ставит задачу изучения принципов построения, форм и способов научного познания, опуская вопросы объективного, независимого от знания существования социальной реальности. Данные вопросы возникают и формулируются на философско-эпистемологическом уровне, имеют специфический смысл и ставятся не относительно элементов предметной реальности, а относительно социальной практики и всего знания об этой реальности.

Если с позиций логико-методологического анализа вопрос, чему в действительности соответствует тот или иной абстрактный объект науки, можно сформулировать так: какие из объектов (класс, государство, статус, ценности и т. п.) получают более или менее полную эмпирическую интерпретацию, то на философско-эпистемологическом уровне он решается выходом за рамки науки. Чтобы познать объект науки во всей его полноте, необходимо выйти за рамки абстрактно-гносеологического отношения «теория–объект» и критически отнестись к самой теоретико-познавательной рефлексии над этим знанием, т. е. охватить его в такой целостности, которая является уже не теорией и не объектом, а делом реальных людей, познающих и преобразующих мир. При этом выяснять предметно-онтологический статус знания в рамках конкретной науки с помощью сравнения его с лежащей якобы «за» ней объективно существующей реальностью невозможно, поскольку, во-первых, это прежде всего вопросы о социокультурной детерминации содержания и формы науки как специфической предметно-практической деятельности и сознания; во-вторых, функции науки в обществе – не только влиять на материальную жизнь общества непосредственно, но и задавать идеальные планы возможного будущего. С этой точки зрения в конкретно-теоретическом и логико-онтологическом плане каждая теория или концепция «отражает» свою реальность, в эпистемологическом плане они равноправны и могут с успехом применяться как различные «окна» в социальный мир или как одно и то же, но под другим углом зрения и в разных мировоззренческих и методологических контекстах. Данные образы социальной реальности – суть «версии» событий, которые должны быть поняты в соответствии с их генезисом и в рамках конкретно-научного исследования.

Таким образом, следует отметить, что проблема реальности объектов в общественном знании носит синтетический характер и решается с использованием всех уровней рефлексии: предметно-онтологического, логико-методологического и философско-эпистемологического. Объект социальной реальности можно считать существующим, если имеется возможность вписать его в общую картину социальной реальности по предметно-онтологическим характеристикам, т. е. вписать в категориальную схему; теория, предполагающая существование объекта, удовлетворяет требованиям и нормам научности; знание об объекте удовлетворяет критериям истинности – задает планы деятельности по социальному переустройству общества и жизнеустройству отдельного человека.

Существует мнение, что при изучении процессов и явлений социальной реальности в рамках определенной науки (социологии, истории, права, психологии и др.) ученого в первую очередь волнуют проблемы предметно-онтологического и логико-методологического плана. Философский уровень рефлексии осознанно включается в мыслительные процессы лишь в особые «критические» моменты. До этого они имплицитно входят в арсенал деятельности ученого в качестве неявного знания и влияют на творческий процесс через мировоззрение ученого, стиль познания, картину социальной реальности в целом. Соответственно, смена картин мира и научно-исследовательской парадигмы «поднимает» вопрос об истинности теоретического знания на философский уровень. В рамках привычной и общепринятой парадигмы вопросы о реальности существования того, чему соответствуют понятия теории, не обсуждаются. Появление новых парадигм или факт существования нескольких альтернативных теорий об одном и том же социальном явлении создает ситуацию переосмысления философских оснований научного исследования, заставляет задуматься о проблеме рациональности знания и его истинности.

В таком случае вопрос, какое из представлений о социальной реальности социально-гуманитарных наук (например, феноменологическая теория жизненного мира или натуралистическая) истинно, снимается, так как строились они на совершенно разных парадигмальных и ценностных установках. Вопрос ставится иначе: являются ли они научными и рациональными и возможно ли каким-то образом совмещать эти альтернативные модели социальной реальности? Если да, то каким образом?

Если рассматривать теорию как основную методологическую единицу развития знания, то ее структура такова, что именно на базисном (положения, почерпнутые из других наук), фактологическом (использование наряду с зависимыми от теории фактов относительно независимых, полученных до нее), конструкционном (способы соединения элементов теории в логически непротиворечивую систему) и нормативном уровнях (принципы, запреты, аксиомы и условия по-

строения теории, заимствованные из философии, идеологии, других теорий и т. п.) осуществляются преемственность и связь теорий, позволяющие соизмерить их, вплоть до альтернативных. К тому же следует также отметить, что ученый обществовед в своих работах пользуется тем же обычным языком, что и любой человек; его научные объяснения согласуются изначально с обычными представлениями о социальном мире; в повседневных терминах обществовед ставит вопросы и отвечает на них. Поэтому, на наш взгляд, соизмеримость различных картин социальной реальности происходит посредством переключения и совмещения различных образов миров не только в периоды смены стилей мышления, парадигм и мировоззрения в целом, но и в периоды «нормального» развития науки, что является имплицитным для научной работы.

Таким образом, необходимо различать, во-первых, плюрализм теорий и методологий в рамках одной картины мира и парадигмы исследований в науке, обусловленный особенностью предмета изучения, где социальная реальность (историческая, социологическая, психологическая и др.) является предметной, связанной с категориальной схемой конкретного исследования; и, во-вторых, плюрализм фундаментальных теоретических схем, картин мира социальной реальности и парадигм, детерминированный конкретно-историческими способами жизнедеятельности, типами рациональности и ценностных систем, доминирующих в науке. В соответствии с ним теории и парадигмы могут быть альтернативными, но соизмеримыми, основой чего является, с одной стороны, рациональность способов жизнедеятельности людей в мире в целом, с другой – разнообразие культурно-ценностных и мировоззренческих установок исследователей.

Введение в обоснование термина «рациональное» свидетельствует о том, что в науке наряду с гносеологическими критериями действуют ценностные, связанные со смысловыми аспектами человеческого бытия. Как отмечает американский ученый В. Шиделер, «последовательная концепция реального мира требует соответствующего концептуального места для нас в нем. Эта концепция должна быть рефлексивной, обоюдной, чтобы обеспечить какое-то концептуальное место в картине для нас, которые создают эту картину. Если это не так, то возникает аномальная концепция мира, в котором человек, представляющий себе картину мира, является всего лишь каким-то случайным и производным явлением» [4, с. 246]. Что нужно, чтобы такая концепция срабатывала? По мнению ученого, необходимо, чтобы это была концепция, имплицитно включающая человеческий и исторический смысл и значение.

Когда обществовед или гуманитарий изучает тот или иной фрагмент социальной реальности, то, будучи соучастником событий (мысленно или реально), он не может оставаться на позиции стороннего наблюдателя. «При переходе от позиции наблюдателя к действию ученого, – отмечает В. Шиделер, – происходит нечто большее, чем сдвиг точки зрения и изменение перспективы, подобно тому, как фотограф на несколько футов отклоняется в сторону, чтобы найти лучший угол зрения. Мы становимся не только частью рассказа, мы становимся ответственными за него» [4, с. 250]. Дело в том, что внутренняя ценность, значение, смысл и правдивость не даны в природе вещей в такой степени, чтобы их можно было познавать путем простого наблюдения. О том, что представления о социальной реальности связаны не только с сугубо теоретическими проблемами, но и с практическими, идеологическими и ценностными, свидетельствует тот факт, что понятие социальной реальности, используемое в общественном сознании, является не просто идеализированным, внутритеоретическим объектом, квазиобъектом. Посредством социальных коммуникаций и пропаганды различные типы мифологического и идеологического знания, внедряясь в сознание масс, приобретают прочность предрассудка, предопределяя тренды социального поведения и социальных преобразований, о чем неоднократно напоминают «зигзаги» нашей истории. Так, распространение в общественном сознании и идеологии в начале 1990-х гг. мифа о рациональной руке рынка, которая сама отрегулирует экономическое и социальное устройство на постсоветских просторах, привело к краху довольно крепкой на то время экономики, закрытию предприятий, расцвету коррупции и откровенному бандитизму.

К чему привела данная позиция, основанная на либерально-рыночной картине социальной реальности, в других сферах до сих пор ощущается довольно остро. В этом плане понимание относительности наших знаний, необходимости рефлексии над ними, выход к более широким мировоззренческим и практическим горизонтам при осмыслении социальной реальности долж-

ны стать основными принципами исследовательской деятельности ученых. Видение социального мира как изменяющейся социальной реальности в целостном единстве и многообразии раскрывает широкие возможности для использования различных и даже альтернативных парадигм и представлений об общественных процессах. Отказ от этого в прошлом в отечественных социально-гуманитарных науках был связан с методологическими упущениями, заключающимися в онтологизации знания в ущерб познавательным аспектам. Сегодня принцип плюрализма в методологии науки стал стилем научного мышления, избавляющим ученых от опасностей возврата к методологическому догматическому консерватизму. Однако не всегда и не во всех науках.

Если в естественных науках данное требование стало нормой, то в социально-гуманитарных – догматический методологический консерватизм продолжает встречаться довольно часто. Причина такого явления заключается в политической и идеологической ангажированности общественников и гуманитариев, принуждаемых к этому корпоративным и политическим сознанием научного сообщества, состоянием зрелости духовной жизни в обществе, неразвитостью научных и социальных связей ученых. Зарубежные общественники в силу отсутствия жесткой идеологической и политической приоритетности той или иной теории в определенной степени позволяют себе теоретический и методологический плюрализм, что совсем не означает, что они абсолютно свободны в своих изысканиях. Тем не менее наличие различных теорий и картин мира объективно открывает широкий спектр возможностей познания многообразного и сложного, противоречивого и изменчивого социального мира и тем самым расшатывает основы методологического консерватизма в общественной науке.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. В понятии «социальная реальность» заключаются три смысловых аспекта: 1) объективно существующий социальный мир; 2) социальная реальность как часть, срез объективно существующего мира, данный субъекту в практике и познании; 3) образ, картина социальной реальности как модель, являющаяся результатом (и, в свою очередь, средством) познания социальных процессов и явлений.

2. Эпистемологический подход к изучению процессов и явлений социальной реальности позволяет, с одной стороны, снизить уровень абстрактности гносеологического субъекта, с другой – усилить значимость познающего конкретно-исторического субъекта исследования, оснащенного специфическими для каждой эпохи теоретическим и методологическим арсеналом, социальным опытом и культурно-ценностными установками.

3. Плюрализм как теоретико-методологический принцип научного исследования является характерной чертой и нормой научного познания окружающего мира.

4. Объективной основой плюрализма как нормы научного познания являются многообразие и разноуровневость социальных процессов и явлений, а также социально-мировоззренческая обусловленность исследовательской деятельности.

5. Теоретический плюрализм обусловлен, с одной стороны, предметной реальностью как предметом исследования, с другой – формами, методами, условиями познания и способами мировосприятия, формирующими картину мира в каждой конкретной науке.

6. Плюрализм представлений о социальной реальности на уровне парадигмы и картины мира основан на различных способах человеческой деятельности, типах познавательных субъектов и научной рациональности в рамках конкретной культуры.

7. Теоретический и методологический плюрализм, допуская многообразие различных и даже альтернативных теорий в социогуманитарных науках, описывая в предлагаемых теориях проекты возможного будущего, стимулирует развитие науки, обеспечивает кумулятивность и прогресс науки.

Список использованных источников

1. Смирнова, Р. А. Природа социальной реальности: бытие и познание / Р. А. Смирнова. – Минск : Навука и тэхніка, 1991. – 168 с.
2. Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы круглого стола / Б. И. Пружинин [и др.] // Вопр. философии. – 2016. – № 8. – С. 20–56.

3. Дышлевый, П. С. Материалистическая философия и развитие естествознания / П. С. Дышлевый, Ф. М. Канак. – Київ : Вища шк., 1977. – 231 с.

4. Shideler, E. W. The place of faith in a world of fact / E. W. Shideler // *Zygon*. – 1985. – Vol. 20, № 3. – P. 243–263. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.1985.tb00595.x>

References

1. Smirnova R. A. *The nature of social reality: being and cognition*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1991. 168 p. (in Russian).

2. Pruzhinin B. I., Avtonomova N. S., Bazhanov V. A., Grifitsova I. N., Kasavin I. T., Knyazev V. N., Lektorskii V.A., Makhlin V. L., Mikeshina L. A., Ol'khov P. A., Porus V. N., Sorina G. V., Filatov V. P., Shehedrina T. G. The self-integrity of knowledge as a problem of modern epistemology. Materials of "Round Table". *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 2016, no. 8, pp. 20–56 (in Russian).

3. Dyshlevyj P. S., Kanak F. M. *Materialistic philosophy and the development of natural science*. Kiev, Vysshaya shkola Publ., 1977. 231 p. (in Russian).

4. Shideler E. W. The place of faith in a world of fact. *Zygon*, 1985, vol. 20, no. 3, pp. 243–263. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.1985.tb00595.x>

Информация об авторе

Смирнова Розалия Андреевна – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: smirnovasoc@yandex.ru

Information about the author

Rozaliya A. Smirnova – D. Sc. (Philos.), Associate Professor, Chief Scientific Researcher. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: smirnovasoc@yandex.ru

И. К. Ставровский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СТИЛЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Рассматриваются недостатки принятого в аналитической философии стиля, в основе которого лежит стремление придать тексту наукообразный вид. Прослеживается генеалогия этого стиля. Особое внимание уделено идеям Г. В. Лейбница, который первым хотел свести решение философских проблем к формальным процедурам. Показывается, как схожие идеалы повлияли на представления ранних аналитических философов, а затем и на более поздних представителей традиции. Рассматриваются проблемы, связанные с негласным требованием аналитической философии выражать мысли с помощью наукообразного языка. Указывается на то, что работы континентальных философов зачастую отвергаются лишь на основании стилистического несоответствия, что позволяет просто игнорировать тезисы и аргументы оппонента. Предполагается, что отказ от подобного отношения к стилю поможет преодолеть разрыв между традициями, что приведет к взаимному обогащению.

Ключевые слова: аналитическая философия, стиль философии, язык философии, наукообразность, формализация в философии

Для цитирования: Ставровский, И. К. Негативные аспекты стиля аналитической философии / И. К. Ставровский // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 270–277. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-270-277>

Igor K. Stavrovsky

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

STYLE OF ANALYTIC PHILOSOPHY: NEGATIVE ASPECTS

Abstract. The article discusses the shortcomings of the style adopted by analytic philosophy. This style is designed to give a science-like look to the text. The article begins with the origins of the style. Particular attention is paid to G.W. Leibniz who first aimed to reduce the solution of philosophical problems to formal procedures. Later similar ideals influenced analytic philosophers. After that, the article deals with the problems associated with the tacit demand of analytic philosophy to express thoughts using the science-like language. At the same time, the works of the continental philosophers are rejected only on the basis of a stylistic discrepancy. It makes possible to simply ignore opponent's theses and arguments. The article claims that it's possible to bridge the gap between two philosophical traditions by refraining of such attitude towards this style. It would enrich both analytic and continental traditions.

Keywords: analytic philosophy, style of philosophy, language of philosophy, science-likeness, formalization in philosophy

For citation: Stavrovsky I. K. Style of analytic philosophy: negative aspects. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 270–277 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-270-277>

Философские тексты, написанные в рамках аналитической традиции, как правило, подчиняются определенному стилистическому стандарту, который был задан еще в работах М. Шлика, Р. Карнапа, О. Нейтрата Л. Витгенштейна, Дж. Э. Мура, Б. Рассела и ряда других представителей аналитической философии. И хотя многие современные авторы отошли от проблематики ранних представителей традиции, заданный тогда стиль написания текстов сохраняется до сих пор.

Работы аналитических философов пишутся в наукообразной манере, часто используются элементы формализации. Метафоры и образность считаются крайне нежелательными, а недостаточная строгость и однозначность вовсе могут стать поводом отвергнуть текст как бессмысленный набор слов. Как считалось ранее, наукообразный стиль сможет не только избавить философию от спекуляций, но и упростит оценку чужих работ. Сейчас требование использовать этот стиль не проговаривается прямо, но негласно оно продолжает господствовать в аналитической

философии. Вместе с тем есть основания считать, что наукообразный стиль не только не гарантирует качество работы, но также может ограничивать философа.

Цель статьи заключается в том, чтобы выявить негативные аспекты использования философского языка, принятого в аналитической традиции. Обратимся к истории, чтобы лучше понять его специфику, а также проблемы, связанные с его использованием.

Одним из первых, кто связал возможность разрешения философских проблем с помощью создания нового строгого наукообразного языка, был Г. В. Лейбниц. Его идеи имеют особое значение для аналитической традиции. Во многом это связано с тем, что Лейбниц повлиял на развитие логики. Например, Дж. Буль и В. С. Джевонс знали о работах Лейбница и давали им высокую оценку. В целом, развитие логики в тот период было пронизано «лейбницианским духом» [18]. Достижения логики того периода стали важным стимулом для появления аналитической философии. Уже этот факт позволяет говорить, как минимум, о косвенном влиянии идей Лейбница на эту философскую традицию. Однако значение его работ этим не ограничивается. Можно привести два примера гораздо более глубокого влияния Лейбница на ранних аналитических философов.

В первую очередь упомянем Г. Фреге, который считал, что проект философского исчисления был слишком амбициозным для того, чтобы его можно было разработать в одиночку. Однако сама идея создания универсального метода решения философских споров казалась крайне перспективной. Фреге надеялся сделать первый шаг в этом направлении, разрабатывая формальный язык по образцу химии и математики [18].

Рассел и вовсе написал целую книгу о Лейбнице в 1900 г. Для нас особенно важно, что в этой работе упоминается универсальная характеристика [19, с. 169 – 171]. Это доказывает, что уже тогда Рассел знал о лейбницианской идее формализации философии, хотя и высказал ряд критических замечаний, которые будут рассмотрены ниже. Вместе с тем работа «Об обозначении» (1905 г.) [10], где Рассел использует формализацию для решения философской проблемы, может рассматриваться как очень близкая к проекту Лейбница по духу.

Итак, поскольку есть основания утверждать, что Лейбниц оказал влияние на аналитическую философию, то имеет смысл рассмотреть его идеи подробнее.

Проект Лейбница по формализации философии не имеет одного общего названия. С равным успехом можно говорить об универсальной науке, всеобщей науке, универсальной характеристике, исчислении рассуждений, философском исчислении [7]. Некоторые из этих понятий использовались самим Лейбницем, а другие были введены гораздо позднее издателями для того, чтобы дать название ряду безымянных работ. Для избежания путаницы, мы будем называть все работы по этой теме философским исчислением, поскольку оно лучше всего подчеркивает, что речь идет именно о формализации философии, а не о формализации вообще. Мы не утверждаем, что вся философия Лейбница сводится к философскому исчислению. Напротив, это название относится к относительно небольшой части работ со схожей проблематикой.

Другое важное замечание: хотя Лейбниц признавал, что у него были предшественники [7, с. 412 – 418], однако именно ему удалось четко и последовательно сформулировать саму проблему и описать приблизительную схему решения. В первую очередь Лейбниц подчеркивал несовершенство обыденного языка, который полон синонимов [7, с. 502], а многие слова темны и неясны [7, с. 493]. В противовес Лейбниц хотел разработать единый универсальный язык и одновременно с этим особое философское исчисление имен по образцу арифметики, где каждому имени соответствует некое число. По его мнению, это позволило бы добиться максимально возможной однозначности в выражении мыслей, устраняя тем самым недопонимание и ошибки, связанные с несовершенством языка.

Кроме того, для увеличения точности и ясности выражения Лейбниц предлагал представлять размышления в геометрической форме [7, с. 455], т. е. излагать философские теории так же, как математики излагали математические теории. Сама по себе эта идея не была новой, ведь подобный способ изложения уже использовался, например, Декартом и Спинозой. Однако для них он оставался именно стилем изложения, а не методом доказательства. На этом факте акцентирует внимание В. Н. Половцева, указывая на некорректный перевод названия работы Спинозы

«Ethica, ordine geometrico demonstrata» как «Этика, доказанная в геометрическом порядке». Она настаивает на том, что речь идет о «геометрическом методе изложения». Спиноза прямо указывал на это в письмах. Кроме того, «в своем сочинении “Principia philosophiae Cartesianaе” Спиноза употребляет геометрический способ для изложения далеко не всегда истинных, с его точки зрения, мыслей Декарта» [9, с. 40]. По его мнению, такой метод никак не увеличивал состоятельность той или иной теории.

Декарт также говорил именно о методе изложения и рассматривал его как «снисхождение к умственной слабости читателя, причем само содержание по существу не зависит от того или другого способа его изложения» [9, с. 42]. Даже беглое знакомство с работами Декарта показывает, что он использовал разные способы изложения своих взглядов, не останавливаясь на каком-то определенном, в том числе и в рамках одной работы. Так, например, «Размышления о первой философии» изложены обычным языком, в то время как ответы на возражения оформлены в более геометрическом стиле [3].

Геометрический метод Лейбница должен был не просто упростить восприятие, но также сделать очевидным ход рассуждения, связь тезисов и аргументов. По задумке автора, прояснение базовых понятий и правил вывода должно было превратить доказательство теории в формальную процедуру. Лейбниц описывал свою концепцию так: «Когда возникали бы споры, нужда в дискуссии между двумя философами была бы не больше, чем между двумя вычислителями. Ибо достаточно было бы им взять в руки перья, сесть за свои счетные доски и сказать друг другу (как бы дружески приглашая): *давайте посчитаем!*» [5, с. 497]. Хотя доказательство должно было осуществляться человеком, однако оно становилось абсолютно автоматизированной процедурой, предполагающей использование строгого алгоритма. Именно такой подход Лейбниц считал путем к решению, как кажется, бесконечных философских споров.

Но несмотря на определенную привлекательность идеи формализации философии, проект Лейбница вызывал сомнения даже среди популяризаторов его творчества. Например, А. Тренделенбург подчеркивал утопический характер проекта, хотя и признавал его пользу как инструмента для изложения результатов [18]. Но это ближе к геометрическому методу Декарта и Спинозы, нежели чем к философскому исчислению Лейбница.

Рассел, как было сказано ранее, также сомневался в пользе формализации как метода решения философских проблем. Говоря об идеях Лейбница, он прямо указывал, что акцент на правилах вывода, а не на посылках прямо противоположен методу философии, где под вопрос ставятся в первую очередь посылки [19, с. 170 – 171]. Рассел признавал, что классическая философия полна ошибок из-за «плохой грамматики», которую можно преодолеть, выявив действительную форму предложения и изучая природу реальности. Философия должна была стать неотделимой от науки. Однако Рассел не считал, что в философии возможен универсальный метод доказательства или, тем более, обнаружения плодотворных гипотез. Напротив, здесь нужно проявить свою изобретательность [13, с. 161 – 162].

Что касается Фреге, то его проект сам оказался слишком амбициозным и не имел дальнейшего развития [18]. Исчисление, используемое в его работах, не получило распространения, поэтому первый шаг на пути к реализации лейбницианского проекта оказался последним.

Впрочем, усилия в данном направлении вдохновили ряд мыслителей создать новый подход к философии. Речь идет в первую очередь о логическом позитивизме, где роль философии сводится к определению значения предложений, т. е. того, что они означают на самом деле. Знание становится знанием в силу своей формы, через которую оно репрезентирует познанный наукой факт [17, с. 30 – 31]. Классические философские проблемы, как отмечал Витгенштейн, «основываются на непонимании логики нашего языка» [2, с. 3], поэтому будут устранены в тот самый момент, когда мы достигнем прозрачности в выражении мыслей. Для логического позитивизма осмысленное тождественно верифицируемому, т. е. ответить на вопрос о смысле x можно через определение условий истинности и ложности x при проверке опытным путем. Если верификация x невозможна, то вопрос о его значении лишен смысла, и мы имеем дело с мнимым предложением. Ожидалось, что в логически правильно построенном языке подобные предложения невозможны [4]. Благодаря этому можно было бы сформулировать условия проверки истинно-

сти или ложности предложения в опыте. Если в теории имеются неverifiedируемые высказывания, которые при этом невозможно исключить без нарушения целостности рассуждения, то она принципиально недоказуема. Однако подобной проблемы не возникает, когда теория состоит только из содержательных дескриптивных высказываний. Поскольку же большая часть естественного языка может быть формализована в рамках логики первого порядка, с привлечением при необходимости более сложных теорий, то возможно создание нормативной процедуры оценки истинности как отдельных высказываний, так и целых теорий в рамках заданной системы аксиом. В идеале мы должны были получить универсальный строгий язык, где бессмысленные высказывания невозможны, а для осмысленных легко найти способ проверки.

Желание решить эти задачи породило особый стиль текстов. Статья Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка» [4] дает наглядную иллюстрацию. Стилистически текст статьи напоминает научную работу, многие формулировки имитируют способ изложения, используемый в математике и логике. Приведем пример: «пусть “ a ” есть некоторое слово и $S(a)$ – элементарное предложение, в которое оно входит» [4]. Большая часть предложений статьи не выглядит подобным образом, однако впечатление о наукообразности сохраняется во всем тексте. Другая особенность статьи Карнапа – это внимание к используемому языку. Базовым понятиям дается дефиниция. Само по себе это не является новшеством аналитической философии, но здесь прояснение понятий приобретает новое значение. Дефиниция подготавливает каждое слово к сравнению с эмпирическим опытом, поэтому «значение слова определяется его критерием» [4]. Если слово не получает однозначного определения, и не отсылает к какому-либо гипотетическому опыту, то оно объявляется бессмысленным и должно быть устранено из речи. Для самого Карнапа подобный способ писать тексты имел большое значение, поскольку, по сути, и являлся примером логического анализа, направленного на преодоление метафизики. Как ожидалось, новый строгий стиль станет универсальным языком науки, который избавит ее от бессмыслицы. Реальные проблемы должны были стать легко разрешимыми, а все прочее следовало отбросить как псевдопроблемы.

Однако со временем логический позитивизм Венского кружка стал терять свою популярность. Если в конце XIX – начале XX века был актуален спор о том, может ли в логике быть множество различных исчислений (Пирс, Лукасевич) или же в итоге мы должны получить одно единственное исчисление (Фреге, Лесьневский) [1, с. 35–37], то уже к 1930-м гг. он оказался решенным в пользу сторонников первого подхода [16, с. 52]. Так, была доказана принципиальная невозможность создания универсального научного языка. Но это вовсе не значит, что сторонники логического плюрализма выступали против языковой строгости логического позитивизма. В этом отношении риторика Я. Лукасевича едва ли заметно отличалась от того, что говорил Шлик или Карнап. Например, в статье «О методе в философии» Лукасевич описывает необходимую для философии реформу следующим образом: «Логика, созданная математиками, устанавливая новую меру научной точности, намного превзошла все до сих пор существующие меры точности, она открыла нам глаза на мизерность философской спекуляции. Поэтому, как во времена Канта, возникает потребность реформы философии. Но реформы не во имя какого-то туманного «критицизма» и в духе ненаучной «теории познания», но реформы во имя науки и в духе математической логики. Будущая научная философия должна начать свое построение с самого начала, с фундамента. Начать же с фундамента – это значит в первую очередь осуществить пересмотр философских проблем и выбрать среди них только те проблемы, которые можно сформулировать понятно, отбрасывая все другие» [8, с. 264].

Таким образом, представление о новом строгом философском стиле продолжало жить даже после того, как логический позитивизм утратил свою популярность. В этом легко убедиться, обратив внимание на книгу У. В. О. Куайна «С точки зрения логики» (1953 г.) [6]. Стиль этой работы часто выглядит даже более строгим и наукообразным, чем в приведенной выше статье Карнапа. Например: «Говоря, что высказывания являются аналитическими в L_0 , мы объясняем ‘аналитическое-для- L_0 ’, но не ‘аналитическое’ и не ‘аналитическое для’. Мы не начинаем с объяснения идиомы ‘аналитическое для L ’ с переменными S и L , даже если мы ограничиваем L областью искусственных языков» [6, с. 63].

Аналогичный стиль используется в статье Дж. Серла «Что такое интенциональность?» (1979 г.) [12]. Например: «В рамках теории интенциональных состояний нам точно так же нужно различать репрезентативное содержание и психологический модус или стиль, в котором обладают этим репрезентативным содержанием. Символически мы будем представлять это как $S(r)$, где S обозначает психологический модус, а r – репрезентативное содержание» [12, с. 186].

Именно такой стиль философских текстов чаще всего ассоциируется с аналитической традицией. В приведенных примерах мы видим, что, хотя отход от логического позитивизма произошёл уже давно, заданные им стилистические стандарты сохранились. Во всех приведенных примерах используются элементы формализации, заимствуемые из логики и математики. И это не случайно, ведь аналитическая философия с самого своего появления связывает себя с идеалами научной строгости. И в первую очередь речь идет о строгости, которая ассоциируется с формализацией по образцу логики и математики. Это не значит, что формализация является необходимой отличительной чертой любого текста в рамках аналитической философии, напротив, во многих работах формальный язык не используется вовсе. Скорее это один из возможных способов имитировать язык науки. Работы, написанные в таком стиле, воспринимаются как более серьезные и качественные. Кажется очевидным, что наукообразный язык заставляет любую концепцию *выглядеть* более солидно, однако вызывает сомнения, что это дает ей реальные преимущества.

Сразу оговоримся, что перечисленные выше проблемы не являются секретом для многих аналитических философов. Еще в 1990-е гг. обращение к прояснению языка и формализации философии в значительной степени потеряли свою привлекательность для самих аналитических философов. Так, наметился переход к поиску иных источников вдохновения для дальнейшего развития философии, вплоть до интереса к восточной мистике [10, с. 463]. Тем не менее неверно было бы считать, что произошел полный отказ от идеалов ранней аналитической философии. Например, Н. Решер, указавший в своей статье на кризис внутри аналитической философии, отделяет ее идеологию от ее *modus operandi*. Однако под последним он подразумевает все знакомые идеалы аналитической философии, выраженные в более мягкой методологической (в противовес доктринальной) форме [10, с. 464]. Это значит, что и идеалы строгости, на которых основывались ранние аналитические философы, все еще сохраняют свое значение для традиции. По этой причине актуальность сохраняет и обсуждение проблем данного стиля.

Рассмотрим некоторые его особенности, чтобы продемонстрировать эти проблемы.

Первая особенность заключается в том, что подобный стиль, как ожидается, упрощает работу с текстом. Однако это преимущество имеет скорее прагматический характер, никак не улучшая ни содержание теории, ни качество ее доказательств. Последнее связано с тем, что доказательство само является объектом изобретения, а не механического применения заданных правил вывода. Задача философа при доказательстве заключается не столько в том, чтобы получить заключение из уже имеющихся посылок, сколько в выявлении последних. Гораздо чаще споры порождает не ход рассуждения того или иного мыслителя, а исходные положения, на которых строится его философия. Как было отмечено выше, это осознавал еще Рассел.

Другая особенность стиля аналитической философии заключается в том, что он позволяет заниматься метафизикой в научном духе, исключая многие некачественные спекуляции. Научная строгость действительно во многих случаях упрощает обнаружение бессмысленных высказываний и ложных умозаключений. Работа с понятиями упрощается, ведь они получают большую однозначность, поэтому использовать бессмысленные понятия становится практически невозможно. Логические ошибки также становятся более наглядными, ведь многообразии (зачастую неоднозначных) отношений, выраженных словами, переводится на более стандартизированный язык. Однако проблема состоит в том, что требования строгости, предъявляемые теории, не являются содержательно нейтральными. Например, указанная выше однозначность употребления понятий предполагает, что их значение с самого начала зафиксировано и, более того, может быть однозначно выражено. В этой ситуации неудивительно стремление некоторых аналитических философов исключить из обсуждения такие понятия, как «бытие», «ничто», «сущность», «сознание» и т. д. Несомненно, избавление от подобных понятий существенно упрощает построение

теории и уменьшает степень ее неоднозначности, однако предпочтительность такого упрощения далеко не очевидна.

Утверждение о том, что нечто является принципиально невыразимым с помощью наукообразного языка, не является бессмысленным. Нет никакой логической необходимости в том, чтобы содержательное высказывание или осмысленное понятие было выразимо в привычном для аналитических философов виде. До тех пор, пока язык используется для изложения эмпирических фактов, наукообразный язык не должен вызывать существенных проблем. Но это не единственный способ описания реальности. В качестве альтернативы можно привести художественное описание мира, которое очевидно не соответствует требованиям наукообразного стиля. Сам язык художественного произведения (особенно поэтический) должен оказывать воздействие на эмоции и чувства читателя. Это неотделимо от произведения, а зачастую является для него решающим. Следовательно, стиль должен считаться частью его содержания.

Изменение стиля художественного произведения приведет к потере способности произведения оказывать прежнее аффективное воздействие на читателя. В противном случае формальное описание художественного произведения ничем не отличалось бы по воздействию от оригинала. Такую возможность можно допустить гипотетически, однако реальные примеры отсутствуют.

Здесь можно возразить, что в философии недопустимо использовать художественный язык, однако это утверждение само требует обоснования. Кроме того, художественный текст используется здесь лишь как пример ограниченности применимости наукообразного стиля, который существенно сокращает число способов выражения, что, как мы видим, может сказываться на содержании. Если же такой язык не справляется с полной передачей содержания художественного произведения, то на каком основании мы можем быть уверены в том, что, к примеру, «Бытие и время» могло бы быть написано в «научном духе» без потери части содержания?

В некоторых случаях может быть важной сама неоднозначность и непроясняемость тех или иных понятий. Если нечто признается неоднозначным по своей природе, то требование однозначного описания приводит к противоречию. Аналогично, предельные понятия могут быть прояснены лишь приблизительным указанием на их смысл, но не через словарное определение. Причем это является самым свойством данных понятий. Поэтому, например, утверждение Хайдеггера о том, что «бытие дефиниторно невыводимо из высших понятий и непредставимо через низшие» [15, с. 4], не только осмысленно, но и вполне состоятельно.

Вместе с тем устранение подобных понятий лишь на основании того, что они не могут быть сведены к строгой дефиниции, обосновывается лишь внутренними требованиями самого стиля, принятого в аналитической традиции. При этом такое требование выдвигается без доказательств, как нечто само собой разумеющееся. За счет этого оно легко может быть использовано как инструмент дискредитации теорий, которые создавались на основе иных идеалов, лишь на основании несоответствия чуждым для них стилистическим стандартам. Сложные и непонятные места критикуемой концепции автоматически превращаются в аргументы против нее. Проще говоря, критикуемая теория оказывается плоха лишь потому, что была построена на других основаниях, нежели позиция, с точки зрения которой ее критикуют. Это не значит, что критика альтернативных концепций недопустима, но она не должна покидать общее поле дискуссии, выдавая себя за универсальное мерило для других теорий, ничем не обосновав свой особый статус.

В то же время наукообразный стиль не всегда является необходимым или даже желательным. Особенно это заметно при использовании логического и математического аппарата. В этом случае исследователь должен быть способен определить, где использование формальных процедур эффективно, а где нет; где оно полезно, а где является украшением или прикрытием слабой теории [1, с. 3]. В последнем случае проблема поиска доказательств подменяется задачей придания работе наукообразности. Тексту искусственно придается видимость строгости, сложности и обоснованности, что может даже усложнять поиск ошибок, ведь для оценки теории нужно понимать специфический язык, на котором она выражена.

Таким образом, хотя наукообразность придает тексту более строгий вид, мы должны помнить, что это не является гарантом качества теории и ее доказательств. Равно как и его отсут-

ствие вовсе не указывает на низкое качество текста или на отсутствие хороших доказательств. Придание большого значения стилю текстов создает языковой шовинизм, исключая из рассмотрения «неправильно выраженные» идеи. Подобный подход был оправдан внутренними целями и идеалами ранних аналитических философов. Однако вместе с крахом проекта логического позитивизма требование использовать его стиль потеряло концептуальное основание. Это вопрос вкуса. Менее серьезное отношение к стилю, который используется в работе, стало бы важным шагом на пути к преодолению разрыва между аналитической и континентальной философией. В результате появились бы возможности наладить диалог двух традиций, сменив идеологическое неприятие взаимным обогащением.

Список использованных источников

1. Васюков, В. Л. *Формальная онтология* / В. Л. Васюков. – М. : ИФ РАН, 2006. – 140 с.
2. Витгенштейн, Л. *Философские работы* : в 2 ч. / Л. Витгенштейн ; [пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асева ; вступ. ст. М. С. Козловой]. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 612 с.
3. Декарт, Р. *Сочинения* : в 2 т. / Р. Декарт ; [сост., ред. В. В. Соколова ; пер. с лат. и фр. С. Я Шейнман-Топштейн и др.]. – М. : Мысль, 1989–1994. – Т. 2. – 1994. – 634 с.
4. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка [Электронный ресурс] / Р. Карнап // Библиотека по философии. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000161/>. – Дата доступа: 23.01.2019.
5. Клини, С. К. *Математическая логика* / С. К. Клини ; пер. с англ. Ю. А. Гастева ; под ред. Г. Е. Минца. – М. : Мир, 1973. – 480 с.
6. Куайн, У. В. О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков = From a logical point of view. 9 logico-philosophical essays / У. В. О. Куайн ; пер. В. А. Ладова, В. А. Суровцева ; под общ. ред. В. А. Суровцева. – М. : Канон+, 2010. – 271 с.
7. Лейбниц, Г. В. *Сочинения* : в 4 т. / Г. В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982–1989. – Т. 3 / [ред., сост., авт. вступ. ст., примеч.: Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин]. – 1984. – 734 с. – (Философское наследие ; т. 92).
8. Лукасевич, Я. О методе в философии / Я. Лукасевич ; пер. с пол. Б. Т. Домбровского // Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской философской школы / Ин-т философии Рос. акад. наук ; отв. ред. В. Л. Васюков. – СПб., 2006. – Вып. 1. – С. 263–265.
9. Половцева, В. Н. Введение к русскому изданию «Трактата об усовершенствовании интеллекта» / В. Н. Половцева // Старейшее жизнеописание Спинозы: Б. Спиноза «Трактат об очищении интеллекта» / авт.-сост. А. Д. Майданский. – Ростов н/Д, 2007. – С. 32–63.
10. Рассел, Б. Об обозначении / Б. Рассел // Избр. тр. / пер. с англ. В. В. Целищева, В. А. Суровцева. – Новосибирск, 2009. – С. 18–32.
11. Решер, Н. Взлет и падение аналитической философии / Н. Решер // Аналитическая философия: становление и развитие : антология / общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова. – М., 1998. – С. 454–465.
12. Серл, Дж. Что такое интенциональное состояние? / Дж. Серл // Язык, истина, существование : сб. / Том. гос. ун-т ; сост. В. А. Суровцев. – Томск, 2002. – С. 184–203.
13. Страуд, Б. Аналитическая философия и метафизика / Б. Страуд // Аналитическая философия : избр. тексты / сост. А. Ф. Грязнов ; пер. с англ. И. В. Борисовой [и др.]. – М., 1993. – С. 159–174.
14. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Изд. 4-е, испр. – М. : Акад. Проект, 2013. – 448 с.
15. Чень, Ч. Математическая логика и автоматическое доказательство теорем / Ч. Чень, Р. Ли ; пер. с англ.: Г. В. Давыдова [и др.]. – М. : Наука, 1983. – 358 с.
16. Шлик, М. Поворот в философии / М. Шлик // Аналитическая философия : избр. тексты / сост. А. Ф. Грязнов ; пер. с англ. И. В. Борисовой [и др.]. – М., 1993. – С. 28–33.
17. Peckhaus, V. Leibniz's influence on 19th century logic [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/leibniz-logic-influence>. – Date of access: 23.01.2019.
18. Russell, B. A critical exposition of the philosophy of Leibniz / B. Russell. – Cambridge : The Univ. Press, 1900. – 311 p.

References

1. Vasyukov V. L. *Formal ontology*. Moscow, Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, 2006. 140 p. (in Russian).
2. Wittgenstein L. *Philosophical papers. Part I*. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 612 p. (in Russian).
3. Descartes R. *Selected works. Vol. 2*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 634 p. (in Russian).
4. Carnap R. *The elimination of metaphysics through logical analysis of language. Library of philosophy*. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000161/> (accessed 23.01.2019) (in Russian).
5. Kleene S. C. *Mathematical logic*. New York, John Wiley & Sons, Inc., 1967. 398 p.
6. Quine W. V. *From a logical point of view: 9 logico-philosophical essays*. Cambridge, Harvard University Press, 1953. 184 p.

7. Leibniz G. W. *Selected works. Vol. 3*. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 734 p. (in Russian).
8. Łukasiewicz J. On method in philosophy. *Issledovaniya analiticheskogo naslediya Lvovsko-varshavskoj filosofskoj shkoly* [Studies on the analytical heritage of the Lviv-Warsaw School of Philosophy]. St. Petersburg, 2006, iss. 2, pp. 263–265 (in Russian).
9. Polovtseva V. N. Introduction to the Russian edition of the «Treatise on the improvement of the understanding». *Stareishie zhizneopisanie Spinozy: B. Spinoza «Traktat ob ochishchenii intellekta»* [The oldest biography of Spinoza: B. Spinoza «Tractatus de intellectus emendatione»]. Rostov-on-Don, 2007, pp. 32–63 (in Russian).
10. Russell B. On denoting. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Novosibirsk, 2009, pp. 18–32 (in Russian).
11. Resher N. The rise and fall of analytic philosophy. *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie: antologiya* [Analytical philosophy: formation and development: anthology]. Moscow, 1998, pp. 454–465 (in Russian).
12. Searle J. What is an intentional state? *Yazyk, istina, sushchestvovanie: sbornik* [Language, truth, existence: compilation]. Tomsk, 2002, pp. 184–203 (in Russian).
13. Stroud B. Analytic philosophy and metaphysics. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow, 1993, pp. 159–174 (in Russian).
14. Heidegger M. *Sein und Zeit. 17 Aufl.* Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1993 458 S.
15. Chang Ch., Lee R. *Symbolic logic and mechanical theorem proving*. New York, Academic Press, 1973. 331 p.
16. Schlick M. The turning point in philosophy. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow, 1993, pp. 28–33 (in Russian).
17. Peckhaus V. Leibniz's influence on 19th century logic. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/leibniz-logic-influence/> (accessed 23.01.2019).
18. Russell B. *A critical exposition of the philosophy of Leibniz*. Cambridge, The University Press, 1900. 311 p.

Информация об авторе

Ставровский Игорь Константинович – аспирант. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tutoriks@gmail.com

Information about the author

Igor K. Stavrovsky – Postgraduate Student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: tutoriks@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК [316.2+316.4]:115.4+114/115:316

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-278-285>

Поступила в редакцию 06.03.2020

Received 06.03.2020

Т. М. Шавердо

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ КООРДИНАТЫ СОЦИУМА: ВРЕМЯ «ДОСТУПНОЕ» И «НЕДОСТУПНОЕ»

Аннотация. Анализируются перспективы социологического изучения пространственно-временных координат социума в единстве онтологии и эпистемологии. Рассматривается философская интерпретация категорий «пространство» и «время» в рамках немецкого идеализма. Эксплицируется процесс «социологизации» трансцендентных идей И. Канта в дюркгеймианской программе: пространство и время как «формы чувственности», присущие субъекту *a priori*, преобразуются в «категории мышления», имеющие общественное происхождение. Концепты социального времени и социального пространства репрезентируются в контексте социологии Э. Дюркгейма как ритмы коллективной жизни и пространство, занимаемое обществом. Акцентируется внимание на исследовании социального времени в работах П. Сорокина, Р. Мертона, П. Штомпки, Э. Зерубавеля. В качестве точки проблематизации главным образом рассматривается заявленная дихотомия астрономического («количественного») и социального («качественного») времени. Данная дихотомия представляется недостаточно корректной, так как астрономическая концепция времени не отражает «объективное время», а выступает лишь общепринятой шкалой, в соответствии с которой члены социума соотносят свои действия. Во избежание терминологической путаницы предлагается разграничивать следующие категории: «время» как всепроникающий мета-феномен; «временная шкала» как способ освоения времени и универсальный измерительный конструкт; «временная закономерность» как ритмика событий. Обосновывается продуктивность использования категории «темпоральность» в поле социологии.

Ключевые слова: социальное время, социальное пространство, пространственно-временные координаты социума, категории мышления, временная шкала, временная закономерность, темпоральность

Для цитирования: Шавердо, Т. М. Пространственно-временные координаты социума: время «доступное» и «недоступное» / Т. М. Шавердо // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 278–285. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-278-285>

Tamara M. Shaverdo

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SPACE-TIME COORDINATES OF SOCIETY: ACCESSIBLE AND INACCESSIBLE TIME

Abstract. The article is devoted to the analysis of prospects for a sociological study of the space-time coordinates of society. The philosophical interpretation of the categories “time” and “space” are considered in the framework of German idealism. The transition of I. Kant’s transcendental ideas to sociology is represented. The origin of the concepts of social space and social time is considered in the framework of the research program of E. Durkheim. Attention is focused on the study of social time in the works of P. Sorokin, R. Merton, P. Shtompka, E. Zerubavel. The dichotomy of astronomical and social time is considered as a point of problematization in sociological research. This dichotomy seems to be insufficiently correct, because the astronomical concept of time does not reflect “objective time”, but acts as a generally accepted scale, according to which people correlate their actions. In order to avoid terminological inaccuracy, it is proposed to distinguish the following categories: “time” as a meta-phenomenon that permeates all spheres of reality; “time scale” as a universal measuring construct; “temporary regularity” as the rhythm of events. The productivity of using the category “temporality” in the analysis of social phenomena is justified in the article.

Keywords: social time, social space, space-time coordinates of society, categories of thinking, time scale, time regularity, temporality

For citation: Shaverdo T. M. Space-time coordinates of society: accessible and inaccessible time. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 278–285 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-278-285>

Введение. Пространство и время выступают не только базовыми параметрами бытия, но и неотъемлемыми координатами социального взаимодействия. Социальные и естественные аспекты пространственно-временных отношений универсума тесно переплетаются между собой, образуя

поле человеческой деятельности. В связи с этим категории пространства и времени могут рассматриваться в качестве предельной рамки анализа процессов, происходящих в обществе.

Пространство и время как когнитивно-чувственные категории организуют мышление индивидов, выстраивая первичную рамку восприятия внешнего мира. Такие категории играют роль общего знаменателя и формируют сетку общественно разделяемых значений, синхронизируют и упорядочивают действия социальных акторов.

Социальный пространственно-временной конструкт, надстраиваясь над физической данностью, обрывает качественными характеристиками, на пересечении которых образуется особое смысловое поле, интериоризируемое и экстериоризируемое индивидами в ходе социальной практики. Пространственно-временная реальность социума аккумулирует в себе базовые принципы общественной организации, что составляет одну из центральных исследовательских проблем социологии.

Онтологический и эпистемологический аспекты изучения пространства и времени. При исследовании феноменов пространства и времени необходимо иметь в виду два полюса – онтологию и эпистемологию. Между данными полюсами возникает вопрос о статусе окружающей действительности и нашей роли в процессе познания. Если принять за истину, что онтологии существуют «сами по себе», независимо от субъектов познания, то между *реальностью* и *знанием о ней* как бы устанавливается знак равенства. В этом случае основная задача исследователя – правильно «отразить» реальность и выразить ее в универсальных законах, что характерно для классического этапа социально-гуманитарных наук [1]. В современной социальной теории, напротив, между полюсом онтологии и эпистемологии устанавливается дистанция: «действительность оказывается доступна познающему субъекту не непосредственно, а только через своеобразный мыслительный конструкт, воссозданный им» [2, с. 48].

Вопрос о том, что есть пространство и время «на самом деле», уже на протяжении многих веков остается лишь вопросом во всем блоке социально-гуманитарного знания. Снять остроту вопроса о сущности этих всеобъемлющих феноменов становится возможным с помощью кантовского конструкта «вещь в себе», который позволяет очертить границы неизвестного и работать с тем, что доступно нашему познанию. Инструменты социологической науки позволяют обнаружить то, каким образом пространство и время проявляют себя в повседневной жизни.

Следует отметить, что социальный пространственно-временной порядок / режим значительно отличается от других пространственно-временных порядков. Если физический и биологический режимы, например, можно назвать *естественными*, то социальный – *конструируется* в ходе человеческого взаимодействия. В соответствии с данными областями реальности выделяются два полярных взгляда на изучение пространства и времени – естественнонаучный и социально-гуманитарный. В контексте данной статьи первый подход служит, скорее, «фоном», а второй выступает «фигурой» и будет рассматриваться детально.

Тематика пространства и времени так или иначе находит отражение в любой науке о человеке и обществе: от субъективного чувства пространственно-временной реальности, исследуемой психологами, до цивилизационных пространственно-временных моделей, составляющих интерес историков. Представители каждой дисциплины делают свой акцент в интерпретации пространства и времени, однако в контексте данной статьи принципиальное значение имеют истоки осмысления пространственно-временных отношений в философии и, конечно же, социологическая перспектива исследования пространства и времени.

Пространство и время в философском дискурсе. В блоке социально-гуманитарного знания вопросы пространственно-временных отношений универсума впервые затрагиваются в философском дискурсе и получают наиболее детальную разработку в рамках немецкого идеализма. Так, И. Кант рассматривает пространство и время как априорные формы чувственности, которые заявляют о себе до всякого прочего знания и опыта: «Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний» [3, с. 78], равно как и время представляет собой «необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний» [3, с. 84]. Время и пространство, таким образом, выступают как условия возможности явлений, а не как их внутреннее свойство. И. Кант поясняет, что мы не можем представить себе отсутствие простран-

ства, хотя вполне можем представить отсутствие в нем предметов; также и время невозможно устранить, хотя явления вполне можно отделить от времени.

Подобная интерпретация носит подчеркнuto субъективистский характер, однако при этом философ не отрицает эмпирическую реальность времени, т. е. «объективное значение его в отношении всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам» [3, с. 88]. Т. И. Ойзерман пишет: «Понятие абсолютного пространства и абсолютного времени встречается и у Канта, но он не придает им сколько-нибудь существенного значения, хотя и у него пространство и время подобны вместилищу всей чувственно воспринимаемой реальности, или природы, которую трансцендентальный идеализм интерпретирует в основном субъективистски» [4, с. 10].

А. И. Осипов, раскрывая идеи И. Канта в социологическом ключе, отмечает, что перцептуальный аспект категорий пространства и времени не зависит от индивидуальных особенностей субъектов, а определяется спецификой коллективного восприятия пространственно-временных отношений, которые носят инвариантный характер в контексте определенной эпохи и культуры [5].

Вслед за И. Кантом субъективистскую линию в трактовке пространства и времени продолжает Ф. Шеллинг. Время он рассматривает как объективировавшееся внутреннее чувство, пространство – как объективировавшееся внешнее чувство [6, с. 344]. «Источником» пространства и времени Ф. Шеллинг (как и И. Кант) считает субъект, а процесс объективирования обозначается им как выход созерцаемого за пределы «Я». Ф. Шеллинг представляет интересную схему субъект-объектных отношений: созерцание осуществляется субъектом (или через него), но при этом внешний мир является как бы продолжением организма: «Нет никаких препятствий к тому, чтобы мы воспринимали весь внешний мир как свой организм, в котором мы, как нам представляется, непосредственно присутствуем повсюду, где мы ощущаем» [6, с. 379]. Пространство для Ф. Шеллинга является «чистым созерцанием», т. е. созерцанием, освобожденным от всякого понятия (созерцаемого), следовательно, пространство «вообще не понятие, которое было бы абстрагировано от отношений между вещами; ибо, хотя пространство возникает для меня в результате абстракции, оно тем не менее не есть абстрактное понятие ни в том смысле, в каком таковыми являются категории, ни в смысле эмпирических или родовых понятий» [6, с. 384]. Таким образом, объекты в пространстве как бы созерцаются субъектом внутри себя самого, созерцание же высшего уровня абстракции («трансцендентальное созерцание») оборачивается пространством. Время Ф. Шеллинг рассматривает как «форму созерцания» или, точнее, промежуточное звено между понятием и созерцанием («трансцендентальную схему») [6, с. 387].

В своих воззрениях Ф. Шеллинг тесно сближается с И. Кантом, определяя время и пространство в качестве предельной когнитивно-чувственной рамки восприятия. Однако такой подчеркнuto субъективистский ракурс рассмотрения ставит вопрос о статусе «объективной реальности». Ф. Шеллинг, как и И. Кант, не отрицает наличие некоторой данности самой по себе, однако ее доступность для познающего субъекта всегда обуславливается возможностями инструментов познания. В целом, философские воззрения И. Канта и Ф. Шеллинга становятся импульсом для возникновения социального конструктивизма, который имеет принципиальное значение для исследования социального пространства и времени.

Зарождение концептов пространства и времени в социологической науке. Артикуляция пространства и времени в качестве *социальных* феноменов берет начало в социологии Э. Дюркгейма. Дюркгеймианские представления о пространственно-временной реальности во многом базируются на теоретических положениях И. Канта, однако Э. Дюркгейму удается погрузить его трансцендентальные идеи в социальный контекст, «заземлить» их. Таким образом, кантианские категории мета-статуса становятся пригодными для работы на уровне непосредственной социальной реальности.

Социолог рассматривает пространство и время в первую очередь как категории мышления (опираясь на логику И. Канта, определявшего пространство и время как априорные формы чувственности): «В основе наших суждений существует некоторое число важнейших понятий, господствующих над всей нашей интеллектуальной жизнью» [7, с. 185]. Время и пространство входят в число этих фундаментальных понятий, так как без них операции мышления не могут быть

в полной мере реализованы. Они задают базовую рамку нашего мышления и «соответствуют наиболее универсальным свойствам вещей» [7, с. 185].

Задавшись вопросом о происхождении таких понятий, Э. Дюркгейм затрагивает спор априористов и эмпиристов, отдавая предпочтение первым. Априористы считают, что категории мышления «имманентно присущи человеческому уму благодаря его врожденной конституции» [7, с. 190], однако этого недостаточно, чтобы объяснить их *происхождение*. Ответ на вопрос Э. Дюркгейм усматривает в том, что категории мышления формируются коллективно и являются продуктом социума, а не отдельного индивида и его опыта. Социолог отмечает: «Дело не только в том, что общество породило категории, но и в том, что содержанием категорий служат разные аспекты существования в обществе: ...ритм социальной жизни лежит в основе категории времени; пространство, занимаемое обществом, предоставило материал для создания категории пространства...» [8, с. 146]. Так, Э. Дюркгейм преодолевает субъективизм И. Канта, усматривая источником всех категорий мышления общество, «обоожествляя» его.

Индивид вписывается в общество благодаря постоянному соотносению своих локальных переживаний, потребностей с тканью социального. Категории мышления выстраивают сеть общественно разделяемых значений, обеспечивая эффективное взаимодействие между членами социума. Э. Дюркгейм разграничивает индивидуальное переживание / проживание явления и категорию, которая его обозначает. Если индивидуальное восприятие времени, к примеру, может состоять лишь в воспроизведении последовательности событий, произошедших с индивидом, или состояний, пережитых им, то категория «время» представляет собой рамку, «которая охватывает не только наше индивидуальное существование, но и существование человечества» [7, с. 198]. В этом контексте Э. Дюркгейм употребляет понятие «социальное время» – время, которое выступает выражением ритмов коллективной жизни и служит организующей рамкой социальности. Более того, социолог убежден, что время представляет собой «настоящий социальный институт» [7, с. 187].

Сходным образом дело обстоит и с пространством. Чтобы мыслить пространство, необходимо производить постоянную координацию с данными чувственного опыта, но такая координация возможна лишь при условии, что пространство не является чем-то недифференцируемым, а состоит из частей, которые не равны друг другу. При этом сами по себе ни время, ни пространство не имеют сторон, длительностей и пр. Все эти различия приписываются феноменам в соответствии с различными «эмоциональными ценностями» [7, с. 188]. Здесь может показаться, что Э. Дюркгейм будто бы приводит аргумент эмпиризма, однако речь идет о *коллективных* эмоциях, которые представляют собой феномен иного порядка. Эмоциональные ценности в данном контексте выступают продуктом коллективной жизни и играют роль некой общепринятой шкалы, с которой можно соотносить части пространства и моменты времени. Э. Дюркгейм пишет: «Поскольку все люди одной и той же цивилизации представляют себе пространство одинаковым образом, нужно, очевидно, чтобы эти эмоциональные ценности и зависящие от них различия также были общими для них, что почти с необходимостью предполагает их социальное происхождение» [7, с. 188]. Однако, несмотря на то, что представления о пространстве и времени формируются коллективно и впоследствии воспринимаются представителями одного и того же социума сходным образом, пространственно-временная реальность не является раз и навсегда заданной – ее свойства изменяются в ходе социальных практик.

Проблематизация категории «социальное время» в социологии. Феномен *социального времени* получает концептуализацию в середине XX в., благодаря выходу в 1937 г. программной статьи П. Соркина и Р. Мертона «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа» [9]. Основываясь на положениях Э. Дюркгейма, П. Сорокин и Р. Мертон рассматривают время как ритмы коллективной жизни, а в своей работе на первый план выводят проблему релевантности концепции астрономического времени для изучения общественных явлений.

В противовес многим исследователям, убежденным, что «нет системы времени, кроме астрономической или не вполне совпадающего с ней календаря» [9, с. 112], П. Сорокин и Р. Мертон проводят дихотомию астрономического и социального времени. Астрономическая концепция времени привлекательна в своей универсальности – время рассматривается как равномерное,

квантитативное, однородное и «очищенное» от качественных свойств, однако в плоскости социального времени шкала переплетается с тканью событий и неизбежно обретает «качество».

П. Сорокин и Р. Мертон обращают внимание на релятивность социального времени, выраженную в том, что точкой отсчета одного события зачастую выступает другое событие: «Начал бизнес после распада СССР», «Встретимся после работы», «Родился в начале Великой Отечественной войны» и т. д. [9, с. 113–114]. Астрономическая же концепция времени предполагает использование универсальных временных координат («Начал бизнес после 1991 года», «Встретимся после 18 часов», «Родился в 1941 году»). Временные координаты позволяют производить социальное картирование мира, однако «карта», наполненная событиями, оказывается более информативной и выразительной, чем «карта» датировок. Так, например, упоминание о распаде СССР вызывает целый комплекс воспоминаний и представлений о специфическом устройстве социальной реальности этого периода, тогда как указание года наступления события – 1991 – выступает лишь точкой на прямой. Таким образом, П. Сорокин и Р. Мертон настаивают на дихотомии астрономического и социального времени и подчеркивают необходимость анализировать общественные явления в терминах последнего.

Дихотомия, которую проводят П. Сорокин и Р. Мертон, представляется автору настоящей статьи не совсем корректной. В своей работе П. Сорокин и Р. Мертон приходят к выводу, что «социальное время, в отличие от времени в астрономии, обладает качествами, а не только количеством» [9, с. 116], но анализу подвергается не сам феномен времени, а временные закономерности различных областей реальности (физической и социальной). Астрономическая концепция времени при этом является лишь измерительной шкалой, с которой принято соотносить процессы, происходящие в природе или социуме.

Астрономическая концепция времени наделяется статусом объективности, так как за ее основу взяты незыблемые физические закономерности, однако даже она не является их точной моделью. Это легко обнаруживается на примере варьированности длины недели в различных культурах: «...Восемь дней в раннем Риме, семь – в иудео-христианской традиции, десять – в Китае, пять или шесть дней в отдельных районах Африки и Центральной Америки» [4, с. 73]. Иными словами, астрономическая временная шкала «социализируется» в зависимости от культурного контекста. При этом даже полное совпадение астрономических закономерностей с календарем вряд ли изменило бы устройство нашей жизни: все принятые в обществе практики связываются с временной шкалой только лишь посредством социального соглашения. Сама концепция астрономического времени является продуктом творчества научного сообщества, а значит, конвенциональна по своей природе.

В работе польского социолога П. Штомпки «Социология социальных изменений» [10] тематика времени находит отражение в контексте социальной динамики. Время и пространство рассматриваются им как базовые измерения социальности, имплицитно присутствующие во всех социальных взаимодействиях. В связи с тем, что основной интерес социолога представляют общественные изменения, время рассматривается им через призму событий: «Каждое социальное явление и событие не только связаны с другими, но и сами могут быть разбиты на компоненты, которые в свою очередь также взаимосвязаны по временным параметрам» [10, с. 68]. В своем анализе П. Штомпка использует логику, обратную Э. Дюркгейму, и исходит из онтологических фактов (природы событий), обобщая их на эпистемологическом уровне: «Эти онтологические факты влекут за собой эпистемологические последствия...» [10, с. 67]. Так, время, несмотря на свою «неуловимость», обнаруживает себя для нас через событийный ряд.

П. Штомпка выделяет две ипостаси времени: 1) время как шкала для измерения и упорядочения событий («количественное время»); 2) время как имманентное свойство событий («качественное время»). В первом случае оно рассматривается как своеобразный измеритель любого социального феномена, воплощенный в календарях и графиках. Во втором случае речь идет о временной природе самих событий (их длительности, последовательности, частоте повторения и т. д.).

Такое деление может привести к серьезной терминологической путанице, так как «время» здесь используется для обозначения двух других самостоятельных понятий – «шкала» и «зако-

номерность», при этом мета-статус времени ускользает из виду. Автор настоящей статьи предлагает четко разграничивать данные понятия: время как всепроникающий мета-феномен и категория мышления, шкала как общепринятый измерительный инструмент и закономерность, выражающаяся в ритмике событий.

Попытку создать самостоятельную социологию времени предпринимает современник П. Штомпки – израильский и американский социолог Э. Зерубавель.

В своем анализе Э. Зерубавель продолжает дюркгеймианскую линию и рассматривает время как закономерность социальных событий и действий. Социолог сосредотачивается на изучении конвенциональной природы феномена, а не на попытках дать дефиницию времени как некой эмпирической данности.

Согласно Э. Зерубавелю, временные закономерности пронизывают различные сферы реальности: физическую, биологическую и социальную. При этом исследователь проводит строгое различие физиотемпоральных, биотемпоральных и социотемпоральных порядков, рассматривая первые два как «естественные», а последний как «сконструированный» [11].

Физиотемпоральные и биотемпоральные закономерности обеспечивают довольно высокую степень предсказуемости и позволяют использовать естественную среду как своеобразные часы или календарь. Так, вполне возможно определить время суток по положению солнца на небе или время года по различным природным индикаторам, таким как опадающие листья. Однако жесткое разграничение месяцев, точно так же, как и фиксированную продолжительность суток, отраженную в общепризнанной астрономической концепции времени, с трудом можно назвать воплощением естественных ритмов. Более того, биологические ритмы или физические закономерности могут вовсе не соотноситься с теми практиками, которые распространены в социальной среде в определенное время суток или пору года: «Тот факт, что половой акт в современном городе ограничен часами, когда люди утомлены после трудового дня, может повысить эффективность трудовой жизни для рабочих всех классов, однако только ценой жертвы в личных и органических отношениях» [11, с. 12].

Э. Зерубавель отмечает, что естественные и социальные временные закономерности функционируют сходным образом. Как биологические часы «встроены» в организм человека, так и социальные часы имманентно присутствуют в каждом, кто живет в обществе. Одним из следствий жесткого временного графика социальной жизни является то, что мы легко можем понять который час, просто обратив внимание на действия окружающих. Таким образом, «мы несем внутри себя своего рода “временную карту”, которая состоит из всех наших ожиданий относительно последовательного порядка, продолжительности, временного местоположения и частоты повторения событий в нашей повседневной жизни» [11, с. 14].

Социальное время, будучи сконструированным, обладает такой же степенью объективности для члена общества, как и «биологические часы» для человеческого организма. Э. Зерубавель акцентирует внимание на конвенциональной природе социотемпоральных закономерностей, которые порой не просто не совпадают с физическими и биологическими временными режимами, но и конфликтуют с ними. Так, время подъема диктует рабочий график, а не восход солнца; время отхода ко сну в большей мере определяется не закатом или усталостью, а «поздним часом». Календари и графики регулируют большую часть нашей повседневной жизни и представляют собой успешную попытку установить организацию в противовес спонтанности.

Заключение. Временные режимы человеческой деятельности и пространственная конфигурация общественных отношений аккумулируют в себе базовые принципы социальной организации. Пространство и время как феномены мета-статуса недоступны нашему познанию непосредственно (согласно традиции немецкого идеализма), однако методы социологической науки позволяют выявить, каким образом пространство и время проявляют себя в повседневной жизни.

При исследовании феномена времени автор настоящей статьи предлагает разделять категории «время», «временная шкала» и «временная закономерность». В данной триаде время представляет собой мета-феномен, пронизывающий все сферы реальности; временная шкала выступает как универсальный измерительный конструкт и способ «освоения» времени; временная закономерность отражает ритмику событий. «Недоступность» времени обуславливается его

трансцендентным статусом и отсутствием эмпирической локализации. Однако опосредованно время проявляет себя через событийный ряд и различные временные модели (часы, календари, графики), становясь, таким образом, «доступным» для социологического анализа.

Выстраивая картину мира, мы так или иначе пытаемся привести в «согласие» временные паттерны различных областей реальности (физической, биологической, социальной), что становится возможным благодаря социальной конвенции. Астрономическая концепция времени в данном контексте не отражает «объективное время», а выступает лишь общепринятой шкалой, с которой мы привыкли соотносить свои действия. Таким образом, порядок социальных практик связывается с временной шкалой именно посредством общественного соглашения.

Во избежание терминологической путаницы в поле социологии представляется продуктивным оперировать понятием «темпоральность», которое отражает временную природу феноменов (их продолжительность, последовательность, частоту повторения и т. д.) и не перегружено трансцендентными смыслами, как категория «время». Методы социологической науки в свою очередь позволяют продуктивно исследовать практики «освоения» пространственно-временной реальности и специфику пространственно-временной организации различных культурных общностей.

Список использованных источников

1. Абушенко, В. Л. Современная социология: проблемы, рамки, основания : курс лекций / В. Л. Абушенко. – Минск : Экономпресс, 2016. – 500 с.
2. Шавердо, Т. М. Онтологический и эпистемологический аспекты исследования социальных феноменов / Т. М. Шавердо // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 нояб. 2019 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии ; редкол.: Г. П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 48–49.
3. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. О. Лосского. – М. : Наука, 1999. – 655 с.
4. Ойзерман, Т. И. Кантовская концепция пространства и времени / Т. И. Ойзерман // Кант. сб. – 2009. – № 1 (29). – С. 7–19. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2009-1-1>
5. Осипов, А. И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности / А. И. Осипов ; науч. ред. Д. И. Широканов. – Минск : Наука и техника, 1989. – 220 с.
6. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг ; пер. с нем. М. И. Левиной ; сост., ред. А. В. Гулыга. – М. : Мысль, 1987–1989. – Т. 1. – 1987. – 637 с. – (Философское наследие ; т. 102).
7. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука: классики мирового религиоведения : антология / пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М., 1998. – [Т. 2]. – С. 175–231.
8. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Заключение / Э. Дюркгейм ; пер. с франц. В. Земскова // Социол. обозрение. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 122–154. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-122-154>
9. Сорокин, П. А. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа / П. А. Сорокин, Р. К. Мертон ; пер. с англ. Н. В. Романовский // Социол. исслед. – 2004. – № 6 (242). – С. 112–119.
10. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 415 с.
11. Zerubavel, E. Hidden rhythms: schedules and calendars in social life / E. Zerubavel. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1981. – 189 p.

References

1. Abushenko V. L. *Modern sociology: problems, frameworks, foundations*. Minsk, Ekonompress Publ., 2016. 500 p. (in Russian).
2. Shaverdo T. M. Ontological and epistemological aspects of the study of social phenomena. *Sotsial'noe znanie v sovremenom obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 14–15 noyabrya 2019 g.* [Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects: materials of the international scientific-practical conference, Minsk, November 14–15, 2019]. Minsk, 2019, pp. 48–49 (in Russian).
3. Kant I. *Kritik Der Reinen Vernunft*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. 724 S. (in German).
4. Oizerman T. I. Raum- und Zeitkonzeption bei Kant. *Kantovskii sbornik = Kantian Journal*, 2009, no. 1 (29), pp. 7–19 (in Russian). <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2009-1-1>
5. Osipov A. I. *Space and time as categories of worldview and regulators of practical activity*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1989. 220 p. (in Russian).
6. Shelling F. V. I. *Works. Vol. I*. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 637 p. (in Russian).
7. Durkheim E. Elementary forms of religious life. Australia's totemic system. *Mistika. Religiya. Nauka: klassiki mirovogo religiovedeniya: antologiya* [Mystic. Religion. Science: classics of world religious studies: anthology]. Moscow, 1998, vol. 2, pp. 175–231 (in Russian).

8. Durkheim E. Elementary forms of religious life: conclusion. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Sociological Review*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 122–154 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-122-154>

9. Sorokin P. A., Merton R. K. Social time: a methodological and functional study. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2004, no. 6 (242), pp. 112–119 (in Russian).

10. Sztompka P. *The sociology of social change*. Oxford, Cambridge, Blackwell, 1993. 348 p.

11. Zerubavel E. *Hidden rhythms: schedules and calendars in social life*. Chicago, University of Chicago Press, 1981. 189 p.

Информация об авторе

Шавердо Тамара Михайловна – аспирант, младший научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). Email: tamara.shaverdo17@ya.ru

Information about the author

Tamara M. Shaverdo – Postgraduate Student, Junior Scientific Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: tamara.shaverdo17@ya.ru

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 930(476)(1921–1939)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-286-297>

Паступіў у рэдакцыю 07.04.2020
Received 07.04.2020

А. С. Горны

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь

**ЭГА-ДАКУМЕНТЫ ЯК КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАГА
НАЦЫЯНАЛЬНАГА РУХУ Ў МІЖВАЕННАЙ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ**

Аннотацыя. Представлены основные теоретические подходы, существующие в отечественной и зарубежной историографии по проблеме эго-документов как исторических источников. Анализируется роль голландского историка Жака Прессера в создании этого термина и его распространении в зарубежной исторической науке в 1980–1990 гг. Автор статьи, принимая во внимание европейский опыт, дает собственное определение термина «эго-документы», адаптированное к белорусской историографии, и подчеркивает научную целесообразность активного использования эго-документов при изучении истории белорусского национального движения в межвоенной Западной Беларуси.

Раскрывается научная ценность эго-документов как источников для изучения различных тем, связанных с историей белорусского национального движения в межвоенной Западной Беларуси. На примере писем в белорусский книжный магазин в Вильно анализируется научный потенциал деловой переписки как части эпистолярных источников. Выделяется пять видов мемуарной литературы, которые расширяют наши знания о различных вехах жизни и деятельности активистов белорусского движения в межвоенной Западной Беларуси. Анализ университетских автобиографий и curriculum vitae подчеркивает недостаточное количество исследований по этому типу эго-документов и его научную ценность при изучении взаимоотношений между белорусскими активистами и польским государством. Среди автобиографического жанра есть два малоисследованных типа документов: автобиографические анкеты и следственные автобиографии, которым исследователи уделяют мало внимания в научной практике.

Делаются выводы о незначительном использовании эго-документов при изучении истории белорусского движения в межвоенной Западной Беларуси. Антропологический поворот в историографии определил стремление современных историков обратить внимание на проблему повседневной жизни белорусского движения, его локальные измерения, что предопределяет активное использование эго-документов в качестве исторических источников.

Ключевые слова: эго-документы, белорусское национальное движение, Западная Беларусь, межвоенная Польша, мемуары, автобиография, дневники

Для цитирования: Горны, А. С. Эга-дакументы як крыніцы па гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі / А. С. Горны // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 286–297. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-286-297>

Aliaksandr S. Gorny

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

**EGO-DOCUMENTS AS SOURCES FOR THE HISTORY OF BELARUSIAN NATIONAL
MOVEMENT IN INTERWAR WESTERN BELARUS**

Abstract. The main theoretical approaches that exist in domestic and foreign historiography on the problem of ego-documents are given in the introduction. Role of the Dutch historian Jacques Presser in creation of this term and its use in foreign historical science in the 1980–1990s is analyzed. The author of the article, taking into account European experience, is trying to give his own definition of the term “ego-documents”, adapted to Belarusian historiography. The author also notes the scientific feasibility of the active use of ego-documents when studying the history of the Belarusian national movement in the interwar Western Belarus.

The main part of the article reveals the scientific value of ego-documents as sources for studying various topics related to the history of the Belarusian national movement in the interwar Western Belarus. As an example, the author took letters to the Vilnius Belarusian bookstore, and analyzed the scientific potential of business correspondence as part of epistolary sources. Five types of memoir literature, which help to expand knowledge about various figures of the Belarusian movement in the interwar Western Belarus, were formed. An analysis of university autobiography and curriculum vitae emphasizes the lack of knowledge of this type of ego-documents and its scientific value in the study of relations between Belarusian activists and the Polish state.

In conclusion, conclusions are drawn about the insignificant use of ego-documents in the study of the history of Belarusian nationalism in the interwar Western Belarus. The anthropological turn in historiography has determined the desire of modern historians to pay attention to the everyday problem of the Belarusian movement, its local features that determines the active use of ego-documents as sources.

Keywords: ego-documents, the Belarusian national movement, Western Belarus, interwar Poland, memoirs, autobiography, diaries

For citation: Gorny A. S. Ego-documents as sources for the history of Belarusian national movement in interwar western Belarus. *Vesti Natsyonal'noi akademii nauk Belarusi. Seriya humanitarnykh nauk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 286–297 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-286-297>

Уводзіны. Антрапалагічны паварот у гістарыяграфіі ў другой палове ХХ ст. прымусіў многіх гісторыкаў звярнуць увагу на новую крыніцавую базу, якая дазваляла больш грунтоўна прасачыць паўсядзённыя практыкі звычайных людзей у гістарычнай рэтраспектыве. Зніжэнне аўтарытэту афіцыйных справаводчых дакументаў і пашырэнне міждысцыплінарнасці ў даследаваннях прывялі да актыўнага выкарыстання тых крыніц, якія адлюстроўвалі не столькі знешнія гістарычныя працэсы, колькі ўнутраны свет чалавека, яго эмоцыі, праявы ідэнтычнасці і калектыўнасці. У першую чаргу такімі дакументамі былі аўтабіяграфіі, мемуары, дзённікі, лісты і інш. Па вызначэнні сучасных крыніцазнаўцаў, гэтыя дакументы не толькі асвятлялі гістарычную падзею, але і стваралі яе адчуванне, падкрэсліваючы эмацыянальны кампанент [1, с. 6].

З 1980-х гг. у савецкай гістарыяграфіі за дакументамі падобнага роду замацаваўся тэрмін “дакументы асабістага паходжання”. У той жа час гэтыя дакументы як у рамках савецкай, так і постсавецкай гістарыяграфіі ў шматлікіх даследаваннях займалі другаснае месца, з’яўляючыся як бы дадаткам да шырокага кола дакументальных крыніц [1, с. 9]. Такі падыход быў абумоўлены панаваннем пазітывісцкай альбо марксісцкай традыцыі ў даследаваннях, а таксама адносінамі даследчыкаў да асабістых дакументаў як да выключна суб’ектыўных крыніц. У беларускай гістарыяграфіі шмат у чым захавалася падобная ацэнка на тэарэтычным узроўні. Напрыклад, ва ўніверсітэцкім падручніку “Тэорыя і гісторыя крыніцазнаўства”, які з’яўляецца на сённяшні час класічным падручнікам па вывучэнні беларускага крыніцазнаўства, эпісталажныя крыніцы, мемуары, дзённікі адносяцца да апавядальнага тыпу крыніц. У выданні падкрэсліваецца, што гэтыя крыніцы “ствараліся спецыяльна для перадачы інфармацыі, якая падвяргалася, безумоўна, больш істотнаму скажэнню” [2, с. 24].

У той жа час у еўрапейскай гістарыяграфіі існуе іншая традыцыя даследавання і аналізу крыніц асабістага паходжання, якую мэтазгодна выкарыстоўваць і ўкараняць у айчынную навуку. У 1958 г. галандскі гісторык Жак Прэсер (Jacques Presser), які спецыялізаваўся на пошуку дзённікаў і іншых дакументаў ахвяр Халакоста ў Нідэрландах, выпрацаваў агульны тэрмін для азначэння аўтабіяграфій, мемуараў, дзённікаў, прыватных лістоў – “эга-дакументы”. Першапачаткова ён ахарактарызаваў гэтае паняцце наступным чынам: “Эга-дакументы – гэта тыя гістарычныя крыніцы, у якіх даследчык сутыкаецца з “я”, якое пастаянна прысутнічае ў тэксе ў якасці прадмета, што піша і апісвае” [3, р. 14]. Праз некалькі год Прэсер прапанаваў больш лаканічнае азначэнне гэтага паняцця: “Эга-дакументы – гэта тыя крыніцы, дзе эга наўмысна ці выпадкова раскрывае або ўтойвае сябе” [4, р. 278]. Пры гэтым першапачаткова ў межах гэтага паняцця разглядаліся толькі дзённікі, мемуары, аўтабіяграфіі і ўласная перапіска.

Аднак амаль праз 50 гадоў неалагізм Прэсера выйшаў за рамкі галандскай гістарычнай навукі і пашырыўся ў еўрапейскім навуковым дыскурсе. У 1996 г. англійскі гісторык Пітэр Берк адным з першых адаптаваў гэты тэрмін для англамоўнай гістарыяграфіі [3, р. 14]. Адначасова з Беркам нямецкі гісторык Вінфрэд Шульц пачаў выкарыстоўваць гэтае паняцце ў нямецкай гістарыяграфіі і нават значна пашырыў яго змест. Паводле Шульца, эга-дакумент – “гэта ка-

тэгорыя, якая ахоплівае ўсе тыя крыніцы, у якіх чалавек распавядае нам штосьці аб сабе, робячы гэта па свабоднай волі ці ў іншых умовах”. Гэта апошняе ўдакладненне – “у іншых умовах” – дазволіла Шульцу значна пашырыць арэал эга-дакументаў і ўключыць у іх пералік, напрыклад, пратаколы судовых пасяджэнняў, пратаколы допытаў, хадайніцтва аб памілаванні, тэстаменты і перадсмяротныя запіскі, curriculum vitae і інш. [4, р. 279]. Такім чынам, на сённяшні час азначэнне, прапанаванае Шульцам, з’яўляецца найбольш прымальным і ахоплівае максімальную колькасць відаў крыніц, якія могуць быць аднесены да эга-дакументаў. У адпаведнасці з гэтым у дадзеным артыкуле пад эга-дакументамі мы будзем разумець усе тыя гістарычныя крыніцы, дзе чалавек свядома ці несвядома перадае свой унутраны свет, пачуцці, перажыванні, меркаванні, знаходзячыся ў розных абставінах ці ўмовах.

У беларускай гістарыяграфіі на сучасным этапе эга-дакументы паступова пачынаюць губляць сваё другаснае палажэнне і займаць адну з галоўных пазіцый у крыніцавай базе даследаванняў, пабудаваных на новых метадалагічных падыходах. Аднак праблематыку гісторыі беларускага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі гэтыя змяненні закранулі ў меншай ступені. Сярод большасці даследчыкаў, якія спецыялізуюцца па гэтай тэматыцы, “папулярнымі” крыніцамі па-ранейшаму выступаюць справаводчыя дакументы (справаздачы польскай паліцыі, польскіх органаў улады, унутраная дакументацыя беларускіх арганізацый і інш.) і матэрыялы перыядычнага друку. Тым не менш у рамках вывучэння дадзенай праблемы наспела неабходнасць пашырэння даследчыцкага поля шляхам вызначэння паўсядзённых структур беларускага руху, яго прасапаграфіі, лакальных асаблівасцей, сацыяльных ліфтоў і інш. Гэтая акалічнасць павінна штурхаць даследчыкаў выяўляць новыя крыніцы, звязаныя з аналізам унутранага свету чалавека і матываў яго паводзін, а таксама навукова верыфікаваць ужо існуючыя эга-дакументы па гісторыі беларускага нацыянальнага руху.

Асноўная частка. Адным з самых вялікіх па аб’ёму корпусам эга-дакументаў па гісторыі беларускага руху ў Заходняй Беларусі з’яўляюцца эпістальныя крыніцы. Можна вылучыць два віды лістоў, характэрных для гэтага перыяду: 1) дзелавыя лісты, якія адлюстроўвалі афіцыйны характар зносін; 2) прыватныя лісты, для якіх характэрны асабісты ўзровень камунікацыі. Дзелавая перапіска вельмі шырока прадстаўлена ў розных архіўных фондах беларускіх арганізацый міжваеннага перыяду, напрыклад, ф. 361 Таварыства беларускай школы ці ф. 365 Беларускай сялянска-работніцкай грамады ў Цэнтральным дзяржаўным архіве Літвы, дзе захоўваецца значная колькасць афіцыйных лістоў да кіраўніцтва гэтых арганізацый ад прадстаўнікоў нізавых структур і правінцыяльных аддзелаў. Маладаследаваным матэрыялам можна лічыць лісты ў рэдакцыі беларускіх міжваенных перыядычных выданняў і беларускія кнігарні. Напрыклад, у лістах беларускіх актывістаў у віленскую кнігарню “Пагоня” можна выявіць узровень пашырэння нацыянальнай самасвядомасці сярод мясцовага насельніцтва розных рэгіёнаў Заходняй Беларусі, сферу зацікаўленасці мясцовага беларускага актыву ва ўмовах узмацнення паланізацыі ў канцы 1930-х гг. [5, арк. 1–156].

Прыватнае ліставанне таксама займае значнае месца сярод эпістальнай спадчыны ўдзельнікаў беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі. Вялікая колькасць лістоў па гэтай праблематыцы захоўваецца ў архіўных фондах асабістага паходжання Т. Грыба і К. Езавітава ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, у фондзе Беларускага навуковага таварыства (ліставанне А. Луцкевіча) і рэдакцыі часопіса “Крывіч” (ліставанне В. Ластоўскага) у Цэнтральным дзяржаўным архіве Літвы, у фондах беларускіх эмігрантаў, якія перапісваліся з заходнебеларускімі грамадскімі і палітычнымі структурамі, у Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі. Гэтыя дакументы адлюстроўваюць багаты факталагічны матэрыял для даследавання праблем сувязі палітычных і культурных сіл Заходняй Беларусі з беларускімі эмігранцкімі цэнтрамі, развіцця інтэлектуальнай думкі беларусаў у міжваенны перыяд. Парадаксальна, што, нягледзячы на добрую рэпрэзентатывнасць у архіўных фондах, гэтыя эпістальныя дакументы на сённяшні час у сваёй большасці не апублікаваны асобным выданнем і нязначна ўведзены ў навуковы ўжытак.

Яшчэ адным значным комплексам эга-дакументаў па гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі з’яўляюцца ўспаміны яго непасрэдных удзельнікаў. Мемуары як гістарычная крыніца маюць шмат суб’ектыўных характарыстык, якія залежаць ад цензурных

падыходаў, палітычных, ідэалагічных ці рэлігійных устаноў аўтараў, што дало падставы многім гісторыкам ігнараваць гэтыя творы. Фактычна да сярэдзіны XX ст. у гістарыяграфіі мемуары лічыліся выключна другараднай крыніцай, даныя якіх выкарыстоўваліся толькі як дапамога ў факталагічных пошуках [6, с. 7]. Пераадоленне гэтага пазітывісцкага погляду прывяло да таго, што цяпер успаміны з’яўляюцца адной з важных крыніц вывучэння эвалюцыі светапогляду іх аўтараў. Самі суб’ектыўныя ацэнкі могуць выступаць даследчыцкім полем, з дапамогай якога можна аналізаваць кантэкст напісання мемуараў, узаемаадносіны аўтараў з пэўнымі асобамі, механізмы ўтойвання/абвясчэння рознай інфармацыі. Аўтарства мемуараў у гэтым выпадку мае значную ролю, бо цалкам уплывае на змест наратыву. З гэтага пункта гледжання мемуары па гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі можна аб’яднаць у 5 груп: 1) успаміны беларускіх дэпутатаў польскага парламента ў міжваенны перыяд; 2) успаміны літаратараў і культурных дзеячаў; 3) успаміны былых выпускнікоў беларускіх гімназій; 4) успаміны дзеячаў КПЗБ і іншых леварадыкальных структур у Заходняй Беларусі; 5) успаміны пасляваенных эмігрантаў аб дзеячах беларускага хрысціянска-дэмакратычнага руху.

Сярод мемуараў па гісторыі беларускага руху ў Заходняй Беларусі найбольш тэматычна пашыранай з’яўляецца група ўспамінаў былых беларускіх дэпутатаў польскага парламента ў міжваенны перыяд: В. Рагулі, А. Стагановіча, Ю. Сабалеўскага, П. Карузы. Успаміны апошняга дзеяча, запісаныя на магнітафонную стужку ў 1974 г. у выглядзе інтэрв’ю, на сённяшні час з’яўляюцца маладаследаванымі і чакаюць навуковай апрацоўкі [7, с. 17]. Мемуары В. Рагулі, А. Стагановіча і Ю. Сабалеўскага былі напісаны ўжо ва ўмовах пасляваеннай эміграцыі і змяшчалі шмат суб’ектыўных ацэнак розных падзей і асоб, якія былі пазбаўлены цензурных рамак, аднак мелі пэўнае адценне палітычных густаў аўтараў. Хрэстаматыйнымі з гэтага пункта гледжання з’яўляюцца “Успаміны” В. Рагулі, надрукаваныя ў Нью-Ёрку ў 1957 г. і перавыдадзеныя ў Беларусі ў 1993 г. [8]. На сённяшні час гэты твор з’яўляецца адным з самых цытуемых эга-дакументаў у навуковых працах па гісторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. У ім Рагуля узгадаў аб беларускай агітацыі падчас выбараў у польскі сейм у 1922 і 1928 гг., адлюстравалі механізмы працы беларускіх паслоў у парламенце, раскрыў супярэчлівыя аспекты ўтварэння Беларускай сялянска-работніцкай грамады. У кнізе прысутнічаюць асабістыя характарыстыкі многіх беларускіх дзеячаў, у якіх змяшчаліся, часам, дастаткова адкрытыя сведчання, напрыклад, аб злоўжыванні алкаголем і інш. [8, с. 22–24]. Даследчыцкай каштоўнасцю гэтых успамінаў можна таксама лічыць звесткі аб фінансаванні розных праектаў беларускага руху ў міжваеннай Польшчы, у тым ліку з боку камуністаў і польскіх улад, што на сённяшні час з’яўляецца маладаследаванай і прывабнай для навуковага дыскурсу тэмай [8, с. 39, 49, 58]. Тым не менш палітычная канкурэнцыя, якая мела месца ў асяроддзі беларускай пасляваеннай эміграцыі, наклала суб’ектыўны адбітак на змест успамінаў В. Рагулі, які, у прыватнасці, вельмі крытычна адносіўся да міжваеннай дзейнасці Я. Станкевіча. Апошні, у сваю чаргу, апублікаваў на гэты твор вельмі негатыўную рэцэнзію ў беларускім эміграцыйным друку.

Падобныя супярэчнасці ў асяроддзі беларускай пасляваеннай эміграцыі паўплывалі і на ўспаміны былога беларускага дэпутата пасольскага клуба “Змаганне” А. Стагановіча [9]. Ён кантэгарычна адмоўна ахарактарызаваў дзейнасць на заходнебеларускай палітычнай арэне Я. Станкевіча і Р. Астроўскага, спрабаваў крытычна прааналізаваць арганізацыйную працу беларускіх пракамуністычных дзеячаў з клуба “Змаганне” падчас перадвыбарчай кампаніі і парламенцкай барацьбы. Ва ўспамінах Стагановіч пазітыўна ацэньваў ролю БСРГ у беларускім нацыянальным руху, лічыў яе нацыянальна арыентаванай партыяй, а прычыну ліквідацыі “Грамады” бачыў у “камуністычнай правакацыі” [9, с. 251]. У той жа час яго мемуары змяшчаюць шмат перабольшванняў і гістарычных разыходжанняў, напрыклад, пашырэнне ўплываў БСРГ на Навагрудчыне ён звязваў з мітынгамі, арганізаванымі яго блізкім сябрам В. Рагуляй, што насамрэч не адпавядала рэчаіснасці [9, с. 250].

Успаміны Ю. Сабалеўскага, аб’яднаныя пад агульнай назвай “Беларуская сялянска-работніцкая грамада”, адлюстроўваюць перыяд ліквідацыі гэтай палітычнай арганізацыі ў 1927 г. і яе пазнейшыя наступствы. Сабалеўскі ва ўспамінах надаў вялікую ўвагу не столькі ўласна “Грамадзе”, колькі асабістым перажыванням і жыццёвым акалічнасцям, звязаным з яго праследаван-

нем у сувязі з арыштам лідараў БСРГ у студзені 1927 г. Шмат увагі аўтар звярнуў на апісанне польскай палітыкі адносна беларускага насельніцтва ў Заходняй Беларусі, дзейнасці Б. Тарашкевіча ў якасці лідара БСРГ. Каштоўнасцю гэтых мемуараў можна лічыць таксама характарыстыку ўплыву камуністаў на легальныя формы дзейнасці беларускага руху, у тым ліку ўплыву на гэты рух польскага леварадыкальнага дзеяча С. Ваявудскага і інш. [10].

Асаблівае месца ў мемуарыстыцы па гісторыі беларускага руху ў Заходняй Беларусі складаюць успаміны пісьменнікаў і культурных дзеячаў. Вядомымі ў гэтым плане з’яўляюцца ўспаміны беларускага драматурга Ф. Аляхновіча “У капцюрэх ГПУ”, выдадзеныя ў 1937 г. пасля вызвалення аўтара з Салавецкага лагера. У першай частцы ўспамінаў Аляхновіч даў невялікі агляд розным перэпетыям беларускага палітычнага жыцця ў Вільні ў 1920-я гг. У прыватнасці, з’яўляючыся віцэ-старшынёй паланафільскай Часовай беларускай рады, у сваіх мемуарах ён ускосна згадаў пра гэтую арганізацыю і апісаў умовы яе функцыянавання і ўнутранага жыцця [11, с. 31, 33–34].

Каштоўнымі і насычанымі на розныя асабістыя характарыстыкі з’яўляюцца ўспаміны беларускага журналіста і друкара Янкі Багдановіча. Яго мемуарныя запісы аб розных перыядах жыцця былі аб’яднаны пад адной вокладкай і выдадзены ў 1992 г. пад назвай “На жыццёвым шляху” ўжо пасля смерці аўтара. Паказальна, што самі ўспаміны былі напісаны ў 1970-я гг. ва ўмовах савецкай рэчаіснасці, якая, пэўным чынам, паўплывала на змест успамінаў. Іх галоўнай каштоўнасцю можна лічыць характарыстыкі, дадзеныя многім вядомым дзеячам беларускага руху, у першую чаргу выкладчыкам Віленскай беларускай гімназіі, з якімі сутыкаўся падчас сваёй вучобы аўтар. Дзякуючы гэтым успамінам можна прааналізаваць асаблівасці характару, унутранага свету, сямейных стасункаў, паводзін у нестандартных абставінах такіх асоб, як Г. Каверда, А. Сакалова-Лекант, Р. Шырма, М. Красінскі, А. Міхалевіч, І. Катовіч, А. Данілевіч і інш. [12]. Асобным раздзелам у кнізе Багдановіча пададзены ўспаміны аб унутраным жыцці Беларускай друкарні імя Ф. Скарыны ў Вільні ў 1930-я гг., а таксама аб дзейнасці розных віленскіх беларускіх друкароў. Тым не менш, як заўважыў рэдактар А. Ліс у сваёй прадмове, успаміны Янкі Багдановіча мелі “беглы, паспешлівы характар”, а некаторыя эпізоды былі адлюстраваны “на ўзроўні бытавой свядомасці” [12, с. 5]. Апошняя ацэнка, аднак, мае адбітак тагачаснага ўзроўню гістарычнага дыскурсу ў беларускай навуцы, бо на сучасным этапе “бытавая” інфармацыя, аналіз жыццёвых дробязяў дапамагаюць гісторыкам раскрыць усю шматграннасць характару і паводзін той ці іншай асобы.

Неабходна адзначыць, што Віленская беларуская гімназія сярод усіх структур беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі “заслужыла” ў гістарычным наратыве найбольшую колькасць успамінаў і мемуараў яе былых вучняў. Невялікія згадкі аб першых гадах існавання гэтай навучальнай установы, аб уроках беларускай літаратуры М. Гарэцкага змяшчаюцца ў “Аўтабіяграфічным нарысе” Н. Арсенневай, які быў напісаны ва ўмовах жыцця аўтара на эміграцыі [13, с. 469–470]. Увогуле, прадстаўнікі пасляваеннай беларускай эміграцыі, вучнёўскае юнацтва большасці з якіх было звязана з беларускімі навучальнымі ўстановамі ў міжваеннай Заходняй Беларусі, дастаткова добра захавалі памяць аб Віленскай беларускай гімназіі, докажам чаго з’яўляюцца, напрыклад, змястоўныя мемуары В. Тумаша, Л. Галяка і інш. [14; 15]. У гэтых успамінах падрабязна адлюстраваны паўсядзённасць гімназічнай моладзі, уплывы палітычнага жыцця на гімназію, дадзены пэўныя характарыстыкі і ацэнкі дзейнасці педагогічнага персаналу. Такі корпус успамінаў аб Віленскай беларускай гімназіі можа стаць ґрунтоўным дапаможнікам пры даследаванні прасапаграфіі настаўнікаў і вучняў беларускіх гімназій міжваеннага перыяду.

Асобную групу мемуараў па гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі складаюць успаміны дзеячаў КПЗБ і іншых пракамуністычных арганізацый. У другой палове 1950-х гг. у беларускай гістарычнай навуцы адбыўся гістарыяграфічны паварот у вывучэнні Заходняй Беларусі, які быў выкліканы рэабілітацыяй КПЗБ падчас XX з’езда КПСС [16, с. 45]. Гэта спрыяла разгортванню шырокіх даследаванняў праблем палітычнай гісторыі заходнебеларускіх зямель у міжваенны перыяд. Адною з праяў папулярызацыі дыскурсу заходнебеларускай “рэвалюцыйнай барацьбы” стала падрыхтоўка ўспамінаў былых удзельнікаў леварадыкальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі. У прыватнасці, у 1950–1960-я гг. у БССР і Літоўскай ССР

выйшлі зборнікі ўспамінаў былых членаў КПЗБ “У суровыя гады падполля” і “Вильнюское подполье”, а таксама зборнік успамінаў былых вязняў Бяроза-картузскага лагера “Они не встали на колени”, якія былі падрыхтаваны пры актыўным удзеле тагачасных партыйных структур, у першую чаргу, Інстытутаў гісторыі партыі адпаведных савецкіх рэспублік [17, с. 6]. У 1978 г. выйшаў зборнік дакументаў аб гісторыі камсамола Заходняй Беларусі, дзе былі перадрукаваны шэсць успамінаў былых актывістаў з апублікаваных і вышэйзгаданых зборнікаў [18, с. 17–22, 24–25]. Гэты факт пацвярджае тое, што шмат у чым успаміны былых сяброў КПЗБ разглядаліся не столькі як гістарычная крыніца, колькі як значны выхаваўчы элемент, на аснове якога маладое пакаленне павінна было засвойваць узор прыкладнай “рэвалюцыйнай барацьбы” і змагання за свае ідэалы.

Найбольш вывераным з ідэалагічнага пункта гледжання і навукова вартым можна лічыць зборнік успамінаў леварадыкальных актывістаў Заходняй Беларусі “Годы испытаний и мужества”, выдадзены ў 1973 г. пад рэдакцыяй былога сябра КПЗБ М. Арэхвы і М. Сташкевіча. У зборніку былі надрукаваны ўспаміны не толькі шэраговых актывістаў камуністычных арганізацый, але і вядомых функцыянераў беларускага леварадыкальнага руху, напрыклад, П. Пестрака, М. Танка, С. Прытыцкага, С. Малько, Ф. Цігельніцкай, П. Крынчыка і інш. Задача гэтых успамінаў – падкрэсліць рэвалюцыйную героіку заходнебеларускай рэчаіснасці і паказаць тыповы прыклад “рэвалюцыйнага барацьбіта”, які можа ахвяраваць свае здольнасці дзеля партыйных патрэб. Безумоўна, успаміны былі падрабязна адрэдагаваны савецкімі гісторыкамі ў плане агучвання розных палітычных імёнаў і ацэнкі дзейнасці беларускіх нацыянальна-дэмакратычных арганізацый, якія ў савецкай гістарыяграфіі лічыліся “буржуазнымі”. Тым не менш некаторым аўтарам, як, напрыклад, С. Малько, дазвалялася асцярожна выйсці за рамкі ўсталяванага канона і зрабіць даволі падрабязную ацэнку кантактаў заходнебеларускіх камуністаў з нацыянальна-дэмакратычнымі дзеячамі ў канцы 1930-х гг. [17, с. 358–359].

Падобная акалічнасць была характэрна таксама для асобных успамінаў аднаго з членаў ЦК КПЗБ М. Арэхвы, выдадзеных у 1983 г. У сваёй кнізе аўтар дастаткова асцярожна ўзгадваў ролю камуністычных дзеячаў у станаўленні і развіцці структур БСРГ у Заходняй Беларусі, у тым ліку знакамітую “гданьскую канферэнцыю”, характарызаваў акалічнасці барацьбы з т. зв. “сэцэсіяй” у КПЗБ і даваў ацэнкі дзейнасці многім актывістам леварадыкальнага руху. Разам з тым мемуары Арэхвы практычна не выходзілі за рамкі стандартаў мемуарнай літаратуры савецкіх партыйных і дзяржаўных дзеячаў [19]. Прысутнасць у гэтых успамінах двух рэцэнзентаў – навуковых адмыслоўцаў па гісторыі міжваеннага перыяду – пацвярджае факт іх рэдагавання ў адпаведнасці з тагачаснымі ідэалагічнымі патрабаваннямі.

За пэўныя рамкі дадзенай групы мемуараў дзеячаў леварадыкальнага беларускага руху выходзяць успаміны М. Гурына-Маразоўскага, аднаго з лідараў т. зв. “сэцэсіі” КПЗБ, які выйшаў з партыі і пачаў супрацоўнічаць з польскімі ўладамі. Частка яго мемуараў “З недалёкага мінулага” была надрукавана ў 1927 г. у беларускай паланафільскай газеце “Беларускі дзень” і фактычна мела іншую накіраванасць, чым ідэалагічна правільныя пасляваенныя ўспаміны дзеячаў КПЗБ. Гурын спрабаваў паказаць дэструктыўную ролю камуністаў у беларускім руху, даваў уласныя ацэнкі дзейнасці некаторых беларускіх лідараў, напрыклад, А. Луцкевіча і В. Рагулі, якіх лічыў “антыкамуністамі” і вельмі “хітрымі” палітыкамі, што не падпадаюць пад камуністычныя ўплывы. Успаміны Гурына засталіся няскончанымі, бо ў 1928 г. ён быў забіты ў Вільні актывістам КПЗБ [20].

Пятую групу мемуараў па гісторыі беларускага руху ў Заходняй Беларусі складаюць успаміны некаторых пасляваенных эмігрантаў, сведак заходнебеларускіх падзей, якія былі прысвечаны выдатным асобам. У асноўным гэтыя ўспаміны друкаваліся ў эмігранцкіх рэлігійных часопісах (“Зніч”, “Божым шляхам”) і прыгадвалі некаторыя вехі жыцця дзеячаў нацыянальна-дэмакратычнай арыентацыі, у тым ліку актывістаў былой БХД. Сярод іх найбольшую цікавасць прадстаўляюць успаміны пра Ф. Ярэміча [21], С. Грынкевіча [22], А. Клімовіча [23] і ксяндза А. Станкевіча [24], у якіх прысутнічаюць пэўныя згадкі пра акалічнасці іх паўсядзённага жыцця, асаблівасці характару, сямейныя стасункі і ўзаемаадносіны з іншымі людзьмі. Малавывучанасць біяграфій некаторых з гэтых асоб у сучаснай гістарыяграфіі дае падставы лічыць гэтыя невялі-

кія па аб’ёму ўспаміны важнымі крыніцамі для рэканструкцыі біяграфічных сюжэтаў згаданых дзеячаў і іх ролі ў паўсядзённасці беларускага руху ў міжваеннай Польшчы.

Малавывучанымі ў айчынным крыніцазнаўстве з’яўляюцца таксама аўтабіяграфіі і *curriculum vitae* дзеячаў беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі. На сённяшні час у навуковы ўжытак уведзена невялікая частка дакументаў падобнага роду і акрэсленага перыяду. У дадзеным кантэксце маюцца на ўвазе не літаратурныя аўтабіяграфіі, якія вельмі падобныя на мемуарны жанр, а т. зв. справаводчыя аўтабіяграфіі, дастаткова аднастайныя па сваім змесце. З аднаго боку, гэтыя дакументы, дзякуючы афіцыйна-дзелавому стылю, напісаны сухой справаводчай мовай, маюць невялікую інфарматыўнасць і факталогію, аднак пры дэталёвым вывучэнні могуць дапамагчы раскрыць многія рысы ўнутранага свету, палітычных перакананняў і нацыянальнай самасвядомасці той ці іншай асобы. Справаводчыя аўтабіяграфіі і *curriculum vitae* шмат у чым падобныя да літаратурных аўтабіяграфій і успамінаў: у іх таксама прысутнічаюць храналагічна-рэтраспектыўныя апавяданні чалавека аб сваім жыцці, якія змяшчаюць многія аўтабіяграфічныя даныя [25, с. 108].

Беларускі нацыянальны рух у міжваеннай Заходняй Беларусі ў некаторай ступені быў “бедным” на аўтабіяграфічныя дакументы. Многія дзеячы гэтага руху пісалі ўласныя аўтабіяграфіі ці *curriculum vitae* толькі для пэўных дзяржаўных устаноў міжваеннай Польшчы дзеля дакументацыйнай патрэбы ці па запыту грамадскіх, у першую чаргу, партыйных структур. Безумоўна, аўтабіяграфічныя наратыўныя шмат у чым залежаў ад стаўлення аўтара да адрасату і таму мог утрымліваць ці, наадварот, не ўтрымліваць некаторыя звесткі. Звычайна да такіх дакументаў звяртаюцца біёграфы палітычных і грамадскіх дзеячаў, каб, дзякуючы фактаграфічным сведчанням, рэканструяваць жыццёвы шлях вывучаемай асобы.

З гэтага пункта гледжання звяртае на сябе ўвагу значны комплекс справаводчых аўтабіяграфій ці *curriculum vitae* беларускіх дзеячаў, які захоўваецца ў Цэнтральным дзяржаўным архіве Літвы ў фондзе Віленскага ўніверсітэта. У міжваенны перыяд многія беларускія актывісты атрымлівалі вышэйшую адукацыю ў гэтым універсітэце і пры паступленні былі абавязаны напісаць свае кароткія жыццяпісы. Звычайна гэтыя дакументы былі напісаны ў адпаведнасці з наступнай структурай: дата і месца нараджэння, атрыманая адукацыя, месца працы, некаторыя іншыя біяграфічныя звесткі, напрыклад, служба ў розных вайсковых фарміраваннях ці бежанства ў часы Першай сусветнай вайны. Паказальна, што сярод 15 аўтабіяграфій, прааналізаваных аўтараў гэтага артыкула, ніводная не ўтрымлівала звестак аб грамадскай дзейнасці ці ўдзеле ў беларускім нацыянальным руху. Нават такія вядомыя дзеячы, як, напрыклад, Р. Астроўскі, К. Крук ці А. Паўлюкевіч, у сваіх аўтабіяграфіях апускалі звесткі пра палітычную і грамадскую дзейнасць і ўвогуле не згадвалі, што з’яўляюцца актывістамі тых ці іншых беларускіх структур [26, арк. 11; 27, арк. 34; 28, арк. 6–7]. Замоўчванне падобнай інфармацыі дазваляла ім пэўным чынам легалізавацца ў польскім грамадстве і атрымаць магчымасць увайсці ў дзяржаўныя ўстановы, якім з’яўляўся ў тым ліку і Віленскі ўніверсітэт. Як заўважыў рускі гісторык Ю. Зарэцкі, людзі, калі пісалі справаводчыя аўтабіяграфіі, уступалі ў пэўны дыялог з дзяржавай і баяліся, што дзяржава можа “адказаць” ім негатыўным чынам [25, с. 118]. Паказальна, што Астроўскі і Крук падкрэслілі ў сваіх аўтабіяграфіях, што ў часы грамадзянскай вайны ў Расіі служылі ў антыбальшавіцкіх фарміраваннях. Дадзеная інфармацыя была прапісана, хутчэй за ўсё, з разлікам адсунуць абвінавачванні ў бальшавізме, якія вельмі часта выказваліся з боку польскіх дзяржаўных чыноўнікаў у адрас беларусаў.

Нярэдка ўніверсітэцкія аўтабіяграфічныя дадзеныя могуць выступаць пэўным паказчыкам змен нацыянальнай ідэнтычнасці беларускіх актывістаў, якія былі зроблены свядома з мэтай забяспечыць сабе кар’еру ці бесклапотнае жыццё ў рамках польскага грамадства. Так, беларускі дзеяч у Гродне ў 1919–1920 гг., сябра Гродзенскага Беларускага нацыянальнага камітэта Я. Натусевіч ужо ў 1921 г. у сваіх аўтабіяграфічных звестках для Віленскага ўніверсітэта падаваў сваю нацыянальнасць як “паляк”, а родную мову – як польскую [29, арк. 7]. Адзін з лідараў беларускай студэнцкай карпарацыі “Скарынія” К. Глінскі ва ўніверсітэцкім *curriculum vitae* падкрэсліў польскую нацыянальнасць і пазначыў свой удзел у шэрагу польскіх моладзевых арганізацый [30, арк. 36].

Аўтабіяграфіі, падрыхтаваныя для партыйных ці грамадскіх структур, мелі, безумоўна, іншы змест і факталогію. У гэтых жыццёпісах аўтары, наадварот, імкнуліся падкрэсліць сваю дзейнасць на карысць беларускага руху, адлюстравалі прыклады рэпрэсій з боку польскіх улад і нават вызначыць сваё стаўленне да тых ці іншых канкурэнтаў на беларускай палітычнай арэне. Яскравым прыкладам тут можа выступаць аўтабіяграфія В. Таўлая, напісаная ў 1946 г. У ёй узгадваліся турэмныя зняволенні, якія зазнаў аўтар у міжваенны перыяд у Заходняй Беларусі, а таксама дзейнасць у структурах КПЗБ і рэдкалегіях беларускіх перыядычных выданняў [31, с. 152–154]. Найбольш змястоўнай таксама з’яўляецца аўтабіяграфія Б. Тарашкевіча, падрыхтаваная ў 1933 г. для савецкіх органаў дзяржбяспекі, у якой аўтар вельмі падрабязна адлюстравалі свой удзел у розных структурах беларускага руху, у тым ліку ў Заходняй Беларусі. Дадзеная аўтабіяграфія, апублікаваная ў 1990-я гг., да нядаўняга часу з’яўлялася для гісторыкаў бадай адзіным змястоўным эга-дакументам па гісторыі ўзнікнення і дзейнасці Беларускай сялянска-работніцкай грамады ў 1926–1927 гг. Тым не менш у ёй прысутнічае шмат суб’ектыўных ацэнак, выкліканых палітычнай кан’юктурай і лексіконам, якія існавалі ў тагачаснай савецкай рэчаіснасці. Тарашкевіч, які фактычна ў 1910–1920-я гг. з’яўляўся актыўным дзеячам беларускага руху, у 1930-я гг. ужо пад прэсінгам савецкай рэпрэсіўнай палітыкі называў беларускі рух “дробнабуржуазным”, а некаторых яго прадстаўнікоў абвінавачваў у “нацыянал-дэмакратызме” [32].

Вельмі блізкімі да аўтабіяграфічнага жанру з’яўляюцца яшчэ два тыпы эга-дакументаў, маладаследаваных у айчынным гістарычным дыскурсе: аўтабіяграфічныя анкеты і следчыя паказанні з аўтабіяграфічнымі данымі. Першыя дакументы мелі, збольшага, прыкладны характар і запаўняліся чалавекам пры працаўладкаванні ці далучэнні да дзейнасці нейкай грамадскай структуры. Пэўная форма анкет і дакладна вызначаныя пытанні прадвызначылі дастаткова сухі і абмежаваны змест гэтых дакументаў з факталагічнага пункта гледжання. Тым не менш грунтоўнае вывучэнне інфармацыі ў анкетах і параўнанне яе з іншымі біяграфічнымі данымі асобы дасць магчымасць вызначыць унутраныя механізмы запаўнення анкеты, праблему фільтрацыі і адбору той ці іншай інфармацыі з улікам палітычнага і сацыяльнага фактару.

У межах беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі анкетаванне асоб не было распаўсюджанай з’явай. У асноўным анкеты запаўняліся шматлікімі настаўнікамі дзеля працаўладкавання ў беларускіх школах. Яскравым прыкладам у гэтым плане могуць выступаць анкеты беларускіх дзеячаў, запоўненыя па запыту Беларускага цэнтра ў Літве ў 1940 г. Гэтая арганізацыя праз газету “Крыніца” абвясціла пошук настаўнікаў у Вільні, якія маглі б арганізоўваць беларускае школьніцтва ў Літве. На адрас Беларускага цэнтра прыйшла значная колькасць анкет розных беларускіх актывістаў, лёс большасці з якіх быў звязаны з беларускім рухам у Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. У анкетах прапаноўвалася падаць кароткія біяграфічныя звесткі, пазначыць канфесійную прыналежнасць, вопыт педагагічнай працы, сяброўства ў беларускіх арганізацыях. Найбольш цікавым з пункта гледжання даследавання зваротнай сувязі аўтараў анкеты можна лічыць пытанне аб адносінах да справы беларускага школьніцтва, дзе актывіст мог выказаць свае ўласныя думкі і пажаданні наконт акрэсленай праблемы. Сярод дадзеных дакументаў сустракаюцца анкеты такіх дзеячаў, як М. Маскалік, С. Кароль, Я. Шнаркевіч, А. Ружанцоў, М. Дзімідаў, У. Сініла і інш. Цікавасць уяўляюць некаторыя анкеты рускіх ці польскіх настаўнікаў, напрыклад, С. Любіч-Маеўскага ці А. Егера, у якіх можна прасачыць характэрныя жаданні гэтых людзей далучыцца да беларускага нацыянальнага праекта [33, арк. 1–29].

Яшчэ адным тыпам эга-дакументаў, блізкім да аўтабіяграфій, могуць лічыцца следчыя паказанні, у асноўным тая іх частка, дзе чалавек падрабязна характарызуе падзеі свайго жыцця ад нараджэння да сучаснага стану. Пануючыя на сённяшні час у айчынным крыніцазнаўстве падыходы адносяць гэтыя крыніцы да дакументаў справаводства, аднак, відавочна, з улікам новых метадалагічных рэалій, пратаколы допытаў, дзе маюцца аўтабіяграфічныя даныя, мэтазгодна адносяць да эга-дакументаў. Яскрава гэта адлюстравана на прыкладзе вялікага корпуса пратаколаў допытаў дзеячаў беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі, якія могуць лічыцца сапраўднымі аўтабіяграфіямі ці мемуарамі з дастаткова добрай літаратурнай апрацоўкай уласна аўтара. Напрыклад, падрабязна асвятліў асноўныя вехі свайго жыцця і дзейнасці для савецкіх органаў дзяржбяспекі адзін з лідараў беларускага руху ў Заходняй Беларусі

А. Луцкевіч. У сваіх следчых паказаннях ад 30 кастрычніка і 17 лістапада 1939 г. ён, у дачыненні да падзей заходнебеларускай гісторыі, узгадаў пра ўдзел беларусаў у парламенцкіх выбарах міжваеннай Польшчы, кантакты беларускага руху з камуністычнымі функцыянерамі, даў характарыстыкі некаторым беларускім арганізацыям (БСРГ, ТБШ, Цэнтрсаюз) і асобным дзеячам [34, с. 246–262]. Аднак неабходна разумець, што пратаколы допытаў маглі мець суб'ектыўны падтэкст, выконваць функцыю “апраўдання” перад той ці іншай уладай, дзе аўтар замоўчваў ці свядома скажаў факты рэчаіснасці. У прыватнасці, Луцкевіч у паказаннях дастаткова негатыўна выказваўся аб дзейнасці сваіх былых палітычных канкурэнтаў (Ф. Акінчыц, Р. Астроўскі), з якімі ў 1920-я гг. супольна працаваў у розных беларускіх праектах, свядома прыніжаў сваю арганізацыйную і маральную ролю ў развіцці беларускага руху ў Заходняй Беларусі. Напрыклад, ён называў Б. Тарашкевіча і Р. Астроўскага “фактычнымі дыктатарамі” БСРГ, але сам замоўчваў свой падобны дыктатарскі статус у гэтай арганізацыі, бо на канец 1930-х гг. у савецкім палітычным лексіконе “Грамада” ўжо лічылася “нацыяналістычнай” арганізацыяй [34, с. 255].

У адрозненне ад следчай аўтабіяграфіі А. Луцкевіча, якая была перадрукавана ў навуковых выданнях, многія следчыя справы іншых беларускіх дзеячаў міжваеннай Заходняй Беларусі на сённяшні час не ўведзены ў навуковы ўжытак ці неапублікаваны. У прыватнасці, значная колькасць падобных спраў з адкрытым доступам захоўваецца ў Асобым архіве Літвы у г. Вільнюс. Сярод іншых тут захоўваюцца пратаколы допытаў А. Станкевіча, Я. Шутовіча, А. Сакаловай-Лекант, С. Грынкевіча, В. Жук-Грышкевіча, А. Клімовіча і інш. У якасці абвінавачаных падчас допытаў яны павінны былі прадаставіць следству свае падрабязныя ці невялікія аўтабіяграфічныя даныя, аб'ём якіх звычайна залежаў ад значнасці таго ці іншага дзеяча ў беларускім палітычным і культурна-асветніцкім жыцці. Напрыклад, следчая аўтабіяграфія ксяндза А. Станкевіча ахоплівала каля 20 старонак тэксту і змяшчала не толькі канкрэтныя звесткі пра жыццё і дзейнасць. У ёй Станкевіч спрабаваў пэўным чынам “выбачыцца” перад савецкай уладай, паказаць, што яго антысавецкая і незалежніцкая пазіцыя ў міжваенны перыяд была праявай “моднага эгаістычнага нацыяналізму” ці наўпрост неразумным савецкага ладу [35, арк. 156]. У той жа час следчыя аўтабіяграфіі менш уплывовых дзеячаў беларускага руху, напрыклад, А. Сакаловай-Лекант ці В. Жук-Грышкевіча, былі кароткія, малаінфарматыўныя і дастаткова “сухія” на ацэнкі і пазіцыю адносна савецкага ладу. У іх няшмат згадак аб актыўнасці ў рамках беларускага нацыянальнага руху. Напрыклад, А. Сакалова-Лекант адносна беларускага руху пазначыла толькі працу выкладчыкам Віленскай беларускай гімназіі і не ўзгадала аб удзеле ў шэрагу беларускіх культурна-асветніцкіх арганізацыях (ТБШ, Беларускае дабрачыннае таварыства) [36, арк. 13–13 адв.]. Жук-Грышкевіч у сваёй аўтабіяграфіі, наадварот, “апусціў” інфармацыю аб працы выкладчыкам беларусазнаўства ў Віленскай духоўнай семінарыі, аднак узгадаў сваё членства ў ТБШ і БСРГ у 1920-я гг. [37, арк. 21–22].

Найменш рэпрэзентатыўнымі эга-дакументамі па гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі можна лічыць дзённікавыя запісы. Нягледзячы на тое, што дзённікі ў міжваенны перыяд з'яўляліся неад'емнай і моднай часткай паўсядзённасці прадстаўнікоў розных пластоў грамадства, на сённяшні час выяўлена няшмат дзённікавых запісаў беларускіх палітыкаў і грамадска-культурных дзеячаў. Напрыклад, калі ў польскіх ці літоўскіх даследаваннях гісторыі міжваеннага перыяду дзённікі палітыкаў і грамадскіх дзеячаў складаюць значную ролю ў фарміраванні крыніцавай базы, то ў беларускім выпадку працэнт наяўнасці дзённікаў сярод крыніц даследаванняў вельмі нізкі. Гэтая акалічнасць стварае пэўныя цяжкасці ў вывучэнні паўсядзённага жыцця лідараў і “маленькіх людзей” беларускага нацыянальнага руху, іх унутранага свету, разважанняў, эмоцый і стаўлення да іншых асоб.

Фактычна на сённяшні час можна налічыць усяго шэсць дзённікаў прадстаўнікоў беларускіх эліт міжваеннай Польшчы, якія даступны сучасным гісторыкам. “Класічнай” дзённікавай крыніцай, якую выкарыстоўваюць у многіх даследаваннях па гісторыі Заходняй Беларусі, можна назваць “Лісткі календара” Максіма Танка – дзённік пісьменніка 1935–1939 гг., у якім прадстаўлена багатая фактура аб віленскім культурным асяроддзі 1930-х гг. Рукапісы дзённіка Танка не выяўлены, а ў аснове публікацый гэтай крыніцы ляжаць апрацаваныя ў 1960-я гг. уласна пісьменнікам матэрыялы, якія, безумоўна, не былі пазбаўлены ідэалагічных і літаратурных купюр

[38, с. 505]. Перыяд 1930-х гг. як час арганізацыйнага заняпаду беларускага руху і ўзмацнення палітыкі паланізацыі ў Заходняй Беларусі таксама адлюстравана ў сваім дзённіку адзін з лідараў беларускіх хрысціянскіх дэмакратаў ксёндз А. Станкевіч. Каштоўнасцю гэтай крыніцы з'яўляецца характарыстыка стану беларускай самасвядомасці сярод вясковага насельніцтва Віленскага і Наваградскага ваяводстваў, а таксама фіксацыя антыбеларускай палітыкі мясцовых польскіх чыноўнікаў і інтэлігенцыі [39, с. 837–845]. Перэпетыі праследавання беларускіх актывістаў з боку польскіх улад, акалічнасці іх знаходжання ў польскіх турмах можна прааналізаваць, дзякуючы “турэмным дзённікам” С. Рак-Міхайлоўскага і В. Гадлеўскага, апошні з якіх на сённяшні час не апублікаваны для шырокага чытача і патрабуе грунтоўнага крыніцазнаўчага даследавання [40; 41, с. 76]. Паўсядзённасць беларускага руху ў міжваеннай Польшчы, яе правінцыяльна-лакальны ўзровень, дзейнасць розных нізавых структур беларускіх інстытуцый, арганізацыя культурных мерапрыемстваў і распаўсюджванне беларускай прэсы адлюстраваны ў дзённіках Я. Драздовіча і П. Сеўрука [42; 43, с. 181–213]. Апошні прадстаўляе цікавую крыніцу для вывучэння інтэлектуальных пошукаў беларускіх правінцыяльных эліт ва ўмовах палітычных рознагалоссяў і праследавання з боку польскіх улад у 1920-я гг.

Высновы. Такім чынам, эга-дакументы прадстаўляюць велізарны комплекс крыніц, дзе праўляюцца асаблівасці ўнутранага свету чалавека, яго перажыванняў, эмоцый, канструкцый таго ці іншага жыццёвага выбару, які яму прыходзілася рабіць пад уплывам розных фактараў. На сённяшні дзень выяўлена і верыфікавана адносна нязначная колькасць эга-дакументаў па гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. Вялікую ўвагу пры вывучэнні гэтай праблематыцы даследчыкі надаюць эпістальным крыніцам і ўспамінам, а аўтабіяграфічныя даныя, дзённікі, следчыя матэрыялы па-ранейшаму вывучаны слаба, а многія з іх увогуле не ўведзены ў навуковы ўжытак. Некаторыя эга-дакументы, напрыклад, дзелавая перапіска ці аўтабіяграфічныя анкетныя, увогуле застаюцца на перыферыі даследаванняў, бо, на думку гісторыкаў, не ўяўляюць факталагічнага інтарэсу. Тым не менш даследаванні гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў міжваеннай Заходняй Беларусі, у якім, безумоўна, галоўную ролю адыгрывалі людзі, маюць значны навуковы патэнцыял з пункта гледжання выкарыстання эга-дакументаў. Стварэнне прасапаграфічных даследаванняў, вывучэнне паўсядзённых практык дзеячаў беларускага руху немагчымы без грунтоўнага аналізу дакументаў, у якіх чалавек спрабуе перадаць нам сваё ўласнае “Я”.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Суржикова, Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? / Н. В. Суржикова // История в эго-документах: исследования и источники : [сб. ст. и док.] / Ин-т истории и археологии УрО РАН ; редкол.: Н. В. Суржикова (гл. ред.) [и др.]. – Екатеринбург, 2014. – С. 6–13.
2. Ходин, С. Н. История и теория источниковедения : учеб. пособие / С. Н. Ходин, В. П. Грицкевич, С. Б. Каун. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – 253 с.
3. Dekker, R. Jacques Presser's Heritage: egodocuments in the study of history / R. Dekker // Memoria y Civilización. – 2002. – Vol. 5. – P. 13–37.
4. Greyerz, K. von. Ego-documents: the last word? / K. von Greyerz // German History. – 2010. – Vol. 28, № 3. – P. 273–282. <https://doi.org/10.1093/gerhis/ghq064>
5. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). – F. 368. Ap. 1. B. 60. Перапіска беларускай кнігарні «Пагоня».
6. Гарбачова, В. Мемуарыстыка XIX стагоддзя ў беларускай культурнай традыцыі / В. Гарбачова // ARCHE. – 2014. – № 1–2. – С. 5–14.
7. Пашкевіч, А. В. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. В. Пашкевіч. – Мінск, 2006. – 162 л.
8. Рагуля, В. Успаміны / В. Рагуля. – Мінск : Бацькаўшчына, 1993. – 94 с.
9. Стагановіч, А. Успаміны пасла / А. Стагановіч // Запісы / Беларус. ін-т навукі й мастацтва. – New York, 2009. – Т. 32. – С. 225–330.
10. Сабалеўскі, Ю. Беларуская сялянска-работніцкая грамада / Ю. Сабалеўскі // Запісы / Беларус. ін-т навукі й мастацтва. – New York, 2011. – Т. 34. – С. 325–421.
11. Аляхновіч, Ф. У капцюрэх ГПУ / Ф. Аляхновіч. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 238 с.
12. Багдановіч, Я. На жыццёвым шляху : успаміны / Я. Багдановіч. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 144 с.
13. Арсеннева, Н. Выбраныя творы / Н. Арсеннева ; уклад., камент. Л. Савік ; прадм. А. Сямёнавай. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2002. – 589 с.

14. Тумаш, В. Беларуская Віленская гімназія / В. Тумаш // Полацк. – 1992. – № 3. – С. 48–52 ; № 4. – С. 55–57 ; № 5. – С. 49–51 ; № 9. – С. 37–40.
15. Галяк, Л. Успаміны [Электронны рэсурс] / Л. Галяк. – ЗША : Летэпіс, 1982. – Кн. 1. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Leand_Halak/Uspraminy.html. – Дата доступу: 27.01.2020.
16. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гады): гістарыяграфія праблемы / А. А. Савіч. – Брэст : БрДУ, 2012. – 288 с.
17. Годы испытаний и мужества : сб. воспоминаний / сост.: Н. С. Орехво, Н. С. Сташкевич. – Минск : Беларусь, 1973. – 415 с.
18. Революционный авангард трудящейся молодежи Западной Белоруссии (1921–1939) : док. и материалы / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 327 с.
19. Орехво, Н. С. Дела и люди КПЗБ : воспоминания / Н. С. Орехво. – Минск : Беларусь, 1983. – 287 с.
20. Гурын, М. З недалёкага мінулага / М. Гурын // Беларус. дзень. – 1927. – № 27. – С. 2–5 ; № 28. – С. 3–6 ; № 29. – С. 2–4 ; № 31. – С. 2–4 ; № 33. – С. 2–5.
21. S-nok, J. Pašmiertny ūspramin ab viedamym bielaruskim dziejačy s.p. Fabijanie Jaremiču / J. S-nok // Znič. – 1958. – № 48. – S. 4–5.
22. Bałtupski, A. S. P. Dr. Stanisław Hrynkievič (pierakładčyk „Sledam za Chrystusam“ Tam. A. Kempis) / A. Bałtupski // Znič. – 1973. – № 117. – S. 7–8.
23. Успаміны аб сьв. пам. інж. Адольфе Клімовічу // Божым шляхам. – 1971. – № 4. – С. 12–13.
24. Кс. Adam Stankievič [успаміны кс. П. Татарыновіча] // Znič. – 1972. – № 114. – S. 2 ; 1973. – № 115. – S. 2–3 ; 1973. – № 116. – S. 5–7.
25. Зарецкий, Ю. Моя жизнь для Государства: массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми / Ю. Зарецкий // Новое лит. обозрение. – 2019. – № 3 (157). – С. 107–127.
26. LCVA. – F. 175. Ap. 2 (VICa). B. 1530. Асабістая справа студэнта Р. Астроўскага.
27. LCVA. – F. 175. Ap. 2 (VICa). B. 2780. Асабістая справа студэнта К. Крука.
28. LCVA. – F. 175. Ap. 3 (IXCa). B. 498. Асабістая справа студэнта А. Паўлюкевіча.
29. LCVA. – F. 175. Ap. 2 (VICa). B. 154. Асабістая справа студэнта Я. Натусевіча.
30. LCVA. – F. 175. Ap. 2 (VICa). B. 597. Асабістая справа студэнта К. Глінскага.
31. Таўлай, В. Выбраныя творы / В. Таўлай. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 412 с.
32. Тарашкевіч, Б. Аўтабіяграфія / Б. Тарашкевіч // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 96–132 ; № 5. – С. 130–186.
33. LCVA. – F. 1091. Ap. 1. B. 3. Белорусский центр в Литве, анкеты членов Вильнюсской области.
34. Луцкевіч, А. Да гісторыі беларускага руху / А. Луцкевіч. – Выд. 2-е, дап. і перапраўл. – Вільня [Вільнюс] : Ін-т беларусістыкі ; Беласток : Беларус. гіст. т-ва, 2010. – 332 с.
35. Lietuvos uratingasis archyvas (LYA). F. K-1. Ap. 58. B. P-12505. Следчая справа Адама Станкевіча.
36. LYA. – F. K-1. Ap. 58. B. 46997/3. Следчая справа Алены Кірылаўны Сакаловай-Лекант.
37. LYA. – F. K-1. Ap. 58. B. 46264/3. Следчая справа Вікенція Антонавіча Грышкевіча.
38. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларус. навука, 2006–2012. – Т. 9 : Лісткі календара. Дзённікі (1941–1959). – 2009. – 592 с.
39. Станкевіч, А. З Богам да Беларусі : зб. тв. / А. Станкевіч. – Вільня [Вільнюс] : Ін-т беларусістыкі, 2008. – 1097 с.
40. Рак-Міхайлоўскі, С. Турэмны дзённік / С. Рак-Міхайлоўскі // Куфэрак Віленшчыны. – 2007. – № 1. – С. 48–97.
41. Вашкевіч, А. Вінцэнт Гадлеўскі: насуперак часу / А. Вашкевіч. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. – 186 с. – (Серыя «Беларускія жыццяпісы»; вып. 1).
42. Язэп Нарцызавіч Драздовіч. Праз цёрні да зорак : [успаміны, артыкулы, прысвячэнні, мастацкія творы / уклад. М. Казлоўскага]. – Мінск : Маст. літ., 2014. – 541 с.
43. Сяўрук, П. Небыцця не існуе. Невядомыя старонкі беларускага нацыянальнага руху / П. Сяўрук. – Гародня [Гродна] ; Wrocław : Wrocławska Druk. Nauk. PAN, 2008. – 240 с.

References

1. Surzhikova N. V. Ego-documents: intellectual fashion or conscious need? *History in ego-documents: research and sources*. Ekaterinburg, 2014, pp. 6–13 (in Russian).
2. Khodin S. N., Gritskevich V. P., Kaun S. B. *History and theory of source studies*. Minsk, Publishing Center of Belarusian State University, 2008. 253 p. (in Russian).
3. Dekker R. Jacques Presser's Heritage: egodocuments in the study of history. *Memoria y Civilización*, 2002, vol. 5, pp. 13–37.
4. Greyerz von K. Ego-documents: the last word? *German History*, 2010, vol. 28, no. 3, pp. 273–282. <https://doi.org/10.1093/gerhis/ghq064>
5. *Central State Archives of Lithuania (CSAL)*. F. 368. Ap. 1. B. 60. Correspondence Belarusian bookstore "Pahonia".
6. Garbachova V. Memoirs of the XIX century in the Belarusian cultural tradition. *ARCHE*, 2014, no. 1–2, pp. 5–14 (in Belarusian).
7. Pashkievich A. V. *Parliamentary forms of struggle for national and social rights of the Belarusian people in interwar Poland (1921–1930)*. Ph.D. Thesis. Minsk, 2006. 162 p. (in Belarusian).
8. Ragulya V. *Memoirs*. Minsk, Bats'kaushchyna Publ., 1993. 94 p. (in Belarusian).

9. Staganovich A. Memories of the deputy. *Zapisy Belaruskaga instytutu navuki i mastatstva = Zapisy Belarusian Institute of Arts and Sciences*. New York, 2009, vol. 32, pp. 225–330 (in Belarusian).
10. Sabaleuski Yu. Belarusian Peasants' and Workers' Union. *Zapisy Belaruskaga instytutu navuki i mastatstva = Zapisy Belarusian Institute of Arts and Sciences*. New York, 2011, vol. 34, pp. 325–421 (in Belarusian).
11. Alyakhnovich F. *In the claws of GPU*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1994. 238 p. (in Belarusian).
12. Bagdanovich Ya. *On the path of life: memories*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1992. 144 p. (in Belarusian).
13. Arsenneva N. *Featured works*. Minsk, Belaruskii knigazbor Publ., 2002. 589 p. (in Belarusian).
14. Tumash V. Belarusian Vilnius Gymnasium. *Polatsak* [Polaca], 1992, no. 3, pp. 48–52; no. 4, pp. 55–57; no. 5, pp. 49–51; no. 9, pp. 37–40 (in Belarusian).
15. Galyak L. *Memoirs. Book 1. USA*, Letapis Publ., 1982. Available at: https://knihi.com/Leanid_Halak/Uspaminy.html (accessed 27.01.2020) (in Belarusian).
16. Savich A. A. *The national liberation movement in Western Belarus (1921–1939): historiography of the problem*. Brest, Brest State University, 2012. 288 p. (in Belarusian).
17. Orekhvo N. S., Stashkevich N. S. (comp.). *Years of trial and courage: a collection of memories*. Minsk, Belarus' Publ., 1973. 415 p. (in Russian).
18. *The revolutionary vanguard of the working youth of Western Belarus (1921–1939): collection of documents*. Minsk, Publishing House of the Belarusian State University, 1978. 327 p. (in Russian).
19. Orekhvo N. S. *KPZB affairs and people: memories*. Minsk, Belarus' Publ., 1983. 287 p. (in Russian).
20. Guryin M. From the recent past. *Belaruskii dzen'* [Belarusian day], 1927, no. 27, pp. 2–5; no. 28, pp. 3–6; no. 29, pp. 2–4; no. 31, pp. 2–4; no. 33, pp. 2–5 (in Belarusian).
21. S-nok J. *Pašmiertny ūspamin ab viedamym bielaruskim dziejačy s.p. Fabijanie Jaremiču* [Postmortem memory of well-known Belarusian activists Fabian Jaremich]. *Znič*, 1958, no. 48, pp. 4–5.
22. Bałtupski A. *Dr. Stanisław Hrynkievič (pierakładčyk „Sledam za Chrystusam“ Tam. A. Kempis)* [Dr. Stanisław Hrynkievič (translator “Following Christ” Tam. A. Kempis)]. *Znič*, 1973, no. 117, pp. 7–8.
23. Memories of the engineer Adolf Klimovich. *Bozhym shlyakham* [God's way], 1971, no. 4, pp. 12–13 (in Belarusian).
24. Ks. *Adam Stankievič* [Priest Adam Stankievich]. *Znič*, 1972, no. 114, p. 2; 1973, no. 115, pp. 2–3; 1973, no. 116, pp. 5–7.
25. Zaretskii Yu. My life for the state: the mass practice of composing work record autobiographies for work by soviet people. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2019, no. 3 (157), pp. 107–127 (in Russian).
26. CSAL. F. 175. Ap. 2 (VICa). B. 1530. Student's personal folder, R. Astrouski.
27. CSAL. F. 175. Ap. 2 (VICa). B. 2780. Student's personal folder, K. Kruk.
28. CSAL. F. 175. Ap. 3 (IXCa). B. 498. Student's personal folder, A. Pavliukievich.
29. CSAL. F. 175. Ap. 2 (VICa). B. 154. Student's personal folder, J. Natusievich.
30. CSAL. F. 175. Ap. 2 (VICa). B. 597. Student's personal folder, K. Glinski.
31. Taulai V. *Featured works*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014. 412 p. (in Belarusian).
32. Tarashkevich B. *Autobiography. Spadchyna* [Heritage], 1996, no. 4, pp. 96–132; no. 5, pp. 130–186 (in Belarusian).
33. CSAL. F. 1091. Ap. 1. B. 3. Belarusian Center in Lithuania, profiles of members of Vilnius region.
34. Lutskevich A. *To the history of the Belarusian movement*. 2nd ed. Vilnius, Institute of Belarusian Studies, Białystok, Belarusians Historical Society, 2010. 332 p. (in Belarusian).
35. *Lithuanian Special Archives (LSA)*. F. K-1. Ap. 58. B. P-12505. Investigative file, Adam Stankievich.
36. LSA. F. K-1. Ap. 58. B. 46997/3. Investigative file, Alena Sakalova-Lekant.
37. LSA. F. K-1. Ap. 58. B. 46264/3. Investigative file, Vincent Hryshkievich.
38. Tank M. *Collected works. Vol. 9. Calendar sheets. Diaries (1941–1959)*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2009. 592 p. (in Belarusian).
39. Stankevich A. *With god in Belarus: collected works*. Vilnius, Institute of Belarusian Studies, 2008. 1097 p. (in Belarusian).
40. Rak-Mikhailouski S. *Prison diary. Kuferek Vilenshchyny* [Chest of Vilnius region], 2007, no. 1, pp. 48–97 (in Belarusian).
41. Vashkevich A. *Vincent Hadleuski: in spite of the time*. Minsk, A. M. Yanushkevich Publ., 2018. 186 p. (in Belarusian).
42. Kazlouski M. *Jazep Narcyzavich Drazdovich. Through thorns to the stars: memoirs, articles, dedication, fictions*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2014. 541 p. (in Belarusian).
43. Syauruk P. *Nothingness does not exist. Unknown pages of the Belarusian national movement*. Grodno, Wrocław, Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN, 2008. 240 p. (in Belarusian).

Інфармацыя аб аўтары

Горный Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь). E-mail: litvin.gorny@gmail.com

Information about the author

Aliaksandr S. Gorny – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Yanka Kupala State University of Grodno (22 Ozhesko Str., Grodno 230023, Belarus). E-mail: litvin.gorny@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 378.2(474)(476)(091)“18/19”

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-298-306>

Паступіў у рэдакцыю 12.03.2020

Received 12.03.2020

Н. Я. Новік

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ВЫШЭЙШЫЯ НАВУЧАЛЬНЫЯ ЁСТАНОВЫ БЕЛАРУСКА-ЛІТОВСКИХ ГУБЕРНЯЎ У СІСТЭМЕ НАВУКОВАЙ АТЭСТАЦЫІ І ПАДРЫХТОЎКІ НАВУКОВЫХ КАДРАЎ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ (XIX – ПАЧАТАК XX ст.)

Анотацыя. В первой половине XIX в. в систему научной аттестации, которая постепенно формировалась в Российской империи, входили существовавшие на территории белорусско-литовских губерний высшие учебные заведения. Обязанностью их профессорских коллегий являлась подготовка кадров для научно-исследовательской и научно-педагогической работы по фундаментальным естественным и гуманитарным наукам. Аттестация научных кадров предполагала наличие иерархии ученых степеней, состав которой фактически сводился к следующей схеме: «кандидат» – «магистр» – «доктор наук». На первом этапе (1803–1832 гг.) в рамках системы научной аттестации Российской империи действовали Виленский университет и Полоцкая иезуитская академия, обладавшие правом присуждать ученые степени. На втором этапе (1832–1864 гг.) авторитетными центрами подготовки научных кадров являлись созданные после закрытия Виленского университета специальные высшие учебные учреждения: Виленская медико-хирургическая академия, Виленская римско-католическая духовная академия. Весомый вклад в подготовку ученых-аграриев, развитие новых направлений аграрной науки внес Горы-Горецкий земледельческий институт, хотя он и не обладал правом присуждать ученые степени магистра и доктора. В целом роль высших учебных заведений белорусско-литовских губерний в системе научной аттестации Российской империи снизилась, поскольку на данном этапе они уже не могли осуществлять аттестацию по всей номенклатуре специальностей. На третьем этапе (1864–1917 гг.) подготовка профессиональных ученых на территории региона фактически не осуществлялась в условиях отсутствия высших учебных заведений. При этом стоит отметить вклад в формирование кадров в области специальных исторических наук, сделанный в начале XX в. Витебским отделением Московского археологического института.

Ключевые слова: система образования в Беларуси, научная аттестация, университет, ученая степень, фундаментальные и прикладные науки

Для цитирования: Новік, Н. Я. Вышэйшыя навучальныя ўстановы беларуска-літоўскіх губерняў у сістэме навуковай атэстацыі і падрыхтоўкі навучальных кадраў Расійскай імперыі (XIX – пачатак XX ст.) / Н. Я. Новік // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 298–306. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-298-306>

Natallia Ya. Novik

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC CERTIFICATION AND TRAINING OF SCIENTIFIC PERSONNEL OF THE RUSSIAN EMPIRE (XIX – EARLY XX CENTURIES)

Abstract. The system of scientific certification, which was gradually formed in the Russian Empire in the first half of the 19th century, included higher educational institutions on the territory of the Belarusian-Lithuanian provinces: Vilnia University, Vilnia Medical and Surgical Academy, Polatsk Jesuit Academy, Vilnia Roman Catholic Academy. The training of scientific personnel in the natural sciences and humanities was the responsibility of the professorial colleges of these educational institutions, each of which was an independent certification center. The activities of these educational institutions within the framework of the system of scientific certification assumed the existence of a hierarchy of academic degrees, the composition of which was actually reduced to the following scheme: “candidate” – “master” – “doctor of sciences”. The most representative on the scientific and pedagogical weight and the number of professors and teachers was Vilnia University. The practice of defending of the dissertations by specialists from internal Russian provinces and from abroad in it evidenced of the high recognition of Vilna University and the Vilnia Medical and Surgical Academy were well-known centers for the training of scientific personnel in the field of medical sciences. Under the academic jurisdiction of the Vilnia University, as well as the Polatsk Jesuit Academy, Vilna Roman Catholic Academy was theology. A significant contribution to the training of scientific personnel, the creation of new areas of agricultural science was made by the Hory-Horki Agricultural Institute,

although it was not an independent center of scientific certification. After the closing of this institute, there were no higher educational institutions in Belarus capable of training specialists for scientific research, but at the beginning of the 20th century, a certain role in the formation of personnel in the field of special historical disciplines was played by the Vitsebsk branch of the Moscow Archaeological Institute.

Keywords: educational system of Belarus, scientific certification, university, academic degree, fundamental and applied sciences

For citation: Novik N. Ya. Higher educational institutions of the Belarusian-Lithuanian provinces in the system of scientific certification and training of scientific personnel of the Russian Empire (XIX – early XX centuries). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanities Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 298–306 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-298-306>

Роля вышэйшых навучальных устаноў беларуска-літоўскіх губерняў у сістэме навуковай атэстацыі і падрыхтоўкі навуковых кадраў Расійскай імперыі з'яўляецца маладаследаванай навуковай праблемай. Асноўныя падыходы да арганізацыі навукі, навуковай атэстацыі, урадавай палітыкі ў гэтай галіне знайшлі адлюстраванне ў абагульняючых працах па гісторыі навукі ў Расійскай імперыі [1–4]. Найбольшы інтарэс даследчыкаў традыцыйна выклікала гісторыя Горы-Горацкага земляробчага інстытута, у тым ліку і дзейнасць гэтай навучальнай установы па фарміраванні кадраў навукоўцаў-аграрыяў [5–7]. У айчыннай гістарыяграфіі закранаецца пытанне падрыхтоўкі навуковых кадраў у галіне спецыяльных гістарычных дысцыплін у Віцебскім аддзяленні Маскоўскага археалагічнага інстытута [8]. Некаторыя аспекты дзейнасці Галоўнай Літоўскай семінарыі і Віленскай Рымска-каталіцкай духоўнай акадэміі ў справе атэстацыі навуковых кадраў у галіне тэалогіі адлюстраваны ў працах літоўскіх гісторыкаў [9–10]. Як можна бачыць, у поле зроку айчынных і замежных аўтараў знаходзіліся асобныя сюжэты гісторыі падрыхтоўкі прафесійных навукоўцаў з ліку спецыялістаў з вышэйшай адукацыяй на тэрыторыі Беларусі і Літвы, у поўным аб'ёме вызначаная праблема яшчэ не з'яўлялася прадметам спецыяльнага даследавання. У сувязі з гэтым намі пастаўлена мэта прадставіць агульную схему зараджэння і развіцця сістэмы навуковай атэстацыі і падрыхтоўкі навуковых кадраў на прыкладзе вышэйшых навучальных устаноў беларуска-літоўскіх губерняў.

На мяжы XVIII–XIX стст. ва ўсіх галінах грамадскай вытворчасці асвойваліся новыя віды тэхнічных сродкаў, укараняліся больш дасканалыя тэхналагічныя працэсы, што ўзмацняла значэнне навукі, спрыяла прыкметнаму пашырэнню яе функцый, росту сеткі навуковых устаноў. Калі ў папярэдні перыяд існаванне навуковых цэнтраў мела шмат у чым эксперыментальны характар, то ў XIX ст. яны сталі неад'емным элементам дзяржаўнага і грамадскага жыцця [3, с. 10].

Дасягненні навукі былі забяспечаны арганізацыйнымі формамі, якія паступова выпрацоўваліся і ўдасканальваліся. У першае дзесяцігоддзе XIX ст. у Расійскай імперыі былі праведзены адносна ліберальныя ўрадавыя мерапрыемствы ў галіне арганізацыі навукі і вышэйшай адукацыі. У 1802 г. пасля ўтварэння Міністэрства народнай асветы ўпершыню з'явіўся ўрадавы орган, якому даручалася кіраўніцтва навукай і вышэйшай адукацыяй у Расійскай імперыі. Народная асвета, уключаючы і навуковыя даследаванні, аб'яўлялася «дзяржаўнай часткай». Міністэрства народнай асветы ажыццяўляла кантроль над дзейнасцю Пецябургскай акадэміі навук, Расійскай акадэміі, універсітэтаў, усіх вучылішчаў (акрамя духоўных і ваенных), бібліятэк, музеяў, друкарняў. Еўрапейская частка Расійскай імперыі дзялілася на 6 навучальных акруг, кожную з якіх узначальваў прызначаны царом папачыцель. Беларуска-літоўскія губерні ўвайшлі ў склад Віленскай навучальнай акругі, навуковым і адміністрацыйным цэнтрам якой з'яўляўся Віленскі ўніверсітэт.

Імкнучыся да аднастайнасці вышэйшай адукацыі і навукі, урадавыя кругі ў 1804 г. выпрацавалі першы тыпавы статут універсітэтаў, згодна з якім навуковая праца стала неад'емнай часткай дзейнасці гэтых вышэйшых навучальных устаноў. Статут вырашаў шматлікія важныя праблемы, звязаныя са сферай навукі: выбары ганаровых членаў універсітэта і членаў-карэспандэнтаў, разгляд навуковых прац і рэкамендацыя іх да выдання, аб'ява конкурсных задач па розных галінах ведаў, прысуджэнне навуковых ступеняў. Прафесары ўніверсітэтаў сумяшчалі дзве сацыяльныя функцыі, адна з якіх была звязана з працэсам навучання, другая – з арганізацыйнай і правядзеннем навуковых даследаванняў [1, с. 193–194].

Наяўнасць вучонай ступені з'яўлялася неабходнай умовай атрымання пасады прафесійнага навукоўца ў дзяржаўных вышэйшых навучальных установах, навуковых установах і арганізацыях. Аднак паўсюдна, нават у сталіцы імперыі, адчуваўся дэфіцыт выкладчыкаў і даследчыкаў, таму падрыхтоўка навукова-педагагічнай змены выкладчыкаў вышэйшых навучальных устаноў была адным з ключавых пытанняў арганізацыі навукі. Для яго вырашэння ў Расійскай імперыі на працягу XIX ст. паступова фарміравалася дзяржаўная сістэма навуковай атэстацыі, стваралася заканадаўчая база, на падставе якой функцыянаваў гэты сацыяльны інстытут. Так, 20 студзеня 1819 г. адбылося зацвярджэнне «Положения о производстве в ученые степени». 28 красавіка 1837 г. і 6 красавіка 1844 г. дадзенае палажэнне было прыстасавана да ўніверсітэцкага статуту 1835 г. Істотныя змены ў сістэме навуковай атэстацыі адлюстравала «Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени» ад 4 студзеня 1864 г., якое дзейнічала да кастрычніка 1917 г. Гэтыя законы змяшчалі пералік навуковых ступеняў і адпаведных ім разрадаў навук; патрабаванні, якія прад'яўляліся да суіскальнікаў навуковых ступеняў; адпаведныя кожнай з навуковых ступеняў правілы вусных і пісьмовых экзаменаў; правілы абароны дысертацыі; указанне на інстанцыі, што зацвярджалі вынікі навуковай атэстацыі; пералік прывілеяў, звязаных з атрыманнем навуковых ступеняў [4, с. 37–39].

Заканадаўчыя акты вызначалі іерархію навуковых ступеняў, склад якіх змяняўся. У першай палове XIX ст. існавала наступная камбінацыя: «сапраўдны студэнт» – «кандыдат» – «магістр» – «доктар навук». Дзве першыя ступені фактычна з'яўляліся класамі дыпламаў аб заканчэнні вышэйшай навучальнай установы. І толькі з 1884 г. сістэма навуковай атэстацыі Расійскай імперыі набыла рацыянальны выгляд, заснаваны на дваадзінстве навуковых ступеняў: «магістр» – «доктар» [4, с. 41–42].

Навуковыя ступені можна было атрымліваць паслядоўна адну за адной праз строга вызначаныя прамежкі часу. У гэтай сітуацыі атрыманне вышэйшай ступені доктара расцягвалася, як правіла, на шмат гадоў. Для прысваення ступені кандыдата патрабавалася паспяхова вытрымаць вусны экзамен з так званым кандыдацкім балам у спецыяльнай камісіі факультэта, што збіралася адзін раз на год – перад летнімі канікуламі. Прэтэндэнт, які не набраў кандыдацкага бала, атрымліваў атэстат на званне «сапраўднага студэнта». Гэты дакумент сведчыў, што дадзеная асоба вывучыла ва ўніверсітэце курс навук вызначанага факультэта. Суіскальнік ступені кандыдата павінен быў прадставіць яшчэ «пісьмовую развагу» (аналаг сучаснай дыпломнай працы) па адным з профільных прадметаў факультэта. Суіскальнік дапускаўся да выпрабавання на ступень кандыдата праз год пасля атрымання атэстата студэнта, кандыдат на ступень магістра – праз два, а магістр на ступень доктара – праз тры гады. Прэтэндэнт на пасаду прафесара павінен быў прайсці ўсе навуковыя ступені ад кандыдата да доктара [1, с. 143].

Атрыманню вучонай ступені папярэднічала складаная працэдура працяглых і шматлікіх вусных і пісьмовых экзаменаў. Суіскальнік ступені магістра прадстаўляў дысертацыю на абраную ім і ўхваленую факультэтам тэму. Абароне дысертацыі папярэднічаў разгляд членамі факультэта. Пасля здавальняючай публічнай абароны суіскальніку прысвойвалася вучоная ступень магістра па адным з разрадаў навук.

Для атрымання ступені доктара трэба было прадставіць дэкану адпаведнага факультэта дысертацыю на тэму, якая адрознівалася ад тэмы магістарскай дысертацыі. Толькі пасля абароны, абавязкова забяспечанай тэзісамі дысертацыі, на агульным пасяджэнні факультэта дазвалялася дапусціць суіскальніка да спецыяльных вусных і пісьмовых доктарскіх іспытаў, па заканчэнні якіх прызначалася другая публічная абарона. Зацвярджэнне навуковых ступеняў адбывалася ў адпаведных інстанцыях: кандыдат зацвярджаўся папячыцелем навучальнай акругі, магістр і доктар – міністрам народнай асветы.

Дзяржаўны запыт на прафесійна падрыхтаваных спецыялістаў у галіне навукова-даследчай і навукова-педагагічнай працы абумовіў стварэнне ў 1828 г. спецыяльных цэнтраў падрыхтоўкі прафесарска-выкладчыцкіх кадраў – Прафесарскага інстытута пры Дэрпцкім універсітэце і Курса правазнаўства пры Пецябургскім універсітэце, якія ўяўлялі з сябе правобраз сучаснай аспірантуры. Прафесарскі інстытут у Дэрпце прызначаўся для падрыхтоўкі выкладчыкаў вышэйшых навучальных званняў, у першую чаргу ўніверсітэтаў. Недахоп кандыдатаў у прафе-

сары прымусіў пайсці на некаторае адступленне ад першапачатковай устаноўкі на прыём толькі «прыродных рускіх». Па асабістым распараджэнні імператара Мікалая I у склад яго выхаванцаў былі ўключаны два чалавекі з Віленскага ўніверсітэта. Аднак прафесарскі інстытут у Дэрпце дзейнічаў непрацяглы час і ў 1839 г. быў закрыты [4, с. 72, 74].

Сістэма навуковай атэстацыі Расійскай імперыі не ўяўляла з сябе адзінай аўтаномнай у арганізацыйным стаўленні структуры і уваходзіла ў абавязкі прафесарскіх калегій: універсітэтаў, Медыка-хірургічнай і Ваенна-медыцынскай акадэміі, Пятроўскай земляробчай і лясной акадэміі ў Маскве, праваслаўных духоўных акадэміі, Полацкай езуіцкай акадэміі, Рымска-каталіцкай духоўнай акадэміі (1832–1842 – Віленскай, пазней Санкт-Пецярбургскай). Кожная з гэтых навучальных устаноў была самастойным атэстацыйным цэнтрам. Вышэйшыя навучальныя установы беларуска-літоўскіх губерняў, як можна бачыць, уваходзілі ў дадзеную сістэму навуковай атэстацыі.

Найбольш прадстаўнічым па навукова-педагагічным аўтарытэце і колькасці прафесарска-выкладчыцкага корпуса з'яўляўся Віленскі ўніверсітэт, створаны ў 1803 г. Адпаведны ўзровень правядзення вучэбных заняткаў і навуковых даследаванняў у гэтым універсітэце забяспечваўся, дзякуючы дзейнасці выкладчыцкага корпуса высокага прафесійнага ўзроўню і наяўнасці багатай вучэбна-матэрыяльнай базы. Віленскі ўніверсітэт меў права прысуджаць вучоныя ступені кандыдата, магістра і доктара па шырокаму спектру навуковых дысцыплін. Кожны здольны і працавіты выпускнік універсітэта мог атрымаць вучоныя ступені [11, с. 67]. Падобная працэдура навуковай атэстацыі ў галіне тэалогіі дзейнічала ў Галоўнай семінарыі пры ўніверсітэце. Па медыцынскіх спецыяльнасцях існавала свая наменклатура вучоных ступеняў: з 1803 па 1838 г. медыкам прысвойвалася толькі дзве з іх (магістр і доктар) [4, с. 43]. У большасці выпадкаў вучоныя ступені магістра і доктара медыцыны прысвойваліся асобам, якія з'яўляліся ўраджэнцамі Беларусі і Літвы. У той жа час пра высокае прызнанне Віленскага ўніверсітэта сведчыла практыка абароны дысертацый па медыцынскіх навуках спецыялістамі з унутраных расійскіх губерняў і з-за мяжы.

У пачатку XIX ст. на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў з'явіўся яшчэ адзін цэнтр навуковай думкі, калі ў 1812 г. рашэннем урада Полацкі езуіцкі калегіум атрымаў статус акадэміі з правамі ўніверсітэтаў. У дзейнасці акадэміі спалучаліся выкладанне, навуковая праца і папулярызацыя навуковых ведаў з дэманстрацыяй практычнага прымянення дакладных навук. Полацкая езуіцкая акадэмія ўвайшла ў сістэму навуковай атэстацыі ў 1814 г., атрымаўшы права надаваць вучоныя ступені магістра свабодных навук і філасофіі, доктара тэалогіі, грамадзянскага і кананічнага права [12, с. 305]. Пашырэнню маштабаў падрыхтоўкі навуковых кадраў у Полацкай езуіцкай акадэміі перашкодзіў даволі непрацяглы час яе існавання: у 1820 г. навучальная ўстанова была закрыта расійскімі ўладамі.

Акрамя Міністэрства народнай асветы за падрыхтоўку спецыялістаў вышэйшай кваліфікацыі і навуковыя даследаванні адказвалі іншыя міністэрствы. Міністэрству ўнутраных спраў падпарадкоўваліся створаныя пасля закрыцця Віленскага ўніверсітэта Медыка-хірургічная акадэмія і Рымска-каталіцкая духоўная акадэмія ў Вільні, якія працягвалі традыцыі ўніверсітэта ў падрыхтоўцы навуковых кадраў. Права прысуджэння вучоных ступеняў па медыцынскіх навуках належала Віленскай медыка-хірургічнай акадэміі, дзе паспяхова абараняліся магістарскія і доктарскія дысертацыі.

У Расійскай імперыі дзейнічала аўтаномная сістэма атэстацыі па багаслоўскіх навуках, якая мела пэўныя адрозненні ад працэдур прысуджэння вучоных ступеняў у класічных універсітэтах. Правам прысуджэння ступеняў сапраўднага студэнта, кандыдата, магістра, доктара тэалогіі і доктара кананічнага права валодала Рымска-каталіцкая духоўная акадэмія, што працавала ў Вільні ў 1833–1842 гг. і з'яўлялася буйным цэнтрам тэалагічнай навукі. Парадак прысуджэння навуковых ступеняў у акадэміі зацвердзіў у 1839 г. міністр унутраных спраў А. Строганаў. Для вырашэння пытанняў навуковай атэстацыі склікалася канферэнцыя акадэміі з удзелам усіх прафесараў і ад'юнктаў на чале з біскупам (у выпадках яго адсутнасці – біскупам-суфраганам або рэктарам). Пасля заканчэння трэцяга курса алюмны, якія прэтэндавалі на атрыманне вучонай ступені, здавалі асобныя экзамены. Пры ўмове атрымання выдатных адзнак па галоўных прад-

метах і напісання працы на лацінскай мове ім прысвойвалася ступень кандыдата. Алюмны, якія мелі добрыя адзнакі і паспяхова закончылі навучанне ў акадэміі, атрымлівалі ступень студэнта тэалогіі. Навучэнцы чацвёртага курса, якія мелі ступень кандыдата, маглі спрабаваць атрымаць ступень магістра тэалогіі. Выкладчыкі тэалагічных прадметаў рыхтавалі пытанні да экзаменаў, а канферэнцыя – тэмы для дысертацый. Ступень доктара прысуджалася пасля прадстаўлення доктарскай дысертацыі па-лацінску, а таксама працы па-руску аб суаднясенні кананічнага права і дзяржаўных пастановаў [10, р. 212–213]. Ступень доктара тэалогіі магла быць нададзена без напісання дысертацыі і прысуджалася выкладчыкам Духоўнай акадэміі за добрае выкладанне. Так, М. Валанчус атрымаў доктарскую ступень за двухгадовае выкладанне курсаў тэалогіі і біблейскай археалогіі [9, р. 238]. Наданне вучоных ступеняў зацвярджалася міністрам унутраных спраў, але мела фармальны характар, паколькі адмоў у зацвярджэнні не сустракалася.

На першапачатковым этапе вучоных ступені ў Расійскай імперыі прысвойваліся толькі па фундаментальных прыродазнаўчых і гуманітарных навук, з сістэмы навуковай атэстацыі выпадалі прыкладныя навукі, на якіх грунтавалася народная гаспадарка. Падобнае становішча было абумоўлена падзелам вышэйшай адукацыі на агульнанавуковы (універсітэцкі) і вузка прыкладны (спецыяльны) напрамкі. Урад расійскага імператара Мікалая I усведамляў важнасць развіцця навукі і вышэйшай адукацыі для стварэння эфектыўнага ўзбраення, баяздольнага флоту, чыгунак, таму даволі ахвотна фінансаваў правядзенне навуковых даследаванняў, вынікі якіх знаходзілі прымяненне ў шэрагу галін народнай гаспадаркі [1, с. 79]. Вялікая ўвага надавалася развіццю спецыяльных вышэйшых навучальных устаноў, што нароўні з падрыхтоўкай спецыялістаў стваралі новыя кірункі навукова-тэхнічнай думкі. Аднак спецыяльныя навучальныя ўстановы не мелі права прысвойваць вучоных ступені магістра і доктара [2, с. 170].

У межах гэтай сістэмы працаваў і Горы-Горацкі земляробчы інстытут, які ў 1848–1864 гг. з'яўляўся цэнтрам сельскагаспадарчай адукацыі і навукі агульнарасійскага значэння. Арганізацыя і змест навучання ў інстытуце, падрыхтоўка яго выхаванцаў да навукова-даследчай дзейнасці знаходзіліся пад кантролем Міністэрства дзяржаўных маёмасцей.

У перыяд навучання студэнты Горы-Горацкага земляробчага інстытута атрымлівалі пэўную базавую падрыхтоўку да самастойнай навуковай працы, чаму ў вялікай ступені спрыялі аграрна-мічныя вандраванні па губернях Расіі, якія пачалі праводзіцца з 1844 г. пад кіраўніцтвам выкладчыкаў інстытута [13, арк. 256–257]. Вынікі вывучэння аграрна-мічнага вопыту падчас гэтых вандраванняў звычайна публікаваліся ў выглядзе справаздач у перыядычных выданнях – «Журнале Міністэрства гасударственных имуществ» і «Записках Горы-Горецкого земледельческого института» [14, с. 95; 15, с. 33].

Пасля заканчэння інстытута яго выпускнікі атрымлівалі званні «сапраўдны студэнт аграрна-міі» і «аграном», якія прысвойваліся па аналогіі з універсітэцкімі званнямі «сапраўдны студэнт» і «кандыдат». Званне сапраўднага студэнта аграрна-міі прысвойвалася ўсім, хто паспяхова скончыў інстытут. Атрыманне звання агранома было спалучана з выкананнем шэрагу ўмоў, у першую чаргу здачай на «выдатна» экзаменаў. Напрыклад, у 1853 г. сапраўдныя студэнты земляробчага інстытута Волкаў і Савініч паспяхова вытрымалі экзамены на званне агранома па спецыяльных дысцыплінах. Жаданне атрымаць гэтае званне выказаў таксама выпускнік Санкт-Пецярбургскага ўніверсітэта Змечароўскі, але ён, у адрозненне ад папярэдніх прэтэндэнтаў, быў вымушаны трымаць экзамены па ўсіх дысцыплінах, якія выкладаліся ў земляробчым інстытуце [14, с. 14]. Пасля здачы экзаменаў суіскальнікі пісалі «развагу» па адной са спецыяльных дысцыплін і, пры ўмове атрымання станоўчага водгуку на яе, ім прысвойвалася званне агранома, якое было спалучана з вышэйшым класам па службе, чым для выпускнікоў са званнем сапраўднага студэнта.

З асяроддзя выпускнікоў земляробчага інстытута звычайна выбіраліся кандыдаты для заняцця пасады выкладчыкаў сельскагаспадарчых дысцыплін у навучальных установах аграрнага профілю. Лепшыя выпускнікі маглі пасылацца на казённы рахунак у замежную камандзіроўку для далейшага ўдасканалення ведаў у галіне сельскай гаспадаркі з правам пасля вяртання паступіць у ад'юнкта (памагатыя) прафесара ў інстытуце [7, с. 35]. У замежныя камандзіроўкі былі накіраваны: А. В. Саветаў – для вывучэння сельскагаспадарчай тэхналогіі, цукровай прамысловасці, жывёлагадоўлі; А. М. Казлоўскі – для вывучэння дрэнажу; І. М. Чарнапятаў, А. М. Бажанаў –

для вывучэння жывёлагадоўлі; А. Есакоў – для вывучэння палітычнай эканоміі [5, с. 244]. Арганізацыя камандзіровак з’яўлялася справай новай, механізм яе яшчэ не быў дакладна распрацаваны, аб чым пісаў у сваіх успамінах будучы вядомы вучоны-аграрый І. А. Сцебут, накіраваны за мяжу вясной 1858 г.: «Инструкция, которой я был снабжен для заграничного путешествия, была составлена в министерстве и гласила, что я должен употребить три года, назначенные мне для пребывания за границей, на подготовку себя к кафедре земледелия, что эта подготовка должна заключаться в слушании известных лекций и посещении стран, отличающихся высоким состоянием сельского хозяйства. Но где слушать лекции лучше, что делать кроме того, чтобы выработать из себя преподавателя, я совета получить не мог. Таким образом, я был предоставлен в заграничном путешествии сам себе» [15, с. 35]. І. А. Сцебут вырашыў наведаць у першую чаргу вышэйшыя сельскагаспадарчыя навучальныя ўстановы Германіі, каб пазнаёміцца з іх арганізацыяй і атрымаць карысныя парады выкладчыкаў сельскагаспадарчых дысцыплін на конт найбольш рацыянальнай праграмы сваёй стажыроўкі за мяжой. У выніку, акрамя Германіі, ён наведаў Бельгію, Галандыю, Францыю, Англію, Шатландыю. Праўда, малады вучоны атрымаў прадпісанне Міністэрства дзяржаўных маёмасцей скараціць тэрмін свайго знаходжання за мяжой на паўгода, каб да 1 кастрычніка 1860 г. прыступіць да выкладання ў Горы-Горацкім земляробчым інстытуце [15, с. 38–39].

Званне агранома адпавядала ступені ўніверсітэцкага кандыдата, таму аграномы Горы-Горацкага інстытута мелі права на аднолькавых падставах з кандыдатамі дапускацца да атрымання ступені магістра па тэхналогіі, сельскай гаспадарцы ці лесаводству пры ўніверсітэтах. Важна адзначыць, што сярод тагачасных расійскіх вышэйшых спецыяльных навучальных устаноў (Тэхналагічны, Горны, Лясны і іншыя інстытуты) Горы-Горацкі земляробчы інстытут з’яўляўся першай вышэйшай школай, якая давала магчымасць сваім выхаванцам папоўніць шэрагі прафесійных навукоўцаў, хаця сама і не карысталася правам прысуджаць вучоныя ступені магістра і доктара [5, с. 117]. Найбольш здольныя выпускнікі Горы-Горацкага земляробчага інстытута скарысталася гэтай магчымасцю. Напрыклад, у лютым 1863 г. І. А. Сцебут паехаў у Санкт-Пецярбург здаваць магістарскі экзамен, а да пачатку 1865 г. падрыхтаваў тэкст магістарскай дысертацыі, прысвечанай вапнаванню глебы, якую паспяхова абараніў у Пецярбургскім універсітэце ў кастрычніку гэтага года [15, с. 43, 48]. А. В. Саветаў і А. М. Бажанаў абаранілі магістарскія дысертацыі ў Маскоўскім універсітэце, І. М. Чарнапятаў – у Пятроўскай земляробчай і лясной акадэміі. У Пецярбургскім універсітэце А. В. Саветаў абараніў доктарскую дысертацыю, а А. П. Людагоўскі – магістарскую [5, с. 244].

Горы-Горацкі земляробчы інстытут здолеў падрыхтаваць плеяду выдатных навукоўцаў у галіне аграрнай навукі: з 569 выпускнікоў інстытута навучальна-навуковай дзейнасці прысвяцілі сябе 99 чалавек. Да іх належалі прафесары найбольш вядомых вышэйшых навучальных устаноў Расійскай імперыі, якія ажыццяўлялі падрыхтоўку спецыялістаў аграрнага профілю (Пятроўскай земляробчай і лясной акадэміі, Пецярбургскага земляробчага інстытута, Казанскага і Адэскага ўніверсітэтаў, Горы-Горацкага земляробчага інстытута).

Такім чынам, у першай палове XIX ст. на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў права прысуджаць вучоныя ступені магістра і доктара навук мелі наступныя навучальныя установы: Віленскі ўніверсітэт, Полацкая езуіцкая акадэмія, Віленская Рымска-каталіцкая духоўная акадэмія, Віленская медыка-хірургічная акадэмія. Пасля закрыцця пералічаных вышэйшых навучальных устаноў, а таксама Горы-Горацкага земляробчага інстытута падрыхтавацца да навуковай дзейнасці і атрымаць вучоныя ступені можна было выключна па-за межамі рэгіёна.

І толькі ў пачатку XX ст. на тэрыторыі Беларусі з’явіўся цэнтр навуковых даследаванняў, які адносіўся да навучальных устаноў вышэйшага тыпу – Віцебскае аддзяленне Маскоўскага археалагічнага інстытута. Маскоўскі археалагічны інстытут быў створаны ў 1907 г. у складзе двух аддзяленняў: археалагічнага (першабытная археалогія, хрысціянская археалогія, побытавыя старажытнасці, гісторыя рускай архітэктуры, нумізматыка, музейзнаўства і эпиграфіка) і археаграфічнага (архівазнаўства, бібліятэказнаўства, дыпламатыка, сфрагістыка, геральдыка і генеалогія, метралогія, храналогія) [3, с. 61]. Спецыфіка Маскоўскага археалагічнага інстытута заключалася ў спалучэнні рысаў вышэйшай навучальнай установы, навукова-даследчай установы і на-

вуковага таварыства. У Палажэнні пра Маскоўскі археалагічны інстытут ад 31 студзеня 1907 г. было вызначана, што Інстытут – «...высшее учебное заведение... имеющее целью научную разработку по вопросам археологии, археографии и русской истории... а равно и подготовку специалистов для должностей в архивах, музеях и библиотеках, правительственных, общественных и частных» [16, с. 51–53].

Віцебскае аддзяленне Маскоўскага археалагічнага інстытута было адкрыта 9 лістапада 1911 г. па ініцыятыве Віцебскай вучонай архіўнай камісіі, старшыня якой В. А. Кадыгробаў адзначыў, што «лучшая мечта витеблян иметь у себя учебное заведение высшего типа наконец получает реальное осуществление» [17, арк. 350–352]. Віцебскае аддзяленне Маскоўскага археалагічнага інстытута мела трохгадовы тэрмін навучання, яго выкладчыцкі корпус фарміраваўся у асноўным з сумяшчальнікаў – прафесараў і выкладчыкаў вышэйшых сталічных навучальных устаноў, а таксама служачых архіваў, музеяў, бібліятэк, дзеячаў розных навукова-гістарычных таварыстваў. Акрамя запрошаных прафесараў, да выкладчыцкай працы ў Віцебскім аддзяленні прыцягваліся таксама мясцовыя навуковыя і адміністрацыйныя сілы.

Дасведчаны ў навуковай справе выкладчыцкі кантынгент садзейнічаў засваенню асноўных прыёмаў навуковай працы студэнтамі, якія на трэцім курсе рыхтавалі дысертацыю пад кіраўніцтвам прафесараў, а ў канцы года абаранялі яе. Пасля гэтага Савет інстытута прысуджаў ім званні «археалаг» і «архівіст» (аналагі ўніверсітэцкага кандыдата) з залічэннем у сапраўдныя члены інстытута. Студэнтам, якія скончылі поўны трохгадовы курс, але не прадставілі дысертацыю, прысвойвалася званне члена-супрацоўніка інстытута [8].

Першы выпуск Віцебскага аддзялення Маскоўскага археалагічнага інстытута адбыўся ў 1914 г. У ліку тых, хто паспяхова абараніў дысертацыі, былі жанчыны – М. А. Мельнікава («Витебский лицевой сборник») і А. А. Васільева («Витебская Благовещенская церковь»). М. А. Мельнікава атрымала званне «навуковы архівіст», а А. А. Васільева – «навуковы археалаг». 4 лютага 1915 г. слухалі абарону дысертацый П. І. Дзейніса «Полоцкие церковные древности в их прошлом и настоящем» і Е. С. Івацкы «Коложский Борисоглебский монастырь, ныне Коложская церковь в Гродно». Па выніках абароны Савет вынес рашэнне прысвоіць ім званне «навуковага археалага» і ўзнагародзіць медалямі (першага суіскальнага – залатым, другога – срэбным) [8].

Хаця Віцебскае аддзяленне Маскоўскага археалагічнага інстытута не карысталася правам прысуджаць вучоныя ступені магістра і доктара, яго дзейнасць усё ж заклала кадравыя асновы айчыннай археалогіі і архівістыкі, а выпускнікі гэтай навучальнай установы ўжо ў савецкі час падтрымлівалі працу архіваў, музеяў, крэйзнаўчых арганізацый на высокім прафесійным узроўні.

Падводзячы вынікі, зазначым, што навуковая атэстацыя з’яўлялася састаўной часткай дзейнасці вышэйшых навучальных устаноў, якія існавалі на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў у XIX – пачатку XX ст. На першым этапе (1803–1832 гг.) уплывовым цэнтрам навуковай атэстацыі Расійскай імперыі з’яўляўся Віленскі ўніверсітэт, які выконваў навукова-арганізацыйныя функцыі у вялікім аб’ёме і ахопліваў практычна ўвесь спектр навуковых дысцыплін. Нароўні з Віленскім ўніверсітэтам правам прысуджаць вучоныя ступені валодала Полацкая езуіцкая акадэмія (у 1814–1820 гг.).

На другім этапе (1832–1864 гг.), пасля закрыцця Віленскага ўніверсітэта, падрыхтоўка навуковых кадраў ажыццяўлялася ў спецыяльных вышэйшых навучальных ўстановах беларуска-літоўскіх губерняў: Віленскай медыка-хірургічнай акадэміі, Віленскай рымска-каталіцкай духоўнай акадэміі, Горы-Горацкім земляробчым інстытуце. Разам з тым пералічаныя вышэйшыя навучальныя установы з прычыны сваёй спецыфікі маглі прысуджаць вучоныя ступені па абмежаванай наменклатуры спецыяльнасцей, таму роля рэгіёна ў сістэме навуковай атэстацыі Расійскай імперыі зменшылася.

На трэцім этапе (1864–1917 гг.) падрыхтоўка прафесійных навукоўцаў на тэрыторыі Беларусі і Літвы фактычна не ажыццяўлялася ва ўмовах адсутнасці вышэйшых навучальных устаноў. Пры гэтым варта адзначыць уклад у фарміраванне айчынных кадраў у галіне спецыяльных гістарычных навук, зроблены Віцебскім аддзяленнем Маскоўскага археалагічнага інстытута.

Нягледзячы на пэўныя цяжкасці, у навучальных установах беларуска-літоўскіх губерняў паступова назапашваўся каштоўны вопыт падрыхтоўкі спецыялістаў з вышэйшай адукацыяй да навукова-даследчай і навукова-педагагічнай працы, адбывалася станаўленне сістэмы навуковай атэстацыі, некаторыя элементы якой не страцілі свайго значэння да нашых дзён.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Павлова, Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. / Г. Е. Павлова ; отв. ред. С. Р. Милютинский. – М. : Наука, 1990. – 239 с.
2. Соболева, Е. В. Организация науки в пореформенной России / Е. В. Соболева. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние 1983. – 262 с.
3. Степанский, А. Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России : пособие по спецкурсу / А. Д. Степанский ; под ред. Н. П. Ерошкина. – М. : МГИАИ, 1987. – 86 с.
4. Иванов, А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. –1917 г. / А. Е. Иванов. – М. : ИРИ, 1994. – 197 с.
5. Цитович, С. Г. Горьгорецкий земледельческий институт – первая в России высшая сельскохозяйственная школа (1836–1864) / С. Г. Цитович. – Горки : Изд-во Белорус. с.-х. акад., 1960. – 274 с.
6. Белорусская сельскохозяйственная академия: 150 лет: краткий очерк истории и деятельности / Н. А. Шитов [и др.]. – Минск : Ураджай, 1990. – 279 с.
7. История аграрной науки Беларуси (XIX – начало XXI в.) : в 2 ч. / В. Г. Гусаков [и др.] ; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2017. – Ч. 1. – 310 с.
8. Шумейко, М. Ф. Из истории Витебского отделения Московского археологического института. К 100-летию со дня открытия / М. Ф. Шумейко // Вестн. архивиста. – 2011. – № 3. – С. 205–222.
9. Šenavičiene, I. Žemaičių lituanistai Vilniaus vyriausioje seminarijoje. Motiejus Valančius / I. Šenavičiene. – Vilnius : Lietuvos Respublikos Švietimo ir mokslo ministerijos leidybos centras, 1998. – 254 p.
10. Jogela, V. Vilniaus Romos kataliku dvasine akademija 1833–1842 metais: organizacija ir veikla / V. Jogela. – Vilnius : Eugrimas, 1997. – 234 p. – (Lietuvių atgimimo istorijos studijos ; 14).
11. Беспамятных, Н. Д. Математическое образование в Белоруссии : ист. очерк / Н. Д. Беспамятных. – Минск : Выш. шк., 1975. – 288 с.
12. Kadulska, I. Academia Połocka: ośrodek kultury na Kresach, 1812–1820 / I. Kadulska. – Gdańsk : Wydaw. Uniw. Gdańskiego, 2004. – 308 s.
13. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2260. Воп. 1. Спр. 310.
14. Записки Горьгорецкого земледельческого института. – СПб. : Тип. М-ва гос. имуществ, 1853. – Кн. 2. – 98 с.
15. Балашев, Л. Л. Иван Александрович Стебут (1833–1923) / Л. Л. Балашев. – М. : Наука, 1966. – 167 с.
16. Положение о Московском археологическом институте : утв. 31 янв. 1907 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб., 1910. – Т. 27. – С. 51–53.
17. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 6. Спр. 902.

References

1. Pavlova G. E. *Organization of science in Russia in the first half of the XIX century*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 239 p. (in Russian).
2. Soboleva E. V. *Organization of science in post-reform Russia*. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 262 p. (in Russian).
3. Stepanskii A. D. *History of scientific institutions and organizations of pre-revolutionary Russia*. Moscow, Moscow State Historical and Architectural Institute, 1987. 86 p. (in Russian).
4. Ivanov A. E. *Academic degrees in the Russian Empire of the 18th century – 1917*. Moscow, Institute of Russian History, 1994. 197 p. (in Russian).
5. Tsitovich S. G. *Gorygoretsky Agricultural Institute (1836–1864)*. Gorki, Publishing House of the Belarusian Agricultural Academy, 1960. 274 p. (in Russian).
6. Shitov N. A., Livshits V. M., Nemykina I. A., Dyubakova M. G., Zyabkina Z. F., Kovalev P. A. (et al.). *Belarusian Agricultural Academy: 150 years: a brief outline of history and activities*. Minsk, Uradzhai Publ., 1990. 279 p. (in Russian).
7. Gusakov V. G., Gaponenko O. A., Danilovich V. V., Krivichanina E. A., Nosevich L. I., Smekhovich N. V. *The history of the agrarian science of Belarus (XIX – beginning of XXI century). Part I*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 310 p. (in Russian).
8. Shumeiko M. F. 100 years since the opening of the Vitebsk department of Moscow Archeological Institute. *Vestnik arkhivista = Herald of an Archivist*, 2011, no. 3, pp. 205–222 (in Russian).
9. Šenavičiene I. *Žemaičių lituanistai Vilniaus vyriausioje seminarijoje. Motiejus Valančius* [Samogitian Lithuanians at the Vilnius Seminary. Motiejus Valančius]. Vilnius, Lietuvos Respublikos Švietimo ir mokslo ministerijos leidybos centras, 1998. 254 p. (in Lithuanian).
10. Jogela V. *Vilniaus Romos kataliku dvasine akademija 1833–1842 metais: organizacija ir veikla* [Vilnius Roman Catholic Spiritual Academy in 1833–1842: organization and activity]. Vilnius, Eugrimas Publ., 1997. 234 p. (in Lithuanian).
11. Беспамятных Н. Д. *Mathematical education in Belarus*. Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 1975. 288 p. (in Russian).

12. Kadulska I. *Academia Polocka: ośrodek kultury na Kresach, 1812–1820* [Academia Polocka: cultural center in Kresy, 1812–1820]. Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004. 308 p. (in Polish).
13. *National Historical Archive of Belarus (NHAB)*. F. 2260. Op. D. 310 (in Russian).
14. *Notes of the Gorygorets Agricultural Institute. Book 2*. St. Petersburg, Printing house of the Ministry of State Property, 1853. 98 p. (in Russian).
15. Balashev L. L. *Ivan Alexandrovich Stebut (1833–1923)*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 167 p. (in Russian).
16. Regulation on the Moscow Archaeological Institute: approved on January 31, 1907. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. T. 27* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 27]. St. Petersburg, 1910, pp. 51–53 (in Russian).
17. *National Historical Archive of Belarus (NHAB)*. F. 1416. Op. 6. D. 902 (in Russian).

Информация об авторе

Новик Наталия Евгеньевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: n.novik@tut.by

Information about the author

Natallia Ya. Novik – Ph. D. (Hist.), Leading Researcher. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: n.novik@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 353.2+364.4](476)(091)«1861/1914»

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-307-317>

Поступила в редакцию 16.05.2019

Received 16.05.2019

Н. С. Моторова

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

РОЛЬ ОРГАНОВ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (1861–1914 гг.)

Аннотация. Характеризуются структура и полномочия органов губернского управления в реализации основных направлений государственной социальной политики. Отмечается, что на территории Беларуси они играли основную роль в решении социальных проблем населения в связи с отсутствием земств. Повышению эффективности их деятельности препятствовали устаревшая правовая база и отсутствие четкого разграничения функций.

В середине 1880-х гг. в структуре губернских учреждений были созданы распорядительные комитеты. На территории белорусских губерний они играли важную роль в реализации социальной политики, поскольку контролировали финансирование сельско-врачебной части и частично общественного призрения. Однако опыт деятельности распорядительных комитетов оказался неудовлетворительным. В этой связи МВД в конце XIX в. предложило ликвидировать их, а также упразднить губернские комиссии народного продовольствия и приказы общественного призрения. Их функции планировалось передать органам земского самоуправления. Это предложение было реализовано частично в результате введения в 1903 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях управлений по делам земского хозяйства.

В конце XIX в. в структуре губернской администрации Беларуси были созданы присутствия, на которые возлагались функции по контролю за соблюдением рабочего законодательства, а затем и страхования рабочих. Они формировались под влиянием новых социальных запросов и в большей степени соответствовали новым социально-экономическим условиям в отличие от губернских учреждений, которые заведовали организацией общественного призрения, народного продовольствия, здравоохранения.

Ключевые слова: социальная политика, органы губернского управления, белорусские губернии, структура, полномочия

Для цитирования: Моторова, Н. С. Роль органов губернской администрации в разрешении социальных проблем населения белорусских губерний (1861–1914 гг.) / Н. С. Моторова // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 307–317. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-307-317>

Nadezhda S. Motorova

Belarusian State University, Minsk, Belarus

ROLE OF THE INSTITUTIONS OF PROVINCIAL GOVERNMENT IN RESOLVING SOCIAL PROBLEMS OF THE POPULATION OF THE BELARUSIAN PROVINCES (1861–1914)

Abstract. The article describes the structure and powers of the provincial government in the implementation of the main directions of state social policy. It was noted that on the territory of Belarus they played a major role in solving the social problems of the population due to the lack of zemstvos. The outdated legal framework and the lack of a clear division of functions hampered their effectiveness.

In the mid 1880s regulatory committees were established in the structure of the provincial institutions. On the territory of the Belarusian provinces they played an important role in the implementation of social policy, as they controlled the financing of the rural-medical part and partly public charity. However, the experience of the activities of the regulatory committees was unsatisfactory. In this regard, at the end of the XIX century the Interior Ministry proposed to eliminate them, as well as to abolish the provincial food commissions and departments of public charity. It was planned to transfer their functions to the zemstvos. This proposal was implemented partially, as a result of the introduction of the institutions of local economy in the Vitebsk, Minsk and Mogilev provinces in 1903.

At the end of the XIX century in the structure of the provincial administration of Belarus were created the offices which were entrusted with the functions of monitoring compliance with the workers' legislation, and then the insurance of workers. They were formed under the influence of new social demands. These offices corresponded to new social and economic conditions, in contrast to the provincial institutions, which managed public charity, national food and health care.

Keywords: social policy, institutions of provincial government, Belarusian provinces, structure, powers

For citation: Motorova N. S. Role of the institutions of provincial government in resolving social problems of the population of the Belarusian provinces (1861–1914). *Vesti Natsyynal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 307–317 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-307-317>

Введение. После отмены крепостного права в Российской империи началась масштабная трансформация традиционной структуры общества. Изменение правового статуса основной категории населения – крестьян – сопровождалось возникновением целого ряда социальных проблем, над разрешением которых государство начало работать. К ним относились развитие здравоохранения, обеспечение народного продовольствия, борьба с нищенством и пр. Все это входило в состав государственной социальной политики. На региональном уровне ее основные направления реализовывались через систему местного самоуправления и губернской администрации. Но если в центральных регионах доминирующую роль играли земства, в чью пользу была перераспределена основная часть функций в социальной сфере, то на территории белорусских губерний сложилась иная ситуация. В связи с подавлением восстания 1863–1864 гг. здесь с большим опозданием была создана система земского самоуправления, осуществлялись ограничительные меры по отношению к представителям отдельных этноконфессиональных групп. На этом фоне вплоть до начала XIX в. определяющую роль в решении социальных проблем населения играли учреждения губернской администрации, многие из которых оформились еще в дореформенный период.

Необходимо отметить, что в целом вопросы функционирования органов губернского управления рассматривались еще в дореволюционной историографии. В этой связи необходимо отметить работы Е. Н. Анучина [1], П. Н. Подлигайлова [2] и многих других. В советский период исследование данной тематики отошло на второй план. Для современной историографии характерно возобновление интереса к изучению как системы губернского управления в целом, так и функционирования ее отдельных элементов. В последнее время вопросы, связанные с деятельностью губернских учреждений, вызывают научный интерес у отечественных исследователей. Структура губернского управления на территории Беларуси в эпоху Российской империи была подробно рассмотрена во втором томе коллективной монографии «История белорусской государственности» [3]. Его авторы уделили основное внимание детальному анализу правовых и организационных условий функционирования учреждений местного управления и не ставили перед собой задачу проанализировать их участие в решении социальных проблем населения.

Цель настоящего исследования заключается во всестороннем анализе структуры и полномочий органов губернской администрации в реализации приоритетных направлений государственной социальной политики на территории белорусских губерний в 1861–1914 гг. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: выделить институты губернского управления, которые участвовали в разрешении социальных проблем населения; охарактеризовать их состав и объем полномочий; оценить степень эффективности их деятельности.

Научное исследование основывается на анализе правовых актов, регулировавших функционирование органов губернской администрации, которые дополнены делопроизводственными материалами МВД из фондов Российского государственного исторического архива. Оно базируется на принципах историзма и объективности, а для его осуществления были использованы как общенаучные (анализ, сравнение, обобщение), так и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы.

Основная часть. В структуре губернской администрации основным элементом выступали губернские правления, созданные на основании норм, выработанных в ходе административной реформы 1775 г. Первоначально их функции включали в себя обнародование законодательных актов и различных распоряжений, наблюдение за их исполнением и своевременным наказанием нарушителей, поддержанием порядка и «благонравия» [4, с. 232, 237–238]. Дальнейшая регламентация полномочий губернского правления и его внутренняя структуризация относится к эпохе правления Николая I. Соответствующее Положение было утверждено 3 июня 1837 г. [5, с. 439].

В соответствии с указанным правовым актом разрешение всех текущих вопросов было сосредоточено в канцелярии губернского правления, состоящей из четырех отделений, три из которых принимали непосредственное участие в решении социальных проблем населения. Так, хозяйственные вопросы входили в компетенцию первого отделения, которое также должно было следить за исполнением распоряжений губернаторов. Именно оно утверждало составленные ор-

ганами городского самоуправления таксы на продовольственные товары и фактически исполняло функции регулятора ценообразования. Охрана общественного здоровья, надзор за качеством продовольственных товаров, предотвращение нищенства и обеспечение бедных жителей возможностью заработка входили в круг обязанностей второго отделения. К компетенции четвертого отделения относились наблюдение за санитарным состоянием населенных пунктов, осуществление противопожарных мер и предотвращение различных стихийных бедствий. Кроме того, в его функции входило оказание содействия местному приказу общественного призрения, обеспечение связи губернской администрации с больницами и благотворительными учреждениями, которые содержались за счет приказных, городских, земских капиталов и средств частных лиц [5, с. 439–443, 445–446].

Рассредоточенность функциональных обязанностей по решению социальных проблем между отделениями губернского правления свидетельствовала о двух тенденциях. Во-первых, о попытках приспособить систему административных учреждений, сформированную в эпоху просвещенного абсолютизма, к исполнению новых функциональных обязанностей в социальной сфере. Во-вторых, о постепенной разработке концептуальных основ государственной социальной политики, для реализации которой привлекались органы местного управления.

В ходе реформы 1775 г. был создан еще один важный структурный элемент системы губернского управления – приказы общественного призрения. Они находились под председательством губернатора, а в их обязанности входило наблюдение за состоянием различных социальных объектов: народных школ, сиротских домов, больниц, богаделен, домов для неизлечимо больных и душевнобольных, а также работных и смирительных домов. Состав приказов на протяжении последней четверти XVIII – первой половины XIX в. значительно изменился. Первоначально в него входило шесть представителей судов различных инстанций (верхнего земского суда, губернского магистрата и верхней расправы), а при необходимости на заседания приглашались городские головы и уездные предводители дворянства [4, с. 271]. В 1801 г. был издан закон, в соответствии с которым был изменен состав приказов: в него должны были назначаться три заседателя совестного суда (по одному представителю от каждого сословия) и секретарь [6, с. 775, 778]. С 1818 г. на заседания начали приглашаться губернские врачебные инспекторы [7, с. 127]. Кроме того, в белорусских губерниях в состав приказов общественного призрения были включены губернские предводители дворянства. Допускалась возможность введения одного неперменного члена по решению МВД в тех случаях, когда приказ располагал значительными доходами, капиталами либо в его подчинении находились крупные благотворительные заведения [8, с. 4]. Последнее изменение в порядок формирования состава приказа общественного призрения было внесено в 1861 г.: представители совестного суда были заменены выборными представителями от сословий – дворянства, губернского городского общества и поселян (по одному от каждого из них) [9, с. 983].

В 1864 г. в центральных регионах Российской империи приказы были ликвидированы, а их обязанности, подведомственные учреждения и капиталы поступили в распоряжение земств [10, с. 20]. Однако на территории белорусских губерний они продолжали функционировать до начала XX в. на основании правовых норм, выработанных на протяжении последней четверти XVIII – первой половины XIX в. и закрепленных в Уставе общественного призрения. В их подчинении состояли учреждения различного характера: сиротские приюты, богадельни, работные и смирительные дома, больницы, заведения для душевнобольных [8, с. 71]. Однако из компетенции приказов был изъят контроль за народными школами. В 1884 г. в структуре подведомственных им заведений были ликвидированы смирительно-рабочие дома, а находившиеся в них заключенные были переведены в тюремные замки [11, с. 261].

На территории Беларуси система приказов была упразднена в 1903 г. в связи с введением Положения об управлении земским хозяйством, которое распространялось на Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии. Соответственно, капиталы и учреждения приказов, их функции были переданы новым органам самоуправления [12, с. 334]. Однако на территории Гродненской и Виленской губерний они продолжали сохраняться вплоть до начала Первой мировой войны.

В заведовании приказов общественного призрения находились больницы, расположенные в городах, а общее управление медицинской частью в губернии было сосредоточено в руках другого органа губернского управления – врачебных управ. Они были созданы на основании закона от 19 января 1797 г. В состав управ входили три человека: инспектор, «оператор» (т. е. хирург), акушер. Они осуществляли контроль за деятельностью медицинского персонала губернии, а также аптек и госпиталей. Кроме того, члены врачебных управ должны были наблюдать за качеством продовольственных товаров и санитарным состоянием населенных пунктов, участвовать в предотвращении эпидемических заболеваний [13, с. 289–291, 293].

Однако эффективному исполнению указанных обязанностей препятствовала ограниченность личного состава врачебных управ. В этой связи часть их функций по предотвращению эпидемических заболеваний была возложена на комитеты общественного здоровья и оспенные комитеты, созданные в первой половине XIX в.

В Российской империи оспопрививание начало проводиться в эпоху правления Екатерины II, однако оно не носило планомерного характера. Для его упорядочения на региональном уровне в 1811 г. был принят закон о создании оспенных комитетов в губернских и уездных городах. В состав губернских оспенных комитетов вошли губернатор, вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, один член со стороны духовенства, инспектор врачебной управы; уездных – уездный предводитель дворянства, городничий, благочинный протоиерей, капитан-исправник и уездный врач. Их основная задача заключалась в организации оспопрививания среди малолетних детей [14, с. 640, 643].

Функции предотвращения эпидемических заболеваний и борьбы с ними в масштабах губернии были сосредоточены в комитетах общественного здоровья, созданных в 1852 г. Эти учреждения носили бюрократический характер, о чем свидетельствовал их личный состав. В губернские комитеты входили губернский и уездный предводители дворянства, управляющие палатой государственных имуществ и удельной конторой, инспектор врачебной управы, старший ветеринарный врач, полицмейстер или городничий, городской голова и представитель духовного ведомства по назначению консистории; в уездные комитеты – уездный предводитель дворянства, исправник, городничий, уездные начальники ведомств государственных имуществ и уделов, уездный или городской врач, городской голова и старшее в городе духовное лицо. Функции председателя губернского комитета осуществлял губернатор, а уездного – уездный предводитель дворянства, в случае его отсутствия – начальник земской или городской полиции [15, Дополнение, с. 1–2].

В 1865 г. в результате реформы губернских учреждений, заведовавших медицинской частью, врачебная управа, губернский оспенный комитет, губернский комитет общественного здоровья были включены в состав губернского правления. В структуре последнего было создано новое отделение – врачебное [16, с. 634, 636]. На территорию Беларуси действие нового закона фактически было распространено в результате утверждения в 1869 г. новых штатов врачебных отделений губернских правлений, которые вводились в действие с 1 января 1870 г. В соответствии с ними были упразднены должности операторов и акушеров [16, с. 633–634; 17, с. 122]. В состав врачебных отделений должно было входить по пять человек: инспектор, его помощник, фармацевт, делопроизводитель и его помощник [18, Штаты и таблицы, с. 703]. Этого было явно недостаточно для организации квалифицированного надзора за деятельностью медицинского персонала и всех медицинских учреждений на территории губернии.

Помимо организации врачебной части, в реализации социальной политики на местах большое значение имело развитие народного продовольствия. Заведование им было сосредоточено в губернских комиссиях народного продовольствия, созданных в структуре губернской администрации в 1822 г. Они должны были следить за состоянием натуральных и денежных продовольственных запасов в губернии. В экстренных случаях комиссии могли обращаться за выделением правительственных ссуд. В их состав входили вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, управляющий удельной конторой, губернский прокурор, два уездных предводителя дворянства, один непреременный член от дворянства, избираемый при каждом возобновлении дворянских выборов. Функции председателя были возложены на губернатора [19, с. 147–148].

Изменения в состав губернских комиссий народного продовольствия были внесены в эпоху правления Николая I. Согласно § 45 Положения о запасах для пособия в продовольствии, утвержденного в 1834 г., был оставлен только один предводитель дворянства того уезда, где располагался губернский город, но был исключен управляющий удельной конторой [20, с. 691, 696]. В 1839 г. в белорусских губерниях были созданы палаты государственных имуществ, а их управляющие были включены в состав комиссий народного продовольствия [21, с. 990, 1069]. Кроме того, в их работе принимали участие управляющие казенными палатами [22, с. 6]. В 1866 г. от участия в работе комиссии был освобожден губернский прокурор [23, с. 225]. После упразднения палат государственных имуществ их управляющие были выведены из состава комиссий [24, с. 471].

На территории Беларуси в таком составе губернские комиссии народного продовольствия сохранялись до начала XX в. Их ликвидация произошла в 1900 г., а соответствующие обязанности были возложены на губернские присутствия и губернские по крестьянским делам присутствия [25, с. 765].

В белорусских губерниях важную роль в реализации государственной социальной политики играли распорядительные комитеты. Они были созданы в соответствии с законом 1874 г. и заменили собой учреждения, ранее заведовавшие земскими повинностями. Соответственно, первоначально к их обязанностям был отнесен контроль за расходами по квартирному довольствию войск, аренде, строительству, ремонту, отоплению и освещению зданий, а также содержанию некоторых дорог и подвод. Председателем губернского комитета являлся губернатор, а в его состав входили губернский предводитель дворянства, председатель казенной палаты, член от правительства, городской голова губернского города, а в земских губерниях – председатель губернской земской управы. Допускалась участие члена от военного ведомства и управляющего почтовой частью при обсуждении дел, касавшихся их ведомств. Член от правительства назначался согласно распоряжению министра финансов в тех губерниях, где это требовалось в связи с обширностью делопроизводства и значительностью расходов. Уездные распорядительные комитеты находились под председательством исправника или лица, занимавшего аналогичную должность. В их состав входили член уездной земской управы (в земских губерниях), особый чиновник по назначению губернатора (где это было признано необходимым). При обсуждении хозяйственных распоряжений на заседания могли приглашаться городской голова соответствующего уездного города, волостной старшина, члены военного и почтового ведомств [26, с. 415–417].

Расширение обязанностей распорядительных комитетов белорусских губерний было связано с реформированием сельско-врачебной части. При проведении этой реформы в 1883 г. в Могилевской губернии возник вопрос: в чьем ведении должны находиться сельские лечебницы в хозяйственном отношении? В соответствующем законе указания на этот счет отсутствовали [27, с. 4–5]. Могилевский губернатор А. С. Дембовецкий обратился за разъяснениями в МВД. При этом он предложил передать эти обязанности распорядительному комитету. Кроме того, А. С. Дембовецкий высказал мысль о возможности более широко привлекать к их работе на уездном уровне местных жителей. В частности, предлагалось при обсуждении в уездных комитетах вопросов, связанных с организацией сельско-врачебной части, возложить функции председателя на уездного предводителя дворянства, а также приглашать на эти заседания сельских врачей. Кроме того, рекомендовалось предоставить уездным комитетам право приглашать и назначать попечителей лечебниц [28, л. 89, 100–100 об.].

В 1884 г. этот вопрос обсуждался в МВД. Ведомство посчитало, что предложения могилевского губернатора противоречили действовавшим правовым нормам. В частности, штаты распорядительных комитетов были утверждены императором, любое их изменение могло осуществляться в законодательном порядке. Со своей стороны, МВД предложило сосредоточить заведование сельско-врачебной частью в губернском и уездных комитетах общественного здоровья, которые обладали более широкими правами по сравнению с распорядительными комитетами. В частности, по своему усмотрению они могли приглашать к участию в своей работе тех лиц, которых считали нужным, назначать попечителей лечебниц и больниц [28, л. 107–108].

Однако окончательную точку в этом вопросе поставило Министерство финансов, с которым МВД проводило консультации. В 1884 г. Департамент окладных сборов в ответ на поступивший запрос пояснил, что заведование сельскими лечебницами в хозяйственном отношении должно быть сосредоточено в руках распорядительных комитетов, так как указанные медицинские заведения содержались за счет местного налога – земского сбора. Изменение личного состава комитетов требовало разрешения императора [28, л. 111–112].

При этом нужно подчеркнуть, что еще в 1883 г. директор Департамента окладных сборов А. А. Рихтер, товарищ министра внутренних дел И. Н. Дурново и государственный контролер Д. М. Сольский после взаимных консультаций пришли к заключению о необходимости отнести на земский счет часть расходов по содержанию учреждений приказов общественного призрения и о введении нового порядка заведования ими после упразднения приказов. На фоне дискуссии о порядке заведования сельско-врачебной части в неземских губерниях возникла идея о целесообразности объединения этих двух мер. Ее суть заключалась в реформировании распорядительных комитетов и передаче им функций по заведованию сельско-врачебной частью и общественным призрением. Однако министр финансов Н. Х. Бунге полагал, что это потребовало бы изменения и их состава. В этой связи предложение могилевского губернатора А. С. Дембовецкого о привлечении представителей различных сословий к участию в работе распорядительных комитетов вызвало интерес Министерства финансов. Оно рекомендовало передать на рассмотрение местного губернского начальства в неземских губерниях вопрос об изменении состава распорядительных комитетов [28, л. 138–139 об.]. С 1884 г. и до начала 1886 г. МВД несколько раз направляло на места соответствующие запросы. В них предлагалось высказать свои соображения по вопросам об упразднении приказов общественного призрения и о перераспределении их функций между распорядительными комитетами и врачебными отделениями с внесением изменений в их личный состав. Однако ответы так и не были предоставлены [28, л. 145–147, 170, 187].

В результате предложение о ликвидации приказов общественного призрения и передаче их функций распорядительным комитетам не было осуществлено. Однако на территории Беларуси полномочия последних были расширены в связи с введением новых принципов организации сельско-врачебной части в Виленской, Витебской, Гродненской и Минской губерниях в 1887 г. [29, с. 184–185]. Соответственно, на распорядительные комитеты были возложены функции по заведованию медицинскими учреждениями в сельской местности в хозяйственном отношении. В том же году на земские средства было отнесено обеспечение дефицитов по содержанию уездных больниц и богоугодных заведений приказов общественного призрения. Законодательно была введена новая процедура утверждения соответствующих расходов. Они должны были рассматриваться соединенными присутствиями приказов общественного призрения и распорядительных комитетов. В случае возникновения разногласий окончательное решение должен был принимать министр внутренних дел [29, с. 194–195].

В результате в 1887 г. к компетенции распорядительных комитетов белорусских губерний были отнесены вопросы финансового обеспечения сельско-врачебной части и частично общественного призрения. Расширение их функциональных обязанностей не сопровождалось изменением их организационной структуры. Распорядительные комитеты не располагали собственным штатом чиновников, не имели отдельного делопроизводства. Они были вынуждены запрашивать необходимые сведения у губернского правления, статистического комитета и пр. МВД указывало на серьезные недостатки в организации работы распорядительных комитетов. Например, министр внутренних дел И. Л. Горемыкин при обсуждении проекта земской реформы для западных губерний подчеркивал, что распорядительные комитеты попросту не справлялись с возложенными на них сложными задачами [30, л. 160 об.]. В этой связи предлагалось упразднить распорядительные комитеты, а также приказы общественного призрения и комиссии народного продовольствия с 1 января 1900 г., а их функции возложить на органы земского самоуправления [30, л. 219]. Однако на территории Беларуси этот проект не был реализован. Распорядительные комитеты были упразднены лишь в 1903 г. в результате утверждения Положения об управлении земским хозяйством. Оно было распространено на Витебскую, Минскую и Могилевскую губер-

нии [12, с. 334]. В Виленской и Гродненской губерниях распорядительные комитеты сохранялись вплоть до начала Первой мировой войны.

В 1880-х гг. в структуре государственной социальной политики получило развитие новое направление – обеспечение прав рабочих. Это было обусловлено расширением фабрично-заводской промышленности и численным ростом пролетариата. В этой связи на региональном уровне в структуре губернской администрации стали формироваться новые учреждения.

Этот процесс начался с создания в 1882 г. фабричных инспекций, на которые был возложен надзор за соблюдением законодательства об ограничении труда малолетних и их посещением начальных школ. Их количество и распределение по губерниям и округам определялись в законодательном порядке. Несколько губерний или областей объединялись в округа, в каждый из которых назначалось по одному или несколько инспекторов. Фабричные инспекции напрямую подчинялись Министерству финансов по Департаменту торговли и мануфактур. На них не распространялась прямая власть губернаторов [31, с. 266]. В 1884 г. были введены штаты фабричных инспекций и закреплено распределение губерний по фабричным округам. На основании данного закона Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская губернии вошли в состав Виленского фабричного округа [11, с. 365–367].

В 1886 г. для надзора за благоустройством и порядком на фабриках и заводах были созданы губернские присутствия по фабричным делам. В состав присутствия входили губернатор, который являлся председателем, вице-губернатор, прокурор окружного суда или его товарищ, начальник губернского жандармского управления, окружной фабричный инспектор или его помощник, а также представители органов местного самоуправления – председатель губернской земской управы или ее член по выбору, городской голова или член городской управы по ее выбору. Кроме того, для участия в его заседаниях разрешалось приглашать с правом совещательного голоса губернского врачебного инспектора, губернского инженера или архитектора и механика, а также других компетентных лиц. Губернское по фабричным делам присутствие издавало обязательные постановления о мерах по охране жизни и здоровья рабочих, рассматривало случаи нарушения действовавшего законодательства в этой сфере, а также жалобы на распоряжения чиновников фабричной инспекции. Первоначально эти административные структуры были созданы только в трех губерниях промышленного центра Российской империи – в Московской, Владимирской и Санкт-Петербургской [32, с. 265, 266, 270]. На протяжении 1890-х гг. губернские присутствия начали создаваться и в других регионах Российской империи.

Одновременно происходило расширение обязанностей фабричных инспекций. В 1886 г. на них был возложен надзор за соблюдением фабрикантами и рабочими правил, определявших их обязанности и взаимные отношения. На этом основании инспекции должны были следить за исполнением обязательных постановлений, изданных губернскими по фабричным делам присутствиями; утверждать таксы, таблицы, расписания и правила внутреннего распорядка для рабочих; принимать меры для разрешения споров между рабочими и фабрикантами и заключения мирных соглашений; инициировать преследование в судебном порядке нарушителей фабрично-заводского законодательства. Непосредственное содействие фабричным инспекциям должна была оказывать полиция [32, с. 267].

В 1894 г. действие Правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и взаимных отношениях фабрикантов и промышленников было распространено на 13 губерний, в число которых входила и Гродненская. Это означало создание на местах губернских по фабричным делам присутствий [33, с. 106–107]. С 1 января 1897 г. эти Правила были распространены еще на восемь губерний, в том числе на Витебскую и Виленскую губернии, а с 1 июля 1897 г. – на все губернии, которые управлялись на основании Общего учреждения губернского [34, с. 364; 35, с. 356].

В связи с утверждением в 1899 г. Положения о Главном по фабричным и горнозаводским делам присутствии Министерства финансов на местах были преобразованы губернские по фабричным делам присутствия. Они по-прежнему находились под председательством губернатора. Однако в их состав были введены представители от владельцев местных фабрик и заводов, которые либо избирались совещательными учреждениями по торговле и промышленности, либо

приглашались председателем присутствия. Срок их полномочий ограничивался тремя годами, а их кандидатуры утверждались министром финансов [36, с. 672–673]. Основная обязанность присутствий по-прежнему заключалась в надзоре за благоустройством на фабриках и заводах, а также за соблюдением законов.

После введения законов о страховании рабочих в 1912 г. в структуре губернской администрации были созданы присутствия по делам страхования рабочих. В их состав входили губернатор, который исполнял функции председателя, вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда или его товарищ, старший фабричный инспектор, врачебный инспектор. Остальных членов назначало Министерство торговли и промышленности: двух – от губернского земства, одного – от городской думы, двух – от владельцев предприятий, двух – от участников больничных касс. В тех регионах, где не было введено Положение о земских учреждениях и Городовое положение, от владельцев предприятий и участников больничных касс избиралось по три члена. В ведении присутствий находились вопросы страхового и медицинского обеспечения рабочих [37, с. 847–849].

Заключение. После отмены крепостного права разрешение основных социальных проблем населения белорусских губерний осуществлялось через систему губернской администрации. Она включала в себя губернское правление, различные присутствия, комиссии и комитеты. Их полномочия не были детально разграничены, функции некоторых административных органов перекликались или дублировались. В первую очередь это касалось организации здравоохранения. С одной стороны, больницы в белорусских губерниях находились в ведении приказов общественного призрения, с другой – надзор за их деятельностью осуществляли врачебные управы, а затем врачебные отделения.

Нужно отметить, что основная часть административных учреждений, которые принимали непосредственное участие в разрешении социальных проблем населения белорусских губерний, была сформирована на основании правовых норм, разработанных еще в эпоху «просвещенного абсолютизма» Екатерины II и в годы правления Павла I. После отмены крепостного права они просто переставали справляться с возложенными на них обязанностями в новых социально-экономических условиях, не отвечали требованиям времени. Губернские учреждения, в ведении которых находились актуальные для эпохи социальные вопросы, были немногочисленны и представляли собой исключительно бюрократические органы, к участию в которых в некоторых случаях допускались дворяне. В то же время система губернской администрации изменялась очень медленно, здесь практически не происходило коренных реформ, за исключением создания распорядительных комитетов и присутствий по надзору за фабрично-заводской промышленностью и соблюдением прав рабочих. Последние были сформированы под влиянием новых социальных запросов, не испытывали на себе влияния дореформенного законодательства, а потому легче приспосабливались к изменявшимся социально-экономическим условиям.

Список использованных источников

1. Анучин, Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, в Учреждениях о губерниях 1775 г. до последнего времени / Е. Н. Анучин. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1872. – VI, IV, 238 с.
2. Подлигайлов, П. Н. Местное управление в России / П. Н. Подлигайлова. – СПб. : Тип. д-ра М. А. Хана, 1884. – XI, 200 с.
3. История белорусской государственности : в 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2018–2019. – Т. 2 : Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) / Н. В. Смехович [и др.]. – 2019. – 413 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : в 45 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1851. – Т. 20. – 1830. – 1034, 10 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 12, отд-ние 1. – 1838. – 822 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : в 45 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1851. – Т. 26. – 1830. – 875, [8] с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : в 45 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1851. – Т. 35. – 1830. – 675 с.
8. Устав о общественном призрении // Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный : изд. 1857 г. : [в 15 т.]. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 13 : Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. – С. 1–294.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 36, отд-ние 1. – 1863. – 1057 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 39. – 1867. – 973, [2] с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 4. – 1887. – 1126, [3] с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 23, отд-ние 1. – 1905. – 1167, 136 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : в 45 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1851. – Т. 24. – 1830. – 872 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : в 45 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1851. – Т. 31. – 1830. – 944, 11 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 27, отд-ние 2. – 1853. – 459 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 40, отд-ние 1. – 1867. – 993 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 44, отд-ние 2. – 1873. – 452 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 44, отд-ние 3. – 1873. – 1144 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : в 45 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1851. – Т. 38. – 1830. – 1355 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 9, отд-ние 1. – 1835. – 891 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 14, отд-ние 1. – 1840. – 1185 с.
22. Устав о народном продовольствии // Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный : издание 1857 г. : [в 15 т.]. – СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 13 : Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. – С. 1–163.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 41, отд-ние 1. – 1868. – 1081 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 41, отд-ние 2. – 1868. – 1408 с.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 20, отд-ние 1. – 1902. – [2], 1168, 10, [7] с.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 49, отд-ние 2. – 1876. – 496, 139 с.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 3. – 1886. – 979 с.
28. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1288. Оп. 12. Д. 248.
29. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 7. – 1889. – 1146 с.
30. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1288. Оп. 44. Д. 656.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 2. – 1886. – 1139 с.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 6. – 1888. – 1243 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 14. – 1898. – 1497 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 16, отд-ние 1. – 1899. – 823, 423, [3] с.
35. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 17. – 1900. – 1562 с.
36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – СПб. : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 19, отд-ние 1-е. – 1902. – 1324, 33 с.
37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. – Петроград : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 32, отд-ние 1. – 1915. – 1790, [54] с.

References

1. Anuchin E. *Historical review of the development of administrative and police institutions in Russia, with the Provincial Statute of 1775 until recently*. St. Petersburg, Typography of the Ministry of the Interior, 1872. VI, IV, 238 p. (in Russian).
2. Podligailov P. N. *Local government in Russia*. St. Petersburg, Typography of Doctor M.A. Han, 1884. XI, 200 p. (in Russian).

3. Smekhovich N. V., Unuchek A. V., Zhitko A. P., Bondarenko K. M., Goncharenko K. D., Gushchinskii I. G. *The history of the Belarusian statehood. Vol. 2. Belarusian statehood in the period of the Russian Empire (late XVIII – early XX century)*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019. 413 p. (in Russian).
4. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 20*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1830. 1034, 10 p. (in Russian).
5. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 12. Part 1*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1838. 822 p. (in Russian).
6. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 24*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1830. 875, [8] p. (in Russian).
7. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 35*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1830. 675 p. (in Russian).
8. Charter about public charity. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy: izdanie 1857 g. T. 13: Ustavy o narodnom prodovol'stvii, obshchestvennom prizrenii i vrachebnye* [The code of laws of the Russian Empire by the command of sovereign Nicholas I was composed. 1857 edition. Vol. 13. Charters on folk food, public charity and medical]. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1857, pp. 1–294 (in Russian).
9. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 35. Part 1*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1863. 1057 p. (in Russian).
10. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 39. Part 1*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1867. 973, [2] p. (in Russian).
11. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 4*. St. Petersburg, State Printing House, 1887. 1267 p. (in Russian).
12. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 23. Part 1*. St. Petersburg, State Printing House, 1905. 1167, 136 p. (in Russian).
13. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 29*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1830. 872 p. (in Russian).
14. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 31*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1830. 944, 11 p. (in Russian).
15. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 27. Part 2*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1853. 459 p. (in Russian).
16. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 40. Part 1*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1867. 993 p. (in Russian).
17. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 44. Part 2*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1873. 452 p. (in Russian).
18. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 44. Part 3*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1873. 1144 p. (in Russian).
19. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. 38*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1830. 1355 p. (in Russian).
20. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 9. Part 1*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1835. 891 p. (in Russian).
21. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 19. Part 1*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1840. 1185 p. (in Russian).
22. *Ustav o narodnom prodovol'stvii [Charter about public supply] in Svod zakonov Rossiiskoi imperii poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy. Izdanie 1857 god [The code of laws of the Russian Empire by the command of sovereign Nicholas I was composed. 1857 edition]*. Vol. 13. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1857, pp. 1–163. (in Russian).
23. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 41. Part 1*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1868. 1081 p. (in Russian).
24. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 41. Part 2*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1868. 1408 p. (in Russian).
25. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 20. Part 1*. St. Petersburg, State Printing House, 1902. [2], 1168, 10, [7] p. (in Russian).
26. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 49. Part 2*. St. Petersburg, Printing house of the II Division of His Own Imperative Majesty's Office, 1876. 496, 139 p. (in Russian).
27. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 3*. St. Petersburg, State Printing House, 1886. 979 p. (in Russian).
28. *Russian State Historical Archive*. F. 1288. Op. 12. D. 248. (in Russian).
29. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 7*. St. Petersburg, State Printing House, 1889. 1146 p. (in Russian).
30. *Russian State Historical Archive*. F. 1288. Op. 44. D. 656. (in Russian).
31. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 2*. St. Petersburg, State Printing House, 1886. 1139 p. (in Russian).
32. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 6*. St. Petersburg, State Printing House, 1888. 1243 p. (in Russian).

33. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 14.* St. Petersburg, State Printing House, 1898. 1497 p. (in Russian).
34. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 16. Part 1.* St. Petersburg, State Printing House, 1899. 823, 423, [3] p. (in Russian).
35. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 17.* St. Petersburg, State Printing House, 1900. 1562 p. (in Russian).
36. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 19. Part 1.* St. Petersburg, State Printing House, 1902. 1324, 32, [2] p. (in Russian).
37. *The complete code of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 32. Part 1.* Petrograd, State Printing House, 1915. 1790, [54] p. (in Russian).

Информация об авторе

Моторова Надежда Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент. Белорусский государственный университет (ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : motorova@ro.ru

Information about the author

Nadezhda S. Motorova – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Belarusian State University (6 Krasnoarmeyskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: motorova@ro.ru

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 81.374+81'367.622.15
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-318-327>

Паступіў у рэдакцыю 11.02.2020
Received 11.02.2020

К. Д. Ганчарэнка

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь*

**ДИНАМИКА ЛЕКСИКАГРАФИЧНОЙ ПАДАЧЫ І ПРАКТЫЧНАГА ЎЖЫВАННЯ
АСАБОВЫХ НАЗОЎНІКАЎ З СУФІКСАМ -Ц(А)**

Анотацыя. На аснове фактычных матэрыялаў дваццаці слоўарэй, изданных в XX – начале XXI в., академических грамматик, а также монографий исследуются изменения в лексикографической подаче личных существительных с суффиксом *-ц(а)*. Анализируются динамические процессы вхождения слов данного типа в лексикон, а также конкурентное взаимодействие с идентичными существительными мужского рода с суффиксом *-ец, -нік* и др., адвербіяльнымі існуючымі (*навукоўца – навуковец – вучоны*). Приводятся примеры новообразований, включенных в реестры лексикографических изданий. Отмечается, что в современных словарях присутствует разное количество лексем с суффиксом *-ц(а)*, представленных как словообразовательные синонимы существительных мужского рода с суффиксами *-ец, -нік* и др. В словарях существуют расхождения в указании помет рода существительных с суффиксом *-ц(а)* (только мужской либо мужской и общий). Проанализировав тексты современных СМИ, необходимо отметить широкое употребление существительных с суффиксом *-ц(а)* при обозначении лиц женского пола. Актуальным также является вопрос об указании грамматических показателей как мужского, так и женского рода для большего количества подобных лексем. Вместе с тем наличие вариантов рода и типа склонения вызывает сложности при употреблении падежных окончаний исследуемых существительных.

Ключевые слова: личные существительные с суффиксом *-ц(а)*, общий род, словообразование, словоизменение, неологизмы, словари, современный белорусский язык

Для цитирования: Ганчарэнка, К. Д. Дынаміка лексікаграфічнай падачы і практычнага ўжывання асабовых назоўнікаў з суфіксам *-ц(а)* / К. Д. Ганчарэнка // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 318–327. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-318-327>

Katsiaryna D. Hancharenka

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

**DYNAMICS OF LEXICOGRAPHIC PRESENTATION AND PRACTICAL USE
OF PERSONAL NOUNS WITH SUFFIX -Ц(А)**

Abstract. This article explores changes in the lexicographic presentation of personal nouns with the suffix *-ц(а)*. The study is based on materials from 20 dictionaries of the 20th and early 21st centuries, academic grammars and monographs. The dynamic processes of the entry of words of this type into the lexicon, their competitive interaction with identical masculine nouns with suffix *-ец, -нік* and adverbial nouns are analyzed. There are given examples of new formed words, which were included in lexicographic publications. The study notices differences in presenting of the lexemes with *-ц(а)* in modern dictionaries: in quantity of these nouns as derivating synonyms of nouns of masculine gender with suffix *-ец, -нік* etc. and in gender marks (only masculine or masculine and common). Analysis of modern media texts shows a wider use of nouns with the suffix *-ц(а)* to mark a female person. In practice, variants of the gender and type of declension of nouns with the suffix *-ц(а)* causes difficulties in the use of case endings.

Keywords: Personal nouns with suffixes *-ц(а)*, common gender, derivation, inflexion, neologisms, dictionaries, modern Belarusian language

For citation: Hancharenka K. D. Dynamics of lexicographic presentation and practical use of personal nouns with suffix *-ц(a)*. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 318–327 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-318-327>

Уводзіны. На працягу XX – пачатку XXI ст. назіраецца дынаміка ў лексікаграфічнай падачы назоўнікаў на *-ц(a)*, што выяўляецца ў змене колькасці прадстаўленых адзінак, іх родавай прыналежнасці, наяўнасці або адсутнасці словаўтваральных сінонімаў. На гэтыя працэсы ўплываюць выхад з ужытку слоў, з’яўленне новых адзінак, змена значэння пэўнага слова. Так, у аўтарскіх слоўніках, сучасных літаратурных творах і тэкстах СМІ выяўлена да 30 адзінак з *-ц(a)*, якія яшчэ не ўключаны ў акадэмічныя выданні: *адмыслоўца, выхаваўца, замоўца, лоўца*. Назоўнікі на *-ц(a)* знаходзяцца ў пастаяннай канкурэнцыі са словаўтваральнымі сінонімамі м. р. з суфіксамі *-ец, -нік*: *рэкламадаўца/рэкламадавец, пераемца/пераемнік*, кампанентамі *-вод, -вед*: *жывёлагадоўца/жывёлавод, мовазнаўца/мовазнавец, мовавед*. Наяўнасць двух варыянтаў аднаго слова з суфіксамі *-ец* і *-ц(a)*, якія адносяцца да розных тыпаў скланення, выклікае пэўныя цяжкасці для разумення як правільных, так і няправільных склонавых форм Р. і В. скл.: з *выглядам знаўца* (м.)/*знаўцы* (м.), *віншuem пераможца* (м.)/*пераможцу* (м.). Пераасэнсаванне гендарных роляў у грамадска-эканамічным жыцці выклікае больш шырокае ўжыванне назоўнікаў на *-ц(a)* у жаночым родзе з адпаведнымі канчаткамі Д., Т. і М. скл.: *выканаўцы, выканаўцай, пры выканаўцы*. Такім чынам, атрымліваем варыянтнасць канчаткаў ва ўсёй склонавай парадыгме.

Мэтай даследавання з’яўляецца выяўленне дынамічных з’яў у лексікаграфічнай падачы назоўнікаў на *-ц(a)* для мінімізацыі разыходжанняў іх практычнага ўжывання. Для гэтага неабходна вырашыць наступныя задачы: прааналізаваць падачу назоўнікаў з суфіксам *-ц(a)* у слоўніках на працягу XX – XXI стст., а таксама спецыфіку іх ужывання ў сучасных СМІ; вызначыць адзінкі, якія маюць варыянтнасць у лексікаграфічнай падачы і на практыцы; выявіць новаўтвораныя назоўнікі, якія ўвайшлі ў шырокі ўжытак. У даследаванні выкарыстаны метады лінгвістычнага апісання, дыяхранічны метады, а таксама элементы колькаснага падліку.

1. Назоўнікі на *-ц(a)* у лексікаграфічных выданнях і граматыках XX ст. Важную ролю ва ўсталяванні граматычных норм пачатку XX ст. адыгралі першыя практычныя даведнікі і слоўнікі. У “Беларуска-расейскім слоўніку” (1925) М. Я. Байкова і С. М. Некрашэвіча адзначана 20 назоўнікаў на *-ц(a)*, якія адносяцца да м. р.: *відоўца* ‘глядач’, *красамоўца, забойца* і *збойца, мысліўца* ‘паляўнічы’, *правазнаўца* [1]. Словаўтваральныя сінонімы мелі 3 назоўнікі *дазорац/дазорнік/дазорца, выканавец/выканаўца, наборац/наборца*. Я. Лёсік адзначаў, што назоўнікі м. р. на *-а* з цвёрдай асновай маюць канчаток *-ам* у Т. скл. і часта *-у¹* ў Д. і М. скл.: *Папаўся зьдзірцу² ў рукі* [2, с. 112].

У “Руска-беларускім слоўніку” пад рэдакцыяй А. А. Александровіча (1934) налічвалася толькі 13 лексем на *-ц(a)* [3]. Восем назоўнікаў на *-ц(a)*, якія фіксаваліся ў БРС-1925, выцесніліся назоўнікамі м. р. з нулявым канчаткам: *вінавайца – абвінавальнік, вынаходца – вынаходнік, размоўца – субяседнік*; адвербіяльным назоўнікам: *дазорца – дазорны*; словазлучэннем: *відоўца – навочны сведка*. І, наадварот, замест назоўніка *пераможнік* сталі ўжывацца дэрываты *пераможца/пераможніца* і *пераможца* (м. р.), да слова *злачынец* дадаўся дублет *злачынца*. Пашырылася колькасць утварэнняў ад слова *забойца*: *самазабойца, дзетазабойца* (у БРС-1925 – *самагуб, самагубка, дзетагуб*). У рэестры з’явіліся лексемы *вытворца* [тавараў] і аднакарэннае *вытворнік* ‘племянны жарабец’, *праваабаронца* (і *праваабаронец, правазаступнік*).

У “Беларускай граматыцы” (1936) зацвердзілася наяўнасць адрозных канчаткаў Д. і М. скл. у назоўнікаў агульнага роду ў залежнасці ад таго, асобу якога полу яны абазначаюць: м. р. *калеку, п’яніцу*, ж. р.: *гэтай калецы, аб гэтай п’яніцы* [4, с. 31–32]. Я. Станкевіч у падручніку, выдадзеным у эміграцыі (1946), указваў, што назоўнікі “супольнага роду” (*забіўца, прадпрыемца, спадкаемца* і інш.), калі яны абазначаюць мужчыну, пераважна маюць канчаткі м. р. у Д. і Т. скл. Але ў ілюстрацыях скланення назоўнікаў м. р. на *-а* была відавочнай варыянтнасць флексій: *вайводзе* і *вайводу, вайводай* і *вайводам* (у М. склоне было толькі *вайводу*) [5, с. 86–87].

¹ Словаформы *мужчыне, старасце* і *мужчыну, старасту* падаваліся як аднолькава магчымыя.

² *Зьдзірца* – обдирала, грабитель, вымогатель (БРС-1925).

У “Арфаграфічным слоўніку” (1948) на 12000 слоў адзінак на *-ц(a)* прыходзілася толькі 4: *абаронца, праваабаронца, самазабойца* – м. і ж. р. і *збойца* – м. і ж. р. [6]. Аўтары “Курса сучаснай беларускай літаратурнай мовы” (1957) лічылі суфікс *-ц(a)* непрадуктыўным, аднак сярод прыкладаў назоўнікаў агульнага роду падавалі 6 адзінак з дадзеным суфіксам, якія абазначаюць асобу паводле дзеяння: *абаронца, абвінаваўца, дзорца, збойца, знаўца, прамоўца* [7, с. 62].

У “Арфаграфічны слоўнік” (1961) уключаны ўсяго толькі 5 назоўнікаў на *-ц(a)*, пераважна м. р. (акрамя слова *празорца* – м. і ж. р.). Прычым адзіным словам, супадаючым паводле ўключанасці ў рэестр з выданнем 1948 г., з’яўляецца слова *абаронца* м. р. [8]. У “Беларуска-рускім слоўніку” (1962) падаецца ўжо 31 адзінка на *-ц(a)*, з іх 25 м. р. (у тым ліку быў упершыню ўключаны спартыўны тэрмін *паўабаронца* м. р.), 5 агульн. р. і толькі 1 ж. р. – *мужазабойца* [9]. Адзначым, што 20 адзінак (64%) былі прадстаўлены ў слоўніку нароўні са словаўтваральнымі сінонімамі м. р. з суфіксамі *-ец, -нік* і іх карэлятамі ж. р.: *заканадаўца* (м.)/*заканадавец, заканазнаўца* (м.)/*заканазнавец, злачынца* (м. і ж.)/*злачынец, злачынка, вынаходца* (м. і ж.) і *вынаходнік, вынаходніца, празорца* (м. і ж.) і *празорлівец, празорлівіца*. Два назоўнікі з *-ц(a)* выцеснілі ранейшыя дэрываты: *абвінаваўца* (*абвінавальнік*, 1934), *выканаўца* (*выканавец*, 1925, 1934). Заўважым, што зафіксаванае толькі ў АС-1961 слова *знаўца* ў БРС-1962 не ўказвалася, замест яго было слова *знаток*.

Аўтары “Граматыкі беларускай мовы” (1962) падалі варыянтныя флексіі *прамоўца* ў прыкладах скланення назоўніка м. р. на *(-а)*: Д. скл. *прамоўцу(ы)*, М. скл. *(аб) прамоўцу(ы)*, але Т. скл. *прамоўцам* [10, с. 75]. Пры гэтым у тлумачэннях было адзначана, што ў назоўніках м. р. на *-а(-я)* дапускаюцца канчаткі ж. р. у Д. і М. скл. [10, с. 77]. А. І. Наркевіч разглядаў скланенне назоўнікаў м. р. на *-а (-я)* (у тым ліку тыпу *прамоўца*) разам з назоўнікамі агульн. роду, паколькі абедзве групы маюць адметныя канчаткі м. р. у Д., Т. і М. скл. [11, с. 176]. Разам з тым даследчык заўважаў, што ў тагачаснай моўнай практыцы шырока ўжываліся канчаткі ж. р.: *Старшыня зноў зрабіў увагу прамоўцы* [11, с. 178]. У рэестр “Арфаграфічнага слоўніка для сярэдняй школы” (1978) былі ўключаны толькі асобныя назоўнікі м. р. з суфіксам *-ц(a)*: *абвінаваўца* і *прамоўца* – м. р., *абаронца, выканаўца, пераможца, збойца* – м. і ж. р. Тут пераважалі асабовыя назоўнікі м. р. з нулявым канчаткам: *зверавод, літаратуразнавец, мовавед/мовазнавец, тварэц* [12].

У слоўніках 1980-х гг. колькасць назоўнікаў з суфіксам *-ц(a)* павялічваецца. Так, у “Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” (1977–1984) уключаны 31 назоўнік з суфіксам *-ц(a)* [13], у “Слоўнік беларускай мовы” (1987) – 42 [14], у “Беларуска-рускі слоўнік” (1988–1989) – 38 [15]. Набывае дублет з *-ц(a)* слова *збавіцель, збавіцелька* – *збаўца* (усе слоўнікі), *таваравытворца* – *таваравытворца* (усе слоўнікі), *пазыкадавальнік* – *пазыкадаўца* (БРС-1988–1989), *відавочнік/відавочніца* – *відавочца* (СБМ-1987, ТСБМ-1977–1984). З 26 слоў, якія падаюцца ва ўсіх трох слоўніках, толькі 12 адзінак аднолькава ўказваюцца з м. р.: *вытворца, дарадца, збаўца, паўабаронца, самаўпраўца* і інш., 4 – з агульн. р.: *кіназнаўца, збойца, празорца, чалавеказабойца*. Адзначым, што назоўнікі з другой каранёвай часткай *-зн-* маюць неаднастайную падачу. Калі ва ўсіх трох слоўніках назоўнік *кіназнаўца* – агульн. р., то *знаўца* адносіцца да м. р. і мае сінонім *знавец*. У ТСБМ-1977–1984 адсутнічае шэраг слоў з кампанентам *-знаўца*, а прысутнічаюць толькі аналагічныя ім адзінкі з суфіксам *-ец* (*заканазнавец, літаратуразнавец* і інш.). У СБМ-1987 упершыню ўключана слова *навуказнаўца*.

У “Беларускай граматыцы” (1985) сярод назоўнікаў агульнага роду, якія абазначаюць асобу мужчынскага або жаночага полу па характэрным дзеянні або прымеце, указваюцца назоўнікі на *-ц(a)*: *злачынца, збойца, творца*. Назоўнік *знаўца* ілюструе скланенне назоўнікаў м. р. на *-а (-я)* [16, с. 59–60; 85]. Г. У. Арашонкава лічыла, што пры ўжыванні назоўнікаў тыпу *прамоўца, абвінаваўца* ў дачыненні да жанчыны “сэнсавую яснасць” уносіць родазмяняльнае слова (дзеяслоў, прыметнік). І назоўнікі на *-ц(a)* не могуць утвараць лексемы з мадыфікацыйным значэннем жаночасці (напрыклад, як *дарадчык* – *дарадчыца, збавіцель* – *збавіцелька*) [17, с. 117].

2. Назоўнікі на *-ц(a)* у слоўніках і граматыках канца ХХ – пачатку ХХІ ст. Акадэмічныя слоўнікі 1990 – пачатку 2000-х гг. змяшчаюць невялікую колькасць назоўнікаў з суфіксам *-ц(a)*. Так, у “Арфаграфічны слоўнік” (1990), у адрозненне ад выдання 1978 г., было ўключана слова м. р. *празорца* [18]. У аднатомным ТСБЛМ-1996 (і выпусках 1999 і 2005 гг.) колькасць назоўнікаў на *-ц(a)* амаль удвая менш (18 адзінак), чым у шматтомным ТСБМ-1977–1984 за кошт выбару

на карысьць назоўнікаў м. р. з нулявым канчаткам, якія могуць мець карэляты ж. р.: *відавочнік/відавочніца, вынаходнік/вынаходніца* і інш. Дарэчы, слова *забойца* падаецца з новым значэннем ‘наёмны’ [19]. Аналагічна ў БРС-2003, у адрозненне ад выдання 1988–1989 гг., зняты 8 словаўтваральных сінонімаў з *-ц(а)*, у рэестры толькі *дазорац, знавец, птушкагадовец* і інш., пры гэтым актуалізаваўся назоўнік м. р. *праваабаронца* [20].

Аднак у 1990-я гг. пад уплывам пурыстычных тэндэнцый на практыцы значна павялічвалася колькасць адзінак з суфіксам *-ц(а)*. Мовазнавец В. Л. Варановіч у сваім манаграфічным даследаванні адзначае шэраг новых аддзяяслоўных, адвербіяльных і адсубстантыўных маскулінатываў з *-ц(а)*, зафіксаваных у перыядычных выданнях з 1993 па 1999 г. і ў тэматычных публікацыях А. А. Каўруса: *аднадумца, выратаваўца, дбайца, дзяржаўца* і інш. [21, с. 30, с. 46–47, с. 50]. Некаторыя з прыведзеных даследчыкам слоў (*кіроўца, навукоўца, суразмоўца*) былі ўключаны ў “Слоўнік новых слоў беларускай мовы” (СНС-2009), у якім сабрана лексіка канца 1990 – пачатку 2000-х гг. Указаныя ў гэтым слоўніку неалагізмы на *-ц(а)* ілюструюць “узмяцненне канкурэнцыі словаўтваральных тыпаў” [22, с. 7]: *бізнесоўца* (яшчэ з АС-1961 – *бізнесмен*), *рэкламадаўца* (у БРС-2003 – *рэкламадавец*), *праваахоўца* (у БРС-2003 – *праваахоўнік* ‘супрацоўнік праваахоўных органаў’), *уладца, уладатрымец/уладатрымальнік* – параўн., *уладар/валадар* (БРС-1925), *уладарка, уладарніца* (БРС-1962), *уладарнік/уладарніца* (СБМ-1987), *валадар/валадарніца* (БРС-1988–1989), *уладалюбца* – параўн., *уладалюбны* (РБС-1934), *уладалюб* (БРС-1962). Слова *кіроўца* набывае частотнасць і фіксуецца таксама ў “Слоўніку сучаснай беларускай мовы” пад рэдакцыяй М. Р. Прыгодзіча, У. М. Завальнюка (2009), акадэмічных “Слоўніку беларускай мовы” (2012), “Граматычным слоўніку назоўніка” (2013).

У дапаможніку “Сучасная беларуская літаратурная мова. Марфалогія” (1997) назоўнікі м. р. на *-а (-я)* і агульн. р., якія абазначаюць асобу мужчынскага полу, аднесены да рознаскланяльных [23, с. 75–76]. Заўважым, што неалагізмы на *-ц(а)* падаюцца ва ўказаных выданнях з мужчынскім родам. У “Кароткай граматыцы беларускай мовы” лексема *вынаходца* ілюструе скланенне назоўнікаў м. р. на *-а* [24, с. 153]. Цікава, што ў наступных акадэмічных слоўніках (СБМ-2012, ГСН-2013) *вынаходца* ўказваецца з паказчыкамі толькі м. р., калі ў папярэдніх слоўніках (БРС-1962, ТСБМ-1977–1984, БРС-1988–1989, БРС-2003) – з паказчыкамі двух родаў.

У пачатку 2010-х гг. аўтары лексікаграфічных выданняў ставяць задачу адлюстраваць напісанне слоў паводле “Правіл беларускай арфаграфіі і пунктуацыі”, якія толькі пачалі дзейнічаць, а таксама падаць актуальную лексіку. Што датычыцца назоўнікаў на *-ц(а)*, то сярод акадэмічных выданняў найбольшая іх колькасць, зразумела, у 2-м выданні “Граматычнага слоўніка назоўніка” (2013) – 52 адзінкі на *-ц(а)* [25], у “Слоўніку беларускай мовы” (2012) – 50 [26], у “Беларуска-рускім слоўніку” (2012) – 32 [27]. Значна менш назоўнікаў на *-ц(а)* у “Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы” (2016) – усяго 17 [28]. Пры гэтым толькі адзінкі м. р. *вытворца, таваравытворца, таваразнаўца, творца* прысутнічаюць ва ўсіх слоўніках. У падачы іншых лексем паміж выданнямі аднаго перыяду ёсць разыходжанні. Так, у СБМ-2012 назоўнікі на *-ц(а)* часцей указваюцца з паказчыкамі м. і ж. р., нават слова *паўабаронца*, у БРС-2012 аддаецца перавага м. р. для слоў *абаронца, выканаўца* і інш., у ТСБЛМ-2016 – сінонімам м. р. з нулявым канчаткам: *вынаходнік, выступовец, літаратуразнавец, прамысловец*. Верагодна, тут ёсць арыентацыя на матэрыялы папярэдніх выпускаў слоўнікаў.

Разам з акадэмічнымі выданнямі выходзяць тры аўтарскія слоўнікі. У выданні А. А. Каўруса “Словасклад. Слоўнік адметнай лексікі” (2013) – 35 лексем на *-ц(а)* м. р., з іх 18 лексем, зафіксаваных аўтарам у літаратуры і СМІ, аднак не ўключаных у іншыя слоўнікі (*вызнаўца [веры], вандроўца, паслядоўца* і інш.). На думку складальніка, назоўнікі на *-ц(а)*, якім у рускай мове адпавядаюць дзееспрыметнікавыя формы (*размоўца – гаворачы, нападаўца – нападаючы* і інш.), адлюстроўваюць самабытнасць беларускай мовы [29, с. 3–4]. У “Вялікім слоўніку беларускай мовы” Ф. А. Піскунова (СБМ-2012) – 62 назоўнікі на *-ц(а)*, з іх новыя – *рэкламавытворца, моватворца, вядоўца*¹. Амаль усе назоўнікі – агульнага роду, паколькі, на думку аўтара, жанчыны таксама з’яўляюцца носьбітамі такіх функцый, як *відавочца, вынаходца, прамоўца* [30, с. 44–49].

¹ А таксама ў аўтарскім слоўніку: Шчасная, К. Д. Слоўнік новай і актуальнай лексікі / К. Д. Шчасная ; пад рэд. В. П. Русак. – Мінск : Права і эканоміка, 2012. – 102 с.

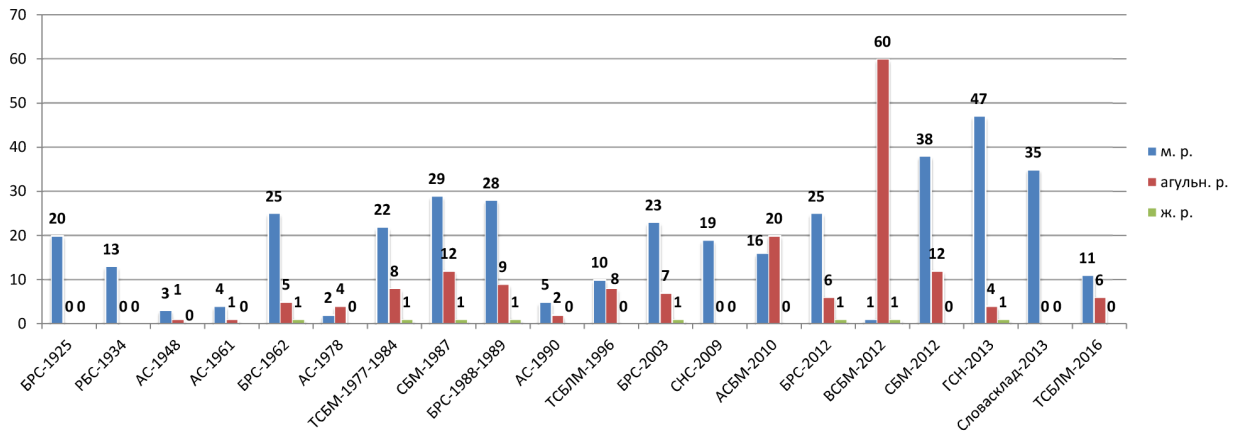
Падобнае меркаванне выказвае і А. А. Лукашанец: “Наўрад ці ёсць выразнае тлумачэнне для раздзялення ўтварэнняў з аднолькавым суфіксам на мужчынскі і агульны род. На наш погляд, іх варта аднесці да <...> аддзяслёўных намінацый агульнага роду, якія называюць асоб мужчынскага і жаночага полу” [31, с. 124]. “Арфаграфічны слоўнік беларускай мовы” (АСБМ-2010) Л. П. Баршчэўскага і А. Л. Баршчэўскай [32] змяшчае 36 назоўнікаў на *-ц(а)*, з іх новаўтварэнне *адмыслоўца*, якое таксама прысутнічае і ў выданні А. А. Каўруса. У слоўніках Л. П. і А. Л. Баршчэўскіх і Ф. А. Піскунова лексема м. р. *збаўца* мае рэлігійнае значэнне ‘Бог’.

У табліцы прыведзены адзінкі з суфіксам *-ц(а)*, якія часта ўжываюцца і максімальна прадстаўлены ва ўсіх слоўніках 2009–2016 гг. Паказаны адрозненні ў падачы роду слоў, у дужках падаюцца словаўтваральныя сінонімы. Адсутнасць лексемы ўказваецца знакам (–). Малюнак адлюстроўвае колькасць назоўнікаў з суфіксам *-ц(а)* у слоўніках XX–XXI стст.

Паказчыкі роду назоўнікаў з суфіксам *-ц(а)* і словаўтваральныя сінонімы ў слоўніках 2009–2016 гг.

Gender indicators of noun with suffix *-ts(a)* and word-formation variants in dictionaries of 2009–2016 years

Слоўнік/ слова	СНС-2009	АСБМ- 2011	БРС-2012	ВСБМ-2012	СБМ-2012	ГСН-2013	ТСБЛМ-2016
<i>выка- наўца</i>	– (фольк-выка- наўца, м.)	м. і ж.	м.	м. і ж.	м. і ж.	м. і ж.	м. і ж.
<i>высту- поўца</i>	м. (высту- пальчык выступанец выступант выступовец)	м. (высту- повец)	–	м. і ж. (высту- повец высту- поўка высту- панец)	м. (выступовец)	м. (выступовец высту- пальнік)	– (выступовец)
<i>дарадца</i>	–	м.	м. (дарадчык дарадчыца)	м. і ж. (дарадчык дарадчыца)	м. (дарадчык дарадчыца)	м. (дарадчык дарадчыца)	– (дарадчык дарадчыца)
<i>збаўца</i>	–	м. у знач. 'Бог'	м. (збавіцель)	м. і ж. (збавіцель збавіцелька) м. Збаўца 'Бог'	– (збавіцель збавіцелька)	м.	– (збавіцель)
<i>звера- гадоўца</i>	–	– (зверавод)	м. (звера- гадовец)	м. і ж. (звера- гадовец зверавод)	м. (зверагадовец зверавод)	м. (звера- гадовец зверавод)	– (зверагадовец зверавод)
<i>кіроўца</i>	м.	м. і ж.	–	м. і ж. (кіровец)	м.	м.	м.
<i>мова- знаўца</i>	–	м. (мовавяд)	– (мовазнавец)	м. і ж. (мовавяд мовазнавец)	м (мовавяд мовазнавец)	м. (мовавяд мовазнавец)	– (мовавяд мовазнавец)
<i>наву- коўца</i>	м. (навуковец навукоўка)	– (наву- ковец)	– (навуковец вучоны)	м. і ж. (навуковец)	– (навуковец)	– (наву- ковец)	– (навуковец)
<i>пера- можца</i>	–	м. і ж.	м.	м. і ж. (пера- можац пера- можніца)	м. і ж. (пера- можац пера- можніца)	м. (пераможац перамож- ніца)	м.
<i>права- абаронца</i>	м.	м. і ж.	м.	м. і ж. (права- абаронец)	м. і ж.	м. і ж.	–
<i>рэклама- даўца</i>	м.	м.	– (рэклама- давец)	м. і ж. (рэклама- давец)	м.	м.	–
<i>сураз- моўца</i>	м. (суразмовец суразмоўнік суразмоўніца)	м. і ж. (сураз- моўнік)	– (субяседнік субяседніца)	м. і ж. (суразмовец суразмоўнік суразмоўніца)	– (суразмоўнік суразмовец суразмоў- ніца)	–	– (суразмовец суразмоўнік)

Колькасць назоўнікаў з суфіксам *-ц(a)* у даследаваных слоўніках

Quantity of nouns with the suffix *-ts(a)* in the studied dictionaries

3. Спецыфіка ўжывання назоўнікаў з суфіксам *-ц(a)* на практыцы. Прычыны складана-сцей ужывання у сказе назоўнікаў на *-ц(a)* абгрунтоўвае даследчыца І. Р. Шкраба: у назоўніках м. р. ёсць чаргаванне суфіксаў *-ец/-ца* (*вандровец – вандроўца*), акрамя таго, лексемы з суфіксам *-ц(a)* у залежнасці ад кантэксту могуць выступаць і з ж. р. [33, с. 106–107]. Варыянтнасць *-ец/-ца* патрабуе размежавання канчаткаў пры змяненні ў Р. скл.: *літаратуразнаўцы* (м.) і *літаратуразнаўца* (м.) і В. скл.: *літаратуразнаўца/літаратуразнаўцу*; наяўнасць паказчыкаў як м., так і ж. р. – пры ўжыванні форм Д. і М. скл.: *літаратуразнаўцу*, аб *літаратуразнаўцу* (м.), *літаратуразнаўцы*, аб *літаратуразнаўцы* (ж.), Т. скл.: *літаратуразнаўцам* (м.), *літаратуразнаўцай* (ж.)¹.

Пры аналізе тэкстаў СМІ апошніх дзесяці гадоў былі выяўлены выпадкі ўжывання склонавых форм розных родаў і тыпаў скланення пры апісанні адной і той жа асобы. Напрыклад, словаформы двух тыпаў скланення аднаго назоўніка м. р.: *Рэчыцкі раённы аддзел Следчага камітэта праводзіць праверку на факце гібелі жывёлагадоўца* (Р. скл. назоўніка на *-ец*) і далей: *У кормарыздатчык зацягнула жывёлагадоўцу* (В. скл. назоўніка на *-ц(a)*) (“Звязда” (zviazda.by). 2017. 16 студз.). Праўда, калі ў гэтым словаформа прадстаўлена адзін раз або без пачатковай формы, складана зразумець правільнасць або няправільнасць яе ўжывання. Так, выдзеленыя прыклады *Постаць выдатнага айчыннага гуманітарна-навукоўца, літаратуразнаўца, крытыка* [У. В. Гніламёдава. – К. Г.] (“Звязда” (zviazda.by). 2017. 26 снеж.) мы можам зразумець як форму Р. скл. ад *літаратуразнавец*. Аналагічна ў рэпліцы *Віншuem пераможца* (“Ваша лато”, “Пяцёрка”. Беларусь-3. 2018. 28 жн.), верагодна, гэтая форма Р. скл. лексемы *пераможца*. Прычынай вар’іравання канчаткаў назоўнікаў з суфіксам *-ец/-ц(a)* з’яўляецца ў тым ліку і ўплыў рускай мовы (*для работодателя, победителя*).

У адным тэксце пры апісанні канкрэтнай жанчыны назоўнікі з суфіксам *-ца* таксама ўжываюцца як з канчаткамі м. р., так і ж. р.: *Вольга Кіскевіч першая адказала на пытанні і стала пераможцам* (м. р.), *Вядучыя “Навагодняга кватэрніка” на Беларусь-4 уручылі прыз пераможцы* (ж. р.) *глядацкага конкурсу ...* (Тэлерадыёкампанія “Брэст” (trkbrest.by). 2017. 5 студз.). Часам на паказчык роду назоўніка на *-ц(a)* уплывае род аднароднага члена сказа: *І прысвячалі іх нашай агульнай сяброўцы, дарадцы, суразмоўцы* (ж. р.) – *раённай газеце “Астравецкая праўда”* (“Астравецкая праўда” (ostrovets.by). 2015. 22 верас.).

У тэкстах СМІ назоўнік на *-ц(a)* пры абазначэнні асобы жаночага полу дапасоўвае азначэнні ж. р. і каардынуецца з выказнікамі ж. р. *Сённяшняй маёй суразмоўцай была Ганна Запартыка, даследчыца, літаратуразнаўца* (Гальпяровіч Н. “Суразмоўцы”. Беларусь-3. 2019. 28 верас.). **Вя-**

¹ Для паўнання: у польскай мове назоўнікі м. р. з канчаткам *-a* скланяюцца ў адз. ліку паводле ж. р.: Р., Д., М. скл.: *kierowcy, obrońcy*, у множным – паводле м. р.: Р. скл. *kierowców, obrońców* [34, XIX, с. 180, 307]. Ва ўкраінскай мове нешматлікія назоўнікі м. р. на *-ц(я)* у адз. ліку скланяюцца па тыпе ж. р.: *радія, -і, -ею*, у множным – па м. р.: *радіів* [35, с. 679].

домая вядоўца тэле- і радыёпраграм не проста хацела дзяцей... (“Наша Ніна” (nina.nn.by). 2017. 18 верас.). Таксама мы бачым сучасныя гандарныя змены ва ўяўленні аб некаторых занятках, напрыклад, у кіраванні аўтамабілем: *Гутарка з адзінай у Смалявічах і раёне кіроўцай таксі* (“Звязда” (zviazda.by). 2018. 20 верас.). Для агульнага ўказання на род дзейнасці чалавека, пэўную сацыяльную ролю, а таксама ў значэнні неадушаўленага прадмета ‘ўстанова’ ўжываецца м. р.: *Кожны дзень вучням прапанаваны ўдзел у новым конкурсе на званне “Лепшы знаўца загадак”...* (“Бераставіцкая газета” (beresta.by/?p=36928). 2016. 21 лют.); *Сёння кіраўніцтва кампаніі падпісала дамову з найбуйнейшым еўрапейскім вытворцам перасоўных тэлевізійных станцый і студыякомплексаў* (Белтэлерадыёкампанія. “Навіны Беларусі” (tvr.by/bel). 2018. 15 мая). Але заўважана, што пры ўжыванні слоў даследуемага тыпу ў якасці прыдатка да назоўнікаў ж. р. магчыма наданне адпаведных канчаткаў: *Эндорсер – музыка, які падпісвае кантракт з фірмай-вытворцай інструментаў, і на канцэртах карыстаецца выключна іх маркай* (Беларускі партал Tut.by (news.tut.by/culture/245923.html). 2011. 15 жн.).

У СМІ і сучаснай літаратуры па аналогіі ўтвараюцца новыя словаўтваральныя сінонімы з суфіксам *-ц(а)*. З нелексікаграфаваных назоўнікаў былі адзначаны *лоўца* (а не *лавец*), *міратворца* (а не *міратворац*), *спадкаемца* (а не *спадкаемец*, *спадчыннік*). Напрыклад, у раманах пісьменніцы А. Брва: *...лоўца васьміногаў са сваёй дагістарычнай зброяй* (“Каменданцкі час для ластавак”, 2004), *... руплівы лоўца перлін сусветнае мудрасці* (“Рай даўно перанаселены”, 2012), у вершы М. Мартысевіч: *Дрэнна, калі міратворца страліе ў наветра*, у газеце “Звязда”: *У Каменскім сельсавеце ёсць дом, спадкаемца якога жыве ў Мурманскай вобласці* (“Звязда”. 2015. 11 сак. С. 2). Новае слова *замоўца* ‘заказчык’ з’яўляецца ўтварэннем ад дзеяслова *замовіць* у значэнні ‘заказаць’ = польск. *zamówić* (аднак *заказчык* у польскай – *zamawiający*). Пры гэтым дзеяслоў *замовіць* набыў новае значэнне ‘заказаць’. У ТСБЛІМ-2016 толькі: 1) ‘пахадатайнічаць за каго-небудзь’, параўн. рус. *замолвить слово*; 2) ‘аказаць уздзеянне заклінаннем’ [28, с. 273]. *Новыя формы ўзаемадзеяння БДУ з замоўцамі кадраў былі разгледжаны на Кар’ерным форуме* (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (bsu.by). 2018. 3 крас.); *...Хто, дзе і калі надрукаваў, каму прысвяціў, хто быў замоўцам і фундатарам* (“Звязда” (zviazda.by). 2018. 30 лістап.).

Адзначым і тое, што некаторыя адзінкі на *-ц(а)*, якія ўказваюцца ў слоўніках, не маюць пашырэння ў СМІ. Так, не выяўлены назоўнік *праваемца* [22], а толькі *правапераемнік* і *правапераемніца*. *...Наша кампанія як законны правапераемнік увайшла істотна мадэрнізаванай* (Белтэлерадыёкампанія. “Навіны Беларусі” (tvr.by/bel). 2016. 6 мая). Не сустракаецца і назоўнік *нападоўца* [22; 29]. Для абазначэння форварда ў спартыўнай гульні’ (рус. *нападающий*) ужываецца лексема *нападаючы*. Былы *нападаючы* зборнай Аргенціны па футболе *Дыега Марадона стаў старшынёй праўлення брэскага футбольнага клуба “Дынама”* (“Навіны Беларусі і свету” (bel.sputnik.by). 2018. 16 мая). Слова *нападнік* абазначае злачынцу, які напаў на каго-небудзь, адпаведнае рус. *нападавший*. *Па дадзеных Прэфектуры паліцыі Парыжа <...> нападнік быў застрэлены супрацоўнікамі паліцыі* (“Звязда” (zviazda.by). 2018. 13 мая). Неактыўнымі ва ўжыванні з’яўляюцца і словы з часткай *-гадовец* або *-гадоўца*. Так, былі прааналізаваны 83 інтэрнэт-старонкі перыядычных выданняў з тэкстамі са словам *жывёлавод*, 10 – *жывёлагадовец*, 5 – *жывёлагадоўца* ў Н. скл., 15 – *жывёлагадоўца* ў Р. скл. Верагодна, на выбар адзінак з кампанентам *-вод* уплывае аналогія з назвамі спецыяльнасцей раслінаводства: *бульбавод*, *палявод*.

Вывады. Аналіз лексікаграфічных выданняў і граматык ХХ – пачатку ХХІ ст. сведчыць аб паступовым росце колькасці асабовых намінацый на *-ц(а)*. Значная колькасць утварэнняў слоў указанага тыпу на практыцы назіралася ў 1990-я гг. Аднак словы, якія ўзніклі на той час, лексікаграфаваліся пераважна ў аўтарскіх выданнях. У акадэмічныя слоўнікі ўведзены лексемны *выступоўца*, *кіроўца*, *рэкламадаўца*. Варта адзначыць, што не ўсе лексемны аднастайна ўключаюцца ў даведнікі як словаўтваральныя варыянты да назоўнікаў м. р. з суфіксамі *-ец*, *-нік* і інш. і вытрымліваюць канкурэнцыю на практыцы. Напрыклад, у СМІ лексема *жывёлавод* ужываецца значна часцей, чым *жывёлагадоўца*. Больш за тое, некаторыя з існуючых у аўтарскіх выданнях адзінак не маюць шырокага ўжывання. Напрыклад, замест слова *нападоўца* ёсць спартыўны тэрмін *нападаючы* і абазначэнне злачынцы *нападнік*. Разам з тым фіксуецца ўтварэнні з суфіксам *-ц(а)* замест існуючых назоўнікаў мужчынскага роду з нулявым канчаткам (*спадкаемец* –

спадкаемца), што, верагодна, абумоўлена аналогіяй. Але неапраўданыя дэрывацыйныя працэсы могуць сур'ёзна паўплываць на існуючую ў беларускай мове сістэму словаўтварэння і словазмянення.

Акрамя таго, у слоўніках, выдадзеных у адзін і той жа час, назіраецца неаднастайнасць падачы паказчыкаў роду назоўнікаў на *-ц(а)*. Граматычныя паказчыкі мужчынскага і жаночага роду у большасці лексікаграфічных выданняў 2010-х гг. маюць назоўнікі *абаронца, выканаўца, забойца, праваабаронца, пераможца, празорца, самазабойца*. У беларускай мове сфарміравалася размежаванне канчаткаў м. і ж. роду ў Д., Т. і М. скл. у назоўнікаў агульнага роду. Паколькі пераважная большасць асабовых намінацый з суфіксам *-ц(а)* можа абазначаць асобу як мужчынскага, так і жаночага полу, то для дадзенага тыпу лексем можна лічыць дапушчальнымі паметы ж. р. у слоўніках і адпаведныя канчаткі ў Д., Т. і М. скл.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Байкоў, М. Беларуская-расійскі слоўнік / М. Байкоў, С. Некрашэвіч. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1925. – 356 с.
2. Лёсік, Я. Школьная граматыка беларускай мовы / Я. Лёсік. – 4-е выд. «Пачатковай граматыкі», нанова напісанае. – Менск [Мінск] : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1926. – 184 с.
3. Руска-беларускі слоўнік / АН БССР, Ін-т літ., мастацтва і мовы ; пад рэд. А. Александровіча. – Менск [Мінск] : Выд-ва Акад. навук БССР, 1937. – XIII, 494 с.
4. Беларуская граматыка: марфалогія / [падрыхт.: Т. П. Ламцёў, К. І. Гурскі, М. М. Баркоўскі] ; АН БССР, Ін-т літ. і мовы. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1936. – 208 с.
5. Станкевіч, Я. Падручнік крывіцкай (беларускай) мовы: граматыка, правапіс, укладанні, прытарнаваныя вучыцца ў школе і дома: ч. 1–3 = Krivian (whiteruthenian) grammar / Я. Станкевіч. – Рэгенсбург : [б. в.], 1946. – 124 с.
6. Суднік, М. Р. Арфаграфічны слоўнік / М. Р. Суднік, М. П. Лобан. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1948. – 262 с.
7. Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы: марфалогія : падручнік / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэдкал.: К. К. Атраховіч (К. Крапіва) [і інш.]. – Мінск : Дзярж. вучэб.-пед. выд-ва М-ва асветы БССР, 1957. – 304 с.
8. Лобан, М. П. Арфаграфічны слоўнік : [для сярэд. шк.] / М. П. Лобан, М. Р. Суднік. – Мінск : Дзярж. вучэб.-пед. выд-ва М-ва асветы БССР, 1961. – 311 с.
9. Беларуская-рускі слоўнік: каля 90000 слоў / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэд. К. К. Атраховіч (К. Крапіва). – М. : Дзярж. выд-ва замеж. і нац. слоўнікаў, 1962. – 1048 с.
10. Граматыка беларускай мовы : [у 2 т.] / АН БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1962–1966. – Т. 1 : Марфалогія / рэд.: К. К. Атраховіч (Крапіва), М. Г. Булахаў. – 1962. – 540 с.
11. Наркевіч, А. І. Назоўнік. Граматычныя катэгорыі і формы / А. І. Наркевіч. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1976. – 246 с.
12. Лобан, М. П. Арфаграфічны слоўнік : [для сярэд. шк.] / М. П. Лобан, М. Р. Суднік. – Выд. 4-е, перапрац. і дап. – Мінск : Нар. асвета, 1978. – 240 с.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : [у 5 т.] / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэд. К. К. Атраховіч (К. Крапіва). – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.
14. Слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, арфаэпія, акцэнтацыя, словазмяненне / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. М. В. Бірылы. – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1987. – 902 с.
15. Беларуская-рускі слоўнік : [у 2 т. : больш за 110000 слоў] / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэд. К. Крапіва. – Выд. 2-е, перапрац. і дап. – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1988–1989. – 2 т.
16. Беларуская граматыка : у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэд.: М. В. Бірыла, П. П. Шуба. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985–1986. – Ч. 1 : Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 1985. – 431 с.
17. Арашонкава, Г. У. Пра назоўнікі тыпу вынаходца, дарадца, стараста / Г. У. Арашонкава // Пытанні культуры пісьмовай мовы / М. Р. Суднік [і інш.] ; рэд. А. І. Падлужны. – Мінск, 1991. – С. 114–121.
18. Лобан, М. П. Арфаграфічны слоўнік / М. П. Лобан, М. Р. Суднік. – Мінск : Нар. асвета, 1990. – 256 с.
19. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; рэд.: М. Р. Суднік, М. Н. Крыўко. – Мінск : Беларус. энцыкл., 1996. – 783 с.
20. Беларуская-рускі слоўнік : [больш за 110000 слоў] : у 3 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; рэд. К. К. Атраховіч (Крапіва). – 3-е выд., папраўл. і дап. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2003. – 3 т.
21. Варановіч, В. Л. Словаўтварэнне назоўнікаў у беларускай мове / В. Л. Варановіч ; рэд. П. У. Сцяцко. – Гродна : ГрДУ, 2005. – 135 с.
22. Уласевіч, В. І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск : ТетраСистемс, 2009. – 444 с.
23. Сучасная беларуская літаратурная мова. Марфалогія : вучэб. дапам. / Н. В. Гаўрош [і інш.] ; пад агул. рэд. М. С. Яўневіча. – Мінск : [б. в.], 1997. – 287 с.
24. Кароткая граматыка беларускай мовы : у 2 ч. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2007–2009. – Ч. 1 : Фаналогія. Марфалогія. Марфалогія. – 2007. – 351 с.
25. Граматычны слоўнік назоўніка : А–Я / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; [уклад.: Г. У. Арашонкава і інш.] ; навук. рэд. В. П. Русак]. – 2-е выд., дапрац. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 1245 с.

26. Слоўнік беларускай мовы : [каля 150000 слоў] / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; уклад.: Н. П. Еўсіевіч [і інш.] ; навук. рэд.: А. А. Лукашанец, В. П. Русак. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 916 с.
27. Беларуска-рускі слоўнік = Белорусско-русский словарь : [больш за 110 000 слоў : у 3 т.] / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; пад рэд. А. А. Лукашанца. – Выд. 4-е, перапрац. і дап. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – 3 т.
28. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : [больш за 65000 слоў] / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства ; [уклад.: І. Л. Капылоў і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 967 с.
29. Каўрус, А. А. Словаклад: слоўнік адметнай лексікі / А. А. Каўрус. – Мінск : Звязда, 2013. – 326 с.
30. Піскуноў, Ф. А. Вялікі слоўнік беларускай мовы: арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка / Ф. А. Піскуноў. – Мінск : Зміцер Колас, 2012. – XVI, 1196 с.
31. Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование / [А. В. Андреева и др.] ; науч. ред.: А. А. Лукашанец, О. М. Николаева ; Нац. акад. наук Беларусі, Цэнтр исслед. беларус. культуры, языка и лит. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 486 с.
32. Баршчэўская, А. Л. Арфаграфічны слоўнік беларускай мовы : новая рэд. : [каля 42 000 слоў] / А. Л. Баршчэўская, Л. П. Баршчэўскі. – 2-е выд. – Мінск : Радыёла-плюс, 2010. – 559 с.
33. Шкраба, І. Р. Варыянтнасць у сучаснай беларускай мове: структурна-граматычны і функцыянальна-дынамічны аспекты / І. Р. Шкраба. – Мінск : Асар, 2004. – 239 с.
34. Zgółkova, H. Podstawowy słownik języka polskiego z zarysem gramatyki polskiej / H. Zgółkova. – Poznań : Wydaw. Nauk. UAM, 2009. – XLI, 812 p.
35. Граматичний словник української літературної мови. Словозміна / В. І. Критська [та ін.] ; відп. ред. Н. Ф. Клименко. – Київ : Видав. дім Д. Бураго, 2011. – 760 с.

References

1. Baikou M., Nekrashevich S. *Belarusian-Russian dictionary*. Minsk, State publishing house of Belarus, 1925. 356 p. (in Belarusian).
2. Lesik Ya. *School grammar of Belarusian language*. 4nd ed. Minsk [Minsk], State publishing house of Belarus, 1926. 184 p. (in Belarusian).
3. Aleksandrovich A. (ed.). *Russian-Belarusian dictionary*. Minsk [Minsk], Publishing house of the Academy of Sciences of the BSSR, 1937. XIII, 494 p. (in Russian, Belarusian).
4. Lamtsiou T. P., Gurski K. I., Barkouski M. M. *Belarusian grammar: morphology*. Minsk, Publishing house of the Academy of Sciences of the BSSR, 1936. 208 p. (in Belarusian).
5. Stankevich Ya. *Schoolbook of Krivian (Belarusian) language*. Regensburg, 1946. 124 p. (in Belarusian).
6. Sudnik M. R., Loban M. P. *Spelling dictionary*. Minsk, Publishing house of the Academy of Sciences of the BSSR, 1948. 262 p. (in Belarusian).
7. Atrakhovich (Krapiva) K. K., Bazylenka G. M., Birala Z. M., Bulachau M. G., Glebka P., Gurski M. I. (eds.). *The course of modern Belarusian language. Morphology*. Minsk, State pedagogical Publishing house of the Ministry of Education of the BSSR, 1957. 304 p. (in Belarusian).
8. Loban M. P., Sudnik M. R. *Spelling dictionary*. Minsk, State pedagogical Publishing house of the Ministry of Education of the BSSR, 1961. 311 p. (in Belarusian).
9. Atrakhovich (Krapiva) K. K. (ed.). *Belarusian-russian dictionary*. Moscow, State publishing house of foreign and national dictionaries, 1962. 1048 p. (in Belarusian, in Russian).
10. Atrahovich (Krapiva) K. K., Bulakhau M. G. (eds.). *Grammar of Belarusian language. Vol. 1. Morphology*. Minsk, Publishing house of the Academy of Sciences of the BSSR, 1962. 540 p. (in Belarusian)
11. Narkevich A. I. *The noun. Grammatical categories and forms*. Minsk, Publishing house of the Belarusian State University, 1976. 246 p. (in Belarusian).
12. Loban M. P., Sudnik M. R. *Spelling dictionary*. 4nd ed. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1978. 240 p. (in Belarusian).
13. Atrakhovich (Krapiva) K. K. (ed.). *Explanatory dictionary of Belarusian language*. Minsk, Belaruskaya Savetskaya Entsiklapedyya Publ., 1977–1984. 5 vol. (in Belarusian).
14. Biryła M. V. (ed.). *Dictionary of the Belarusian language: spelling, orthoepy, accentuation, inflection*. Minsk, Belaruskaya Savetskaya Entsiklapedyya Publ., 1987. 902 p. (in Belarusian).
15. Atrakhovich (Krapiva) K. K. (ed.). *Belarusian-russian dictionary*. Minsk, Belaruskaya Savetskaya Entsiklapedyya Publ., 1988–1989. 2 vol. (in Belarusian).
16. Biryła M. V., Shuba P. P. (eds.). *Belarusian grammar. Part 1. Spelling, orthoepy, accentuation, inflection*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1985. 431 p. (in Belarusian).
17. Arashonkava G. U. About nouns an inventor, an adviser, a steward. *Pytanni kul'tury pis'movai movy* [Questions of culture of writing language]. Minsk, 1991, pp. 114–121 (in Belarusian).
18. Loban M. P., Sudnik M. R. *Spelling dictionary*. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1990. 256 p. (in Belarusian).
19. Sudnik M. R., Kryuko M. N. (eds.). *Explanatory dictionary of the Belarusian literary language*, Minsk, Belaruskaya Entsiklapedyya Publ., 1996. 783 p. (in Belarusian).
20. Atrakhovich (Krapiva) K. K. (ed.). *Belarusian-russian dictionary*. 3rd ed. Minsk, Belaruskaya Entsiklapedyya Publ., 2003. 3 vol. (in Belarusian).
21. Varanovich V. L. *Derivation of nouns in Belarusian language*. Grodno, Grodno State University, 2005. 135 p. (in Belarusian).

22. Ulasevich V. I., Daugulevich N. M. *Spelling dictionary of Belarusian language*, Minsk, TetraSystems Publ., 2009. 444 p. (in Belarusian).
23. Gaurosh N. V., Kavaliouva M. T., Nyamkovich N. M., Panyutsich K. M., Tryputsina T. M., Tsyasevich A. M. *The modern Belarusian literary language. Morphology*. Minsk, 1997. 287 p. (in Belarusian).
24. Lukashanets A. A. (ed.). *Short grammar of Belarusian language. Part. 1. Phonology. Morfonology. Morphology*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2007. 351 p. (in Belarusian).
25. Rusak V. P. (ed.). *Grammar dictionary of noun: A-Ja*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2013. 1245 p. (in Belarusian).
26. Lukashanets A. A., Rusak V. P. (eds.). *Dictionary of Belarusian language*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2012. 916 p. (in Belarusian).
27. Lukashanets A. A. (ed.). *Belarusian-russian dictionary*. 4th ed. Minsk, Belorusskaya entsyklopedyya i. P. Brouki Publ., 2012. 3 vol. (in Belarusian, in Russian).
28. Kapylova I. L. (ed.). *Explanatory dictionary of the Belarusian literary language*. Minsk, Belorusskaya entsyklopedyya i. P. Brouki Publ., 2016. 967 p. (in Belarusian).
29. Kaurus A. A. *Word addition: dictionary of especial lexis*, Minsk, Zvyazda Publ., 2013. 326 p. (in Belarusian).
30. Piskunou F. A. *The big dictionary of Belarusian language: spelling, accentuation, paradigm*, Minsk, Zmitser Kolas Publ., 2012. XVI, 1196 p. (in Belarusian).
31. Lukashanets A. A., Nikolaeva O. M. (eds.). *Comparative description of Russian and Belarusian languages. Derivation*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014. 486 p. (in Russian).
32. Barshcheuskaya A. L., Barshcheuski L. P. *Spelling dictionary of Belarusian language: new edition*. 2nd ed. Minsk, Radyela-plyus Publ., 2010. 559 p. (in Belarusian).
33. Shkraba I. R. *Variation in the modern Belarusian language*. Minsk, Asar Publ., 2004. 239 p. (in Belarusian).
34. Zgółkova H. *Podstawowy słownik języka polskiego z zarysem gramatyki polskiej* [Basic Polish language dictionary with an outline of Polish grammar]. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM, 2009. XLI, 812 p. (in Polish).
35. Krits'ka V. I., Nedoziim T. I., Orlova L. V., Puzdireva T. K., Romanyuk Yu. V. *Grammar dictionary of the Ukrainian literary Language. Inflection*. Kyiv, Vydavnychiy dim D. Burago Publ., 2011. 760 p. (in Ukrainian).

Информация об авторе

Гончаренко Екатерина Дмитриевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kattka_84@mail.ru

Information about the author

Katsiaryna D. Hancharenka – Ph. D. (Philol.), Senior Scientific Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Srt., Bldg. 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: kattka_84@mail.ru

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 791.44
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-328-335>

Поступила в редакцию 05.11.2019
Received 05.11.2019

Н. Г. Стежко

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ СЦЕНАРИЯ
ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ДРАМЫ**

Аннотация. Анализируется специфика написания сценария телевизионной документальной драмы (докудрамы), которая сочетает в себе признаки игрового и документального кино. Подчеркивается, что о правилах написания сценария, особенно игрового кино, написано много книг, однако о мастерстве написания сценария докудрамы научной литературы не существует. Несмотря на это в мире создано значительное количество фильмов-докудрам. Искусство автора сценария докудрамы заключается в том, чтобы выбрать самые интересные, парадоксальные моменты из жизни героя и показать его характер на сопротивлении – как он их преодолевает, что вызывает мотивацию поступков и почему он делает тот или иной выбор. Отмечается, что если в сценарии игрового фильма все строится через действие и игру актеров, то в докудраме мотивацию героя часто объясняет эксперт или участник событий. Сложные моменты в жизни и их преодоление, как правило, это постановочные эпизоды, а раскрытие характера героя подкрепляется документами, хроникой, если она присутствует, или другими подлинными источниками. Помимо кинозаконов при создании образа в докудраме в процессе написания сценария используются наработки телевизионной журналистики, поскольку докудраме присуща нарративность. В качестве примера рассматривается методика работы над сценариями докудрам в проекте «Обратный отсчет» («мастерская Владимира Бокуна», Беларусь).

Ключевые слова: телевизионная докудрама, игровое, документальное кино, сценарий фильма, экранное искусство

Для цитирования: Стежко, Н. Г. Особенности и специфика создания сценария телевизионной документальной драмы / Н. Г. Стежко // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 328–335. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-328-335>

Natalia G. Stezhko

Belarusian State University, Minsk, Belarus

FEATURES AND SPECIFICITY OF CREATING A SCRIPT FOR A TELEVISION DOCUMENTARY DRAMA

Abstract. The author analyses the specifics of writing a script for a television documentary drama (hereinafter referred to as docudrama), which combines the characteristics of the feature and documentary films. The article points out that many books have been written about the rules of scriptwriting for a feature film. However, there is no literature on the art of scriptwriting for a docudrama despite the fact that there are numerous docudramas being created worldwide. The opinion is given that the mastery of the docudrama scriptwriting is in choosing the most interesting and paradoxical moments in a hero's life and showing his or her character through the resistance to life challenges: how the hero overcomes them, the motivation behind their actions and why a particular choice is being made. While in feature films the narrative is presented through action and actors' performances, the article emphasises that docudramas explain the hero's motivations through an additional figure such as an expert or co-participant in the events. While the difficult moments in the hero's life and their overcoming are usually depicted through the staged episodes, an exploration into the hero's character is supported by historical documents, a chronicle or other genuine historical sources. Docudrama is inherently narrative and the author investigates how the best practices of television journalism are used in scriptwriting, in addition to the cinema laws that are used in creating an image. The author explores the methodology of the docudrama scriptwriting in the project "Countdown" ("Vladimir Bokun's Workshop", Belarus) as an example.

Keywords: television docudrama, fiction film, documentary film, film script, screen arts

For citation: Stezhko N. G. Features and specificity of creating a script for a television documentary drama. *Vestsi Natsyynal'най akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 328–335 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-328-335>

Подготовка к производству любого фильма начинается со сценария. За более чем столетнюю историю наблюдается подразделение кинематографа на разные виды – игровое, документальное, анимационное кино и т. д. В последние десятилетия появилась документальная драма, которая сочетает в себе элементы игрового и документального кино. Сегодня ввиду огромного количества подобных фильмов, которые имеют свои характерные особенности и специфику, мы можем говорить об этом явлении в аудиовизуальном искусстве как о самостоятельном виде кино.

Сценарий докудрамы – явление, заслуживающее внимания, поскольку сочетает в себе признаки игрового и документального кино. Рассмотрим его особенности. В сценарии игрового кино все прописывается подробно – от места съемок (натуры, павильона) до действий и диалогов актеров, что впоследствии при производстве неукоснительно соблюдается. В сценарии документального фильма, как правило, указываются только основная тема, герой и место съемок. Далее следует импровизация. Режиссер не вмешивается в ход истории, он даже может не присутствовать на месте съемки, чтобы не смущать героев, дав задание оператору снять нужный материал. Иногда используется «метод выключенной камеры», когда герой думает, что его не снимают и поэтому рассказ получается более раскрепощенным и естественным. Впоследствии режиссер и автор сценария отсматривают отснятый материал, записывают, дают каждой сцене название и начинают «складывать» историю, расставляя в ней необходимые акценты в зависимости от поставленной задачи. Иными словами, авторы, полностью владея материалом, начинают выстраивать историю, создавая на бумаге сценарий или «поэпизодник», готовясь, таким образом, к монтажу.

В то же время игровое кино снимается по изначально написанному и утвержденному сценарию, работа над которым занимает длительное время. Затем пишется режиссерский сценарий, идет тщательная подготовка к съемкам с целью максимального сокращения финансовых расходов. Только после этого осуществляется съемка фильма, происходит его озвучивание, и фильм готовится к выходу на большой экран.

Что же происходит со сценарием телевизионной документальной драмы? Как и в игровом фильме, в докудраме нет импровизации. Все заранее известно – в чем заключается конфликт и чем он закончится. Сценарий прописывается заранее – слова ведущего или закадровый текст, которые лежат в основе, диалоги в постановочной части, вопросы, которые будут заданы экспертам или участникам событий. Все это свидетельствует о том, что по своей природе сценарий докудрамы ближе к игровому кино. Он пишется заранее, работа над ним – достаточно трудоемкий процесс, поскольку исследуется большое количество документов и первоисточников. Тем не менее многие исследователи относят докудраму к виду документального кино, поскольку в ее основе всегда лежит подлинная история. Однако и сценарий игрового фильма, особенно если это байопик, может основываться на реальной истории, о чем часто указывается в титрах фильма.

Отсюда следует, что сценарий докудрамы имеет свои отличительные черты, позволяющие отнести подобный фильм к самостоятельному виду экранного искусства. О специфике написания сценария, особенно игрового кино, существует значительное количество литературы [1–15], которая, несомненно, полезна, однако о мастерстве написания сценария докудрамы научных работ нет. Тем не менее в мире создано очень много фильмов-докудрам. Научные труды в основном посвящены исследованию докудрамы как творческого процесса, ее общим характеристикам, сформированным благодаря влиянию театра, кино, журналистики. Многие авторы работают интуитивно, используя свой опыт в документальном или в игровом кино.

Учитывая то, что этот вид кино сейчас очень востребован на телевидении и успешно развивается, следовало бы выделить основные черты, присущие сценарию докудрамы. Когда сценарий целостен, гармоничен, создан по законам кино и жанра, фильм оказывается интересным и успешным. В случае, если имеются сценарные недоработки, докудрама в итоге оказывается эклектичной, не до конца внятной и эмоционально не выстроенной. Впрочем, эти ошибки также характерны и для других видов кино – как документального, так и игрового. Непонимание жанра, зрительской целевой аудитории, задач, которые ставит режиссер при создании фильма, неизбежно делает его неудачным.

В большинстве документальных фильмов режиссер показывает историю героя на фоне определенного исторического события, выстраивая причинно-следственные связи в контексте эпохи. Это позволяет исследовать события через метафорическую интерпретацию. По мнению доктора искусствоведения О. Ф. Нечай, «характер в кино – художественный образ человека, в котором отражены существенные черты определенной общественной группы, класса, народа» [16, с. 121].

Чтобы заинтересовать зрителя, документальный фильм больше стремится к повествованию, чем к обучению, поэтому авторы максимально сосредотачиваются на таких элементах, как неизвестность, счастье, горе, тревога, надежда и т. д. Документальные фильмы служат развитию и сохранению культуры, поэтому спрос на полное раскрытие исторической правды будет расти. Важно также учитывать, что сегодня многие электронные СМИ заинтересованы в качественном контенте, поскольку появилось большое количество телевизионного продукта, в основе которого лежит фейк (от английского fake – обман, имитация, фальсификация, подделка), т. е. то, чего в действительности не существует. В основе сценария документального фильма всегда лежит подлинное событие или исторический факт, поэтому у этого вида кино – блестящее будущее. Эту мысль подтверждает А. Розенталь: «Документальный фильм – это процветающая индустрия благодаря новым фильмам, появляющимся почти ежедневно» [17].

Это доказал опыт зарубежных стран, в частности, телекомпания «BBC» (Великобритания), которая уже более пятидесяти лет успешно занимается производством документальных фильмов. Существуют также телеканалы, в основе деятельности которых лежит создание документальных фильмов, например, «Viasat History». Это международный телевизионный канал, основанный компанией «Modern Times Group», который показывает фильмы об исторических событиях и выдающихся личностях, политике, спорте, искусстве, изобретениях и современных технологиях. Сетку вещания «Viasat History» во многом составляют фильмы, произведенные британским телеканалом «BBC» [18].

На фоне недостоверной информации, которая присуща постмодернизму, явлению, которое распространилось на постсоветском пространстве в 1990-е гг., документальный фильм выглядит очень привлекательной, поскольку основан на аутентичном материале. Постмодернизм «противопоставляется и классическому реализму, и модернизму, точнее сказать, поглощает эти направления и выдает насмешку над ними, нарушая их целостность. Получается вездесущая эклектика, к которой не могут привыкнуть многие люди» [19]. «Ответом на культурный вызов постмодерна, – подчеркивает в своем исследовании кандидат филологических наук Н. В. Старых, – стало создание контента, который бы не раздражал, а, наоборот, был полезен пользователю, помогал бы ему принимать взвешенное решение» [20, с. 728].

Зрителю всегда интересна реальная история, поскольку это дает человеку жизненный опыт. Следовательно, необходимо тщательно готовить и писать сценарии. Документальный фильм стремится придерживаться известных исторических фактов, но в то же время допускает некоторый вымысел в незначительных деталях, когда существуют пробелы в архивных материалах. При этом документальный фильм не злоупотребляет художественным вымыслом для создания интересной, но нереалистичной истории. Авторы избегают навязывать собственную точку зрения, оставляя право зрителю делать собственные выводы о событии.

Не всегда историческое событие имеет доказательство, которое подкреплено документальными съемками. В этом случае на помощь приходит реконструкция. Продюсеры документальных фильмов, как правило, стремятся снимать свои реконструированные события в тех местах, где они действительно происходили, чтобы погрузить аудиторию в реальную обстановку. Актеры при этом выбираются с учетом их внешнего сходства с героями. Диалоги могут включать в себя слова настоящих людей, зафиксированные в документах. Точность диалогов позволяет наиболее полно раскрыть образ, поэтому при написании сценария документального фильма авторы основываются на первоисточниках – письмах, дневниках, интервью, газетных статьях, судебных отчетах и т. д.

Документальный фильм может иметь в своем арсенале различные визуальные ресурсы, такие как исторический костюм, грим, вырезки из печатных изданий, артефакты, картины, графика и т. д. Это делается с целью обеспечения максимальной достоверности. Сегодня в документальном фильме сочетается опыт в организации съемок, разработанный англичанами П. Уоткинсом – основоположником исторического документального фильма (реконструировал исторические события, используя большое количе-

ство массовки) и К. Лоуча – основоположником социальной докудраны, (считал, что людям, попавшим в беду, не до интервью, они не способны доходчиво и внятно рассказать о трагедии, чаще замыкаются в себе). Поэтому актеры играют согласно сценарию, основанному на реальных исторических событиях, в то же время вымысел допускается, если не нарушает историческую основу. Докудрама не только раскрывает неизвестные страницы истории. Она используется для анализа текущих событий, повествует о социальном зле или проблемах, затрагивающих общество, таких как гендерное неравенство, наркомания, нищета, безработица, детская преступность и т. д.

Докудраму можно охарактеризовать как фильм, основанный на реальных событиях, при этом она использует форматы кино и телевидения, сочетает в себе элементы документального и игрового кино. Она использует как кадры реальных событий, так и мастерство актеров, инсценирующих событие, тем самым имея определенную свободу действий в творческой интерпретации факта. Главная цель докудраны – показать прошлое для того, чтобы извлечь из него уроки и сделать настоящее лучшим. Одна из функций докудраны – просвещение. Поэтому и «доку», и «драма» должны быть информативными и воспитательными.

Привлечение к созданию фильма нескольких экспертов является характерной особенностью докудраны. Они играют важную роль в сохранении исторической правды, поскольку помогают решить любые неточности или спорные вопросы. Как правило, эти люди присутствуют в кадре, высказывают свою точку зрения на основе собственных научных изысканий, фокусируют внимание зрителя на эпохе и времени, в которых жил человек, вызывая тем самым доверие у зрителя к предлагаемой теме.

Наибольшее количество докудран традиционно создается для телевидения, поскольку такие произведения привлекательны для зрителей, предпочитающих истории о реальных людях и событиях. Посредством драматических и нарративных структур, играющих на эмоциях зрителя, докудрама образно обосновывает интерпретацию определенного события в мировой истории. Как считает доктор философии в области коммуникации университета в Буффало Б. Ирвин (США), «документальная драма – британский термин, относящийся к телевидению и кинопоказу, которые имитируют реальные события, основанные на тщательном изучении темы, и призваны вызывать дискуссию о значимости событий и изображаемых в них людей» [21].

Таким образом, автор сценария докудраны первоначально выбирает тему, идею и сверхзадачу. При выборе темы автор, как правило, должен ответить на следующие вопросы: почему я хочу снять этот фильм, в чем состоит уникальность истории? Затем он должен определиться с идеей – той частью темы, которая победит в финале и противостоит контртеме, с которой начинается фильм. Идея всегда несет гуманистическое начало, подсказывает зрителю ответы на важные вопросы, дает модели нравственного выбора. Сверхзадача – представить героя, который стоит перед выбором, показать, чего он хочет добиться своими действиями и как это влияет на окружающий мир. Композиция сценария докудраны основывается, как правило, на классической схеме кинодраматургического произведения – завязка, развитие с кульминацией и развязка. С понятием о композиции тесно связаны термины фабулы и сюжета. По мнению Л. Сегер, «фабула – это, по сути, набор действий на экране (или в другом произведении), в то время как сюжет – это некий подтекст, выражающий суть происходящего и идеи фильма» [10, с. 22]. Он может быть представлен несколькими сюжетными линиями, каждая из которых является отдельной историей (одна – основной), чтобы поддержать интерес зрителя к самому действию и при этом раскрыть идею фильма. Этому способствуют перипетии, происходящие с героями, или поворотные события в их жизни, которые резко меняют направление сюжета.

И еще одно важное понятие, которое связано с формированием композиции, это конфликт – столкновение интересов, точек зрения, которые представляют собой два противоположных мировоззрения. Таким образом, композиция сценария докудраны, с одной стороны, зависит от особенностей драматической композиции, свойственной кино, и связана с понятием трехчастной структуры, конфликта и перипетий, с другой – обусловлена специфическими характеристиками телевидения. «Эффект присутствия», «эффект диалогичности», «эффект доверительности» значительно влияют на стандартную композицию докудраны, отличая ее от игрового кино. На-

пример, докудрама чаще, чем кинофильмы, содержит экспозицию (пролог) и эпилог. Экспозиция помогает авторам фильма создать интригу, а эпилог – выйти за рамки повествования, рассказать последующую историю героев. Важной составляющей телевизионных докудрам становится интервью с очевидцами или участниками событий, авторитетными экспертами. Это позволяет полностью использовать «эффект достоверности» телевидения.

Немаловажным элементом сценария докудрамы является дикторский текст. Голос за кадром нередко звучит и в кинофильмах, однако он не предполагает появление диктора-ведущего в кадре, его взаимодействия с аудиторией, что довольно часто присутствует в докудраме. Ведущий может выступать как «лектор», как «сыщик», который расследует проблему, комментирует события, задает вопросы очевидцам или выступает в роли одного из героев истории.

Структура сценария – набор событий из жизни героев, которые тщательно выстраиваются в необходимой последовательности для того, чтобы вызвать у зрителей необходимые эмоции и внятно рассказать историю.

В качестве примера можно рассмотреть методику работы над сценарием в проекте «Обратный отсчет» («мастерская Владимира Бокуна», Беларусь), в рамках которого было снято несколько сотен докудрам. Начиналась работа с выбора тем, таких как актуальные проблемы белорусского общества, национальное самоопределение белорусов, сохранение национального достояния белорусского народа, осмысление советского прошлого и т. д. На следующем этапе автор формулировал идею, которую хочет донести аудитории. Например, идею фильма «Москва – Лос-Анджелес. Игры политиков» (сц. Б. Герстен, реж. Л. Клинцева, 2008 г.) можно трактовать так: политика не должна вмешиваться в спорт. Но прежде чем сформулировать идею, сценаристу следовало ответить на несколько вопросов: целесообразна ли идея? Есть ли интересный герой, через которого можно построить сюжетную линию? Как можно развить замысел? Будет ли идея представлять интерес для широкой аудитории? Позиция автора во многом определяется его мировоззрением, знаниями, системой нравственных, социальных оценок, пристрастий и антипатий.

Следующий этап – написание сценария, в котором с наилучшей стороны следует представить идеи автора. Все фильмы «Обратного отсчета» строились по единому принципу: в основе произведения лежало определенное историческое явление, например, сталинские репрессии – «Военнопленные. Виновны, если выжили» (сц. Т. Сухоцкая, реж. Л. Клинцева, 2014 г.) или освоение целины – «Целина. Горький хлеб» (сц. Н. Вильтовская, М. Белоокая, реж. А. Лескин, 2010 г.).

Истории полны человеческих трагедий, поэтому в центре фильмов «Обратного отсчета» всегда присутствует герой – свидетель, участник тех событий, о которых идет речь, как правило, это выходец из Беларуси. В. Бокун, генеральный продюсер и автор проекта, объясняет это следующим образом: «Голые факты никогда не увлекут зрителя, если не будет человеческой драмы, если не найти героев и свидетелей событий, о которых мы рассказываем. История должна быть эмоциональной. Эмоциональной она может стать только если существует реальный герой, со своими переживаниями и личной драмой. Герой, с которым начинаешь переживать события, участником или свидетелем которых он был. Формула простая, но выдержать её очень сложно» [22, с. 22].

Фильмы «Обратного отсчета» благодаря хорошо продуманному сценарию всегда были интересными, с парадоксальными и неожиданными поворотами в действии. Как отмечала О. Ф. Нечай, «если история развивается по прямой, без зигзагов и поворотов (от катализатора до кульминации и развязки), то интерес к происходящему, не подогреваемый ничем, падает» [23, с. 6].

Самая большая ошибка, которую может допустить автор сценария докудрамы, – последовательно излагать судьбу героя от рождения и до смерти. Фильм должен строиться по законам драматургии, а не служить иллюстрацией к параграфу из учебника по истории. Именно для этого, например, в фильме об Эмилии Плятер «Белорусская Жанна д'Арк. Муза обречённых» (сц. М. Жабик, В. Захарик, реж. А. Лескин, 2015 г.) сценаристы используют прием, когда переплетаются две сюжетные линии, события в которых развиваются параллельно. Авторы используют метод «сквозного эпизода» – сцена спасения раненой мятежницы помещиком И. Абламовичем (первая сюжетная линия) разбивается на блоки, чередующиеся с рассказом о жизни Эмилии и ее

участии в восстании 1830 г. (вторая сюжетная линия). Линии прерывают друг друга в кульминационных моментах, помогая поддерживать интригу и избежать банального линейного рассказа событий, выстроенных в хронологическом порядке.

После утверждения сценария на телеканале ОНТ (Республика Беларусь), сценарист и режиссер вместе работали над видеорядом. Сценарист предлагал план действия и визуальный ряд, учитывая, что на съемочной площадке режиссер может изменить и дополнить его предложение или найти новое решение. Очень часто с помощью интересного кадра режиссер способен подхватить и усилить мысль, заложенную автором в тексте. Так, в одном из эпизодов, где зритель видит больную Эмилию в усадьбе И. Абламовича, режиссер общим планом показывает клетку с птицей, стоящую возле постели Плятер. Эта птица символизирует душевное состояние героини, ее желание вырваться на свободу и присоединиться к своим товарищам. Такие метафоры могут быть прописаны в сценарии или придуманы режиссером в момент съемок.

Искусство автора сценария документальной драмы заключается в том, чтобы выбрать самые интересные, парадоксальные моменты из жизни героя и показать его характер на сопротивлении – как он их преодолевает, что вызывает мотивацию поступков и почему он делает тот или иной выбор. Если у сценария игрового фильма все строится через действие и игру актеров, то в документальной драме достаточно часто мотивацию героя объясняет эксперт или участник событий. Сложные моменты в жизни и их преодоление, как правило, это постановочные эпизоды, а показ героя подкрепляется документами, хроникой, если она присутствует, или другими подлинными источниками. На протяжении всего фильма может присутствовать компьютерная графика, которая необходима в зависимости от жанра, для создания нужной атмосферы, установления ритма фильма и логического изложения материала. Где она будет находиться, режиссер решает в момент съемки, однако автор и в сценарии может указать, когда ее следует применить, если понимает, что текст нельзя визуализировать.

Отсюда следует, что правил, как технически правильно писать сценарий документальной драмы, не существует. Во многих странах при написании сценария игрового кино авторы обычно используют американскую форму записи, которая невероятно удобна. Это шрифт Courier New размером 12, при этом каждая страница текста будет соответствовать приблизительно одной минуте экранного времени, весь текст выравнивается по левой стороне (кроме диалогов, которые пишутся в столбик посередине листа). Обязательно указывается ИНТ./ЭКСТ./НАТ. – определение места, КОМНАТА – локация, ДЕНЬ – время действия. После титульного листа, с указанием названия сценария и контактов автора, вторая страница начинается с описания сцены и знакомства с персонажами, имена которых выделяются заглавными буквами. Каждая сцена выделяется абзацем, обычно это 5–6 строк, и показывается точное действие без «лирических» отступлений, далее – переход в другую локацию/время с указанием сцены. При написании диалогов часто имеют место ремарки (что делает герой во время диалога). В настоящее время есть специальные программы, которые все осуществляют сами, например: Celtx, Fade in, Sophocles, Countour 1.0, Final draft, Gramatica Pro и т. д.

В сценарии художественных телевизионных передач обычно используют другой стандарт – в виде таблицы из трех разделов. Первый – видеоряд, в котором полностью указывается действие, происходящее в кадре; второй – звук, это может быть закадровый текст и все шумы, например, пение птиц или гудок сигнала автомобиля; третий – хронометраж, указывающий длительность данной сцены и ее номер.

При написании сценария документальной драмы обычно используют стандарт сценария телевизионной передачи. Отсюда можно сделать заключение, что помимо кинозаконов при создании образа документальной драмы использует наработки телевизионной журналистики при написании сценария, поскольку документальной драме присуща нарративность. Такая форма написания сценария удобна для съемки, режиссер видит все локации и постановочные эпизоды. Можно также рассчитать время производства фильма и смету.

Таким образом, автору сценария телевизионной документальной драмы следует учитывать множество нюансов (в том числе расположение рекламных блоков, которые не должны мешать развитию экранного действия, особенно если это сериальный продукт, рассчитанный для телевидения).

Существенной сложностью для сценариста может стать кульминация фильма, поскольку докудрама предполагает фактологическую основу, которая не всегда имеет резкий поворот в финале истории героя. Авторы используют эпилог для привлечения внимания к обсуждаемой проблеме или для формулировки идеи фильма. Докудрама требует от автора соблюдения свойственных ей жестких принципов драматургии и композиционного построения. Талантливый, интересный сценарий, положенный в основу телевизионной документальной драмы, позволяет снять хороший фильм, который будет достойно оценен зрителем и востребован современным телевидением.

Список использованных источников

1. Арабов, Ю. Н. Кинематограф и теория восприятия : учеб. пособие / Ю. Н. Арабов. – М. : ВГИК, 2003. – 104 с.
2. Аристотель. Поэтика / Аристотель. – М. : Риппол Классик, 2018. – 224 с.
3. Лайош, Э. Искусство драматургии [Электронный ресурс] / Э. Лайош. – Режим доступа: http://teatre.com.ua/upload/all/lib/iskustvo_dramaturgii.pdf. – Дата доступа: 14.07.2018.
4. Люмет, С. Как делается кино / С. Люмет ; пер. с англ. Д. Морозова, К. Донской. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 248 с.
5. Макки, Р. История на миллион долларов : мастер-класс для сценаристов, писателей и не только / Р. Макки ; пер. с англ. Е. Виноградовой. – 8-е изд. – М. : Альпина нон-фикш, 2016. – 456 с.
6. Митта, А. Кино между адом и раем : кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Куросаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому... / А. Митта. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ : Зебра Е, 2008. – 505 с.
7. Михалков-Кончаловский, А. Парабола замысла / А. Михалков-Кончаловский. – М. : Искусство, 1977. – 232 с.
8. Парандовский, Я. Алхимия слова / Я. Парандовский ; пер. с пол. А. Саповича ; ред. М. Конева. – М. : Прогресс, 1972. – 335 с.
9. Родари, Д. Грамматика фантазии / Д. Родари ; пер. с итал. Ю. Д. Добровольской. – 4-е изд. – М. : Самокат, 2016. – 240 с.
10. Сегер, Л. Как сделать хороший сценарий великим : практ. рук. голливуд. эксперта / Л. Сегер ; пер. с англ. Ю. Агаповой. – 3-е изд., расшир. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 312 с.
11. Трюффо, Ф. Кинематограф по Хичкоку : пер. с англ. / Ф. Трюффо. – М. : [б. и.], 1996. – 224 с.
12. Туркин, В. К. Драматургия кино : очерки по теории и практике киносценария : учеб. пособие / В. К. Туркин. – [2-е изд.]. – М. : ВГИК, 2007. – 319 с.
13. Сценарное мастерство: кино- и теледраматургия как искусство, ремесло и бизнес : реф. кн. Р. Уолтера / Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. – М. : [б. и.], 1993. – 63 с.
14. Феллини, Ф. Делать фильм / Ф. Феллини ; [пер. с итал. и коммент. Ф. М. Двин]. – М. : Искусство, 1984. – 287 с.
15. Червинский, А. М. Как хорошо продать хороший сценарий / А. М. Червинский. – М. : АСТ, 2019. – 304 с.
16. Нечай, О. Ф. Основы киноискусства : учеб. пособие / О. Ф. Нечай, Г. В. Ратников ; под ред. И. В. Вайсфельда. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Выш. шк., 1985. – 367 с.
17. Rosenthal, A. Writing docudrama: dramatizing reality for film and TV / A. Rosenthal. – Boston : Focal Press, 1995. – 271 p.
18. Viasat History [Электронный ресурс] // Академик : словари и энциклопедии. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1433286>. – Дата доступа: 12.03.2019.
19. Блинова, М. Что такое постмодернизм: кратко и понятно [Электронный ресурс] / М. Блинова // Литера гуру. – Режим доступа: <https://literaguru.ru/chto-takoe-postmodernizm-kratko-i-ponyatno/>. – Дата доступа: 12.03.2019.
20. Старых, Н. В. Феномен контент-маркетинга как признак формирования единого медийного пространства / Н. В. Старых // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 6–8 февр. 2019 г. / Моск. гос. ун-т, фак. журналистики ; [отв. ред.: Е. Л. Варганова, Я. Н. Засурский]. – М., 2019. – С. 120–121.
21. Irwin, B. J. Reality-based television (Docudrama) / B. J. Irwin // Encyclopedia of international media and communications / ed. D. H. Johnston. – London, 2003. – Vol. 4. – P. 59–70. <https://doi.org/10.1016/b0-12-387670-2/00067-4>
22. Ермакова, В. Владимир Бокун: скромное обаяние документов / В. Ермакова // Теленеделя. – 2009. – № 7. – С. 22.
23. Нечай, О. Живая история: исторический цикл канала ОНТ «Обратный отсчет» / О. Нечай // На экранах. – 2009. – № 2. – С. 6–7.

References

1. Arabov Yu. N. *Cinematography and the theory of perception*. Moscow, All-Russian State Institute of Cinematography, 2003. 104 p. (in Russian).
2. Aristotle. *Poetics*. Moscow, Rippol Klassik Publ., 2018. 224 p. (in Russian).
3. Lajosh E. *Art of drama*. Available at: http://teatre.com.ua/upload/all/lib/iskustvo_dramaturgii.pdf (accessed 14.07.2018) (in Russian).
4. Lumet S. *Making movies*. London, Bloomsbury, 1997. 220 p.
5. McKee R. *Story: substance, structure, style, and the principles of screenwriting*. New York, Methuen, 2014. 466 p.

6. Mittra A. *Cinema between hell and Paradise: cinema according to Eisenstein, Chekhov, Shakespeare, Kurosawa, Fellini, Hitchcock, Tarkovsky* 2nd ed. Moscow, AST, Zebra E Publ., 2008. 505 p. (in Russian).
7. Mikhalkov-Konchalovskii A. *Parabola of design*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977. 232 p. (in Russian).
8. Parandowski J. *The Alchemy of the word*. Moscow, Progress Publ., 1972. 335 p. (in Russian).
9. Rodari G. *The Grammar of fantasy*. 4th ed. Moscow, Samokat Publ., 2016. 240 p. (in Russian).
10. Seger L. *Making a good script great*. 3rd ed. Los Angeles, Silman-James Press, 2010. 242 p.
11. Truffaut F. *Hitchcock at the Cinema*. Moscow, 1996. 224 p. (in Russian).
12. Turkin V. K. *Drama of cinema: essays on the theory and practice of film script*. 2nd ed. Moscow, All-Russian State Institute of Cinematography, 2007. 319 p. (in Russian).
13. Walter R. *Screenwriting: film and television drama as art, craft and business*. Moscow, 1993. 63 p. (in Russian).
14. Fellini F. *Making a film*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 287 p. (in Russian).
15. Chervinskii A. M. *How to sell good a good script*. Moscow, AST Publ., 2019. 304 p. (in Russian).
16. Nechai O. F., Ratnikov G. V. *Ehe foundations of cinema*. 2nd ed. Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 1985. 367 p. (in Russian).
17. Rosenthal A. *Writing docudrama: dramatizing reality for film and TV*. Boston, Focal Press, 1995. 271 p.
18. Viasat History. *Academician: dictionaries and encyclopedias*. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1433286> (accessed 12.03.2019) (in Russian).
19. Blinova M. What is postmodernism: briefly and clearly. *Litera guru* Available at: <https://literaguru.ru/chto-takoe-postmodernizm-kratko-i-ponyatno/> (accessed 12.03.2019) (in Russian).
20. Starykh N. V. The phenomenon of content marketing as a sign of the formation of a single media space. *Zhurnalistika v 2018 godu: tvorchestvo, professiya, industriya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 6–8 fevralya 2019 g.* [Journalism in 2018: creativity, profession, industry: materials of the international scientific and practical conference, Moscow, February 6–8, 2019]. Moscow, 2019, pp. 120–121 (in Russian).
21. Irwin B. J. Reality-based television (Docudrama). *Encyclopedia of international media and communications*. London, 2003, vol. 4, pp. 59–70. <https://doi.org/10.1016/b0-12-387670-2/00067-4>
22. Ermakova V. Vladimir Bokun: modest charm of documents. *Telenedelya* [TV Week], 2009, no. 7, p. 22 (in Russian).
23. Nechai O. Living history: historical cycle of ONT channel “Countdown”. *Na ekranakh* [On the screens], 2009, no. 2, pp. 6–7 (in Russian).

Информация об авторе

Стежко Наталья Григорьевна – кандидат искусствоведения, доцент. Белорусский государственный университет (ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: natste@rambler.ru

Information about the author

Natalia G. Stezhko – Ph. D. (Art. Crit.), Associate Professor. Belarusian State University (9 Kalvariyskaya Str., 220004 Minsk, Belarus). E-mail: natste@rambler.ru

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 069.5 (476)

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-336-344>

Поступила в редакцию 07.04.2020

Received 07.04.2020

И. В. Горбунов

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь

А. Ф. КОВАЛЁВ – БЕЛОРУССКИЙ ХУДОЖНИК, СКУЛЬПТОР, ДИЗАЙНЕР, ПЕДАГОГ

Аннотация. Рассматривается биография белорусского художника, скульптора, дизайнера, педагога, профессора Анатолия Фёдоровича Ковалёва. А. Ф. Ковалёв являлся одним из организаторов белорусского образования в области изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Он был автором первой в БССР диссертации по дизайну, членом Союза художников СССР, Белорусского союза художников, ветераном Великой Отечественной войны. За свою долгую трудовую деятельность передал знания и огромный профессиональный опыт не одному поколению талантливых учеников, среди которых деятели культуры и искусства Беларуси – В. К. Лебедко, Е. М. Сахуто, Г. Ф. Шауро, В. И. Прокопцов. В 1965 г. А. Ф. Ковалёв, являясь заведующим кафедрой декоративно-прикладного искусства художественно-графического факультета Витебского государственного педагогического института им. С. М. Кирова (сейчас Витебский государственный университет им. П. М. Машерова), приложил массу усилий, чтобы технический труд перевести в русло художественного труда на основе традиционных приемов декоративной обработки материалов, а также повлиял на развитие истории и теории дизайна на начальном этапе его формирования. Вклад А. Ф. Ковалёва в сферу культуры и искусства Республики Беларусь отмечен многими государственными наградами.

Статья адресована молодым дизайнерам, художникам, скульпторам, преподавателям гуманитарных и технических дисциплин, ученым-исследователям, которые интересуются историей дизайна.

Ключевые слова: мемориальная память, исторический и художественный процесс, скульптура, живопись, декоративно-прикладное искусство, дизайн

Для цитирования. Горбунов, И. В. А. Ф. Ковалёв – белорусский художник, скульптор, дизайнер, педагог / И. В. Горбунов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 336–344. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-336-344>

Igor V. Gorbunov

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus

A. F. KOVALEV – BELARUSIAN ARTIST, SCULPTOR, DESIGNER, TEACHER

Abstract. The biography of the Belarusian artist, sculptor, designer, teacher, professor Anatoly Fedorovich Kovalev is considered. A. F. Kovalev was one of the organizers of Belarusian education in the field of fine and decorative arts. He was the author of the first design dissertation in the BSSR, a member of the Union of Artists of the USSR and Belarusian Union of Artists, a veteran of the Great Patriotic War. During his long career he transferred knowledge and a huge professional experience to more than one generation of talented students, including workers of culture and art of Belarus – V. K. Lebedko, E. M. Sakhuto, G. F. Shauro, V. I. Prokoptsov. In 1965 A. F. Kovalev, being the head of the department of decorative and applied art of the art and graphic department of the Vitebsk State Pedagogical Institute named after S. M. Kirov (now Vitebsk State University named after P. M. Masherov), made a lot of efforts to transfer technical work into the artwork channel based on traditional techniques of decorative processing of materials, and also influenced the development of history and design theory at the initial stage of its formation. The contribution of A. F. Kovalev to the sphere of culture and art of the Republic of Belarus was marked by many state awards.

The article is addressed to young designers, artists, sculptors, teachers of the humanities and technical disciplines, research scientists who are interested in the history of design.

Keywords: memorial memory, historical and artistic process, sculpture, painting, decorative and applied arts, design

For citation. Gorbunov I. V. A. F. Kovalev – Belarusian artist, sculptor, designer, teacher. *Vestsii Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 336–344 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-336-344>

Введение. Анатолий Фёдорович Ковалёв родился 10 мая 1926 г. в д. Долгополье Городокского района Витебской области. В 1940 г. поступил в Городокский техникум механизации сельского хозяйства, но учебу надолго прервала Великая Отечественная война. В годы оккупации семья Ковалёвых помогала партизанам и подпольщикам. После освобождения Витебска Анатолий Фё-

дорович был призван в армию. Боевой путь закончил на берегах Эльбы. После демобилизации поступил в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомовой, затем был направлен на работу художником-конструктором на Ульяновский автозавод. В 1963 г. он переехал с семьёй в Витебск и стал работать в Витебском государственном педагогическом институте им. С. М. Кирова сначала преподавателем, затем заведующим кафедрой декоративно-прикладного искусства художественно-графического факультета. За свою долгую трудовую деятельность передал знания и огромный профессиональный опыт не одному поколению талантливых учеников, среди которых деятели культуры и искусства Беларуси – В. К. Лебедко, Е. М. Сахуто, Г. Ф. Шауро, В. И. Прокопцов.

Художнику А. Ф. Ковалёву посвящен телевизионный фильм «Память сердца» витебского тележурналиста Ф. А. Гриневского.

Анатолий Фёдорович награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалью “За взятие Берлина”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.”, отмечен орденом Почёта, знаком “Отличник народного образования БССР”, медалью “Ветеран труда”, орденом Франциска Скорины.

А. Ф. Ковалёв был человеком трудной и одновременно счастливой судьбы, умел и любил трудиться искренне и самоотверженно. Художник и воин, ученый и педагог, сильный духом и мягкий сердцем – этот человек оставил заметный след в истории родного края, достойно служил земле, на которой родился и вырос. Памятью о нем останутся его творческие работы, которые находятся в собраниях музеев Беларуси и многих стран мира, а также в частных коллекциях. Ряд произведений Анатолий Фёдорович подарил своим землякам и районному краеведческому музею.

Основная часть. Витебская земля родила многих замечательных людей, чье творчество, а также вдохновенный и праведный труд являют собой яркий пример беззаветного служения своему народу, его культуре, духовности и традициям. Белорусы всегда будут помнить тех художников, писателей, актеров, чье мировоззрение находилось в неразрывном единстве с основными категориями бытия: истины, добра и красоты. Чтобы понять творчество художника, необходимо коснуться корней, питавших его внутренний мир и душу, попытаться почувствовать их связь с родной землей.

Становление личности. Анатолий Федорович Ковалёв может гордиться своей родословной. Все его предки – это люди труда. Отец – кузнец, дед, прадед и прапрадед – крепостные крестьяне пана Дембинского. Все они покоятся в одном месте – на древнем кладбище Баравина (так славяне называли места захоронений с древнейших времен) под деревней Долгополье Городокского района Витебской области. Материнский род, тоже крестьянский, также из этих мест. А места там действительно былинные. Огромные трехсотлетние дубы (под одним из таких родился художник), таинственные заводи небольших извилистых речек, где на излуцинах выходят на поверхность огромные валуны – молчаливые свидетели нашей древней истории, пробуждающие воображение лесные озера, неповторимый говор сельчан, доставшийся в наследство от древних кривичей. Все это сложилось в мощный аккорд родственных, идущих из глубины веков, звуков. Тех звуков, которые в дальнейшем художник переложил на язык выбранного с детства материала. Непосредственный толчок к занятию искусством дала мать – Ковалёва Домна Спиридоновна – крестьянка из деревни Оското. Она умело вышивала и вязала, сочиняла народные частушки, хорошо пела. Мальчик с восхищением разглядывал на ее ручниках великолепные орнаменты и узоры, символизирующие силу родной природы. Мать всегда поддерживала желание старшего сына рисовать, однако среди родственников Анатолия художников не было. А рисовал он с тех пор, как себя помнит: рисовал с натуры деревенские дома, колодцы, животных; старательнейшим образом копировал приглянувшиеся в книгах репродукции картин, воспроизводил понравившиеся сюжеты из увиденных кинофильмов «Чапаев», «Броненосец “Потёмкин”». Бумаги и холста, конечно же, не было, рисовал на обложках книг, обратной стороне клеенки, на фанере [1, с. 7].

Война вошла в жизнь мальчика внезапно. Потеряв многих родных и близких и оказавшись в плену, он бежал и попал к своим в 1944 г. Его вместе с земляком Колей Трухановым зачислили рядовыми автоматчиками в 61-й стрелковый полк 19-й гвардейской стрелковой дивизии 39-й Армии. Собственно, это была обыкновенная ситуация на фронте, но побег из плена тогда в 1944 г. – уже маленький подвиг.

С боями земляки прошли от Витебска до Каунаса. 4 августа 1944 г. Анатолий был тяжело ранен. Пуля прошла около сердца, его уже хотели похоронить, но судьба распорядилась иначе. Это очень необычная история, она записана на пленку и хранится в Народном музее истории Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. Рассказана она 26 июня 1984 г., через 40 лет, на встрече ветеранов 19-й дивизии со студентами художественно-графического факультета командиром саперной роты 61-го стрелкового полка Павлом Александровичем Гачеговым. Именно он в тот далекий августовский день приложил зеркальце к губам лежащего без сознания солдата, которого уже подготовили к захоронению. Именно его направила судьба, чтобы вытащить рядового Ковалёва с того света.

После излечения в госпитале Анатолий снова на фронте. На этот раз в качестве военного топографа 1420-го артиллерийского полка 290-й Могилевской стрелковой дивизии. В ее составе он с боями форсировал реку Одер, штурмовал Берлин и вышел к Эльбе. Находясь в госпитале в центре России, в городе Меликесе, Анатолий принимает окончательное решение стать художником, хотя по своему внутреннему убеждению он был им уже с детства. Ранение, по словам художника, это как новое воскрешение, оно породило творческое горение, и он уже не мог после этого равнодушно относиться к жизни. Это было новое духовное состояние, радость вернувшегося к жизни существа, восторг перед красотой бытия, чувства, идущие от неба, от Божества. Он понял, что должен служить этой красоте, людям, которые его окружали и делали ему добро, этой земле, на которой он родился и вырос. Это будет его великой благодарностью за то чудесное спасение и воскрешение. Служение прекрасному – вот цель его жизни. Все великое и настоящее в искусстве родилось из самой сути служения, служения свободного и добровольного, вдохновенного.

Как только Анатолий поднялся на ноги и смог держать в руках карандаш, с которым, кстати, не расставался до последних дней, он принялся за портреты находившихся с ним в госпитале раненых солдат. Фотографов в госпитале не было, и бойцы посылали эти рисунки своим близким во все уголки Советского Союза, а оттуда шли письма с большой благодарностью художнику. Это вдохновляло и рождало уверенность в собственных силах. Он понял, что нужен людям, его искусство приносит радость, он может то, что не могут многие. Эта уверенность помогла преодолеть последствия ранения, которые были достаточно серьезными. Левая рука была повреждена и плохо двигалась. Специальными упражнениями Анатолий развил и укрепил руку, на это ушло много сил. Вскоре он вернулся в строй, продолжая воевать с автоматом и карандашом. Сохранилось несколько десятков рисунков, выполненных в годы войны, 46 из них находятся в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны в Минске. После окончания войны Анатолий Федорович около семи лет служил в Советской Армии. По-прежнему много рисовал, отображая на своих рисунках однополчан, солдатские будни и места, где приходилось служить [1, с. 9] (рис. 1).

Рис. 1. А. Ф. Ковалёв с сослуживцами в Кенигсберге (как всегда с карандашом в руках), 1948 г.

Fig. 1. A. F. Kovalev in Koenigsberg, 1948

Начало творческага пути. С середины 1940-х гг. А. Ф. Ковалёв уже начинает разрабатывать тему пережитого подвига и героизма, стремясь воссоздать языком графики или живописи достоверные события или типичные образы, но пока это были «репортажные» материалы: рисунки раненых в госпитале, зарисовки быта солдат, композиционные поиски будущих работ, а после учебы – эскизы юбилейных медалей и значков. Первая настоящая проба сил состоялась намного позже, в 1967 г.

В это время была выполнена мозаика из цветного стекла на фасаде кинотеатра «Родина» в г. Городке. В этой композиции художник пытался найти образ Родины – Беларуси в ее историческом значении. Композиционная схема мозаики проста и выразительна, на фоне распростертых лучейкрыльев Солнца-Ярило четкими силуэтами возвышаются фигуры воинов-освободителей и тружеников сельской нивы. Каждая фигура хорошо читается, движения ясны и понятны. Кроме людских фигур, мы видим контуры автомобиля БелАЗ, трактора и столбы высоковольтных линий электропередач – символы индустриальной мощи Беларуси. Композиция не перегружена деталями, во всем присутствуют лаконизм и простота, что придает произведению монументальную значимость и пластическую мощь. В дальнейшем четкость, ясность и простота будут являться особенностью художественнопластического языка А. Ф. Ковалёва. По «городокской мозаике» можно сделать вывод о том, что это был уже зрелый мастер, умеющий соединить воедино понятие и образ, а также владеющий необходимой техникой. Размер мозаики 150 м², она выполнена обратным набором и состоит из 60 оттенков цветного стекла, привезенного художником со стекольного завода «Неман». Вот уже около 40 лет мозаика является визитной карточкой г. Городка [1, с. 12].

В августе 1950 г. А. Ф. Ковалёв был зачислен студентом Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухомовой. Сбылась мечта солдата, белорусского юноши, который не по своей воле был на 9 лет оторван от учебы. Трудными были первые годы занятий, но воля, настойчивость и трудолюбие сделали свое дело – испытание было выдержано и в 1958 г. Анатолий Федорович успешно защитил диплом. Учеба в Ленинграде у прекрасных педагогов, известных художников И. А. Павлова, П. Д. Бучкина, В. А. Синайского, Н. Н. Ясевича, Т. Т. Шевченко и других, обогатила пылкий ум глубокими и обширными знаниями. Да и сама среда этого прекрасного города, насыщенного дворцами, музеями, выставками, благотворно повлияла на развитие творческой личности. За время учебы А. Ф. Ковалёв участвовал в качестве художника-реставратора скульптуры в восстановлении памятников культуры Ленинграда (Юсуповского дворца, Павловского дворца, лепных работ во Дворце культуры железнодорожников), принимал участие в исполнении скульптурных работ нового железнодорожного вокзала в Петрозаводске, копировал живопись в Эрмитаже и Русском музее, изучал технику старых мастеров (Снайдерса, Кальфа, Репина, Левитана), участвовал в студенческих художественных выставках.

Свои задачи и творческое кредо по окончании института Анатолий Федорович мог сформулировать достаточно ясно и четко. Вопреки имевшему место в художественной среде суждению (важно не *что* изображать, а *как*) Ковалёв решил для себя – важно, *что* изображать. Ведь иначе он не мог. К этому времени художник уже пришел к выводу: подвиг советского народа в Великой Отечественной войне – это отправная точка в его творческом пути. И в этом он увидел свое предназначение, свой долг солдата, гражданина, художника. Этот выбор сделал не он один, по этому пути пошли многие белорусские и российские художники с похожими биографиями: Михаил Савицкий, Иван Стасевич, Владимир Суховерхов, Сергей Селиханов, Василий Белявский, Борис Неменский и многие другие.

Знаменательное событие в его биографии – это знакомство со скульптором С. И. Селихановым. Оба фронтовики, оба работали в сфере монументально-декоративной пластики. Их встреча была уникальной, дружба – недолгой, но очень продуктивной. С. И. Селиханов – скульптор легендарного монумента «Непокорённый человек» в мемориальном комплексе «Хатынь». Памятник представляет собой 6-метровую фигуру мужчины с телом убитого ребенка на руках (это произведение стало как бы своеобразной визитной карточкой Беларуси, узнаваемой во многих странах мира). Вскоре после кончины С. И. Селиханова А. Ф. Ковалёв решил увековечить

Рис. 2. А. Ф. Ковалёв с матерью, отцом и братом на открытии памятника в д. Щелбово Городокского района Витебской области, 1968 г.

Fig. 2. A. F. Kovalev with his mother and brother at the unveiling of the monument in the city of Shchelbovo, 1968

память о нем на здании Витебского художественного техникума (сейчас Витебская детская художественная школа № 1). В 1979 г. мемориальную доску С. И. Селиханову установили. Эта работа была поручена автору этих строк и выполнена в качестве дипломного проекта. Годом ранее, в 1978 г., А. Ф. Ковалёв опубликовал свою первую научную работу, посвященную выдающемуся скульптору современности [3].

В 1968 г. художник создает еще одну интересную работу. Это скульптурное произведение, представляющее фигуру партизана «Хозяин леса», расположено рядом с деревней Щелбово (сожженной фашистами вместе с жителями) Городокского района Витебской области. Во время Великой Отечественной войны это был центр партизанской зоны, так называемые «Витебские ворота», которые немцы не могли взять под свой контроль вплоть до 1943 г. Фигура партизана отдаленно напоминает васнецовских «Богатырей»: то же неторопливое и уверенное движение рук, сжимающих оружие, то же чувство силы и достоинства. Он был хозяином и останется им на родной земле, что бы ни случилось. Кто бы ни пришел сюда с мечом и огнем, он падет в прах перед этим волотом-исполином [2] (рис. 2).

Что касается производственной деятельности А. Ф. Ковалёва как дизайнера, то она сложилась вполне удачно. Что мы знаем о периоде автомобильного производства того времени? В то время в СССР производились однотипные марки советских автомобилей – «Победа», «Москвич», «Волга». Их дизайн, к сожалению, значительно уступал зарубежному. В то же время во Франции в 1951 г. по инициативе Жака Вьено в Париже был создан Институт дизайна. Французские промышленники активно привлекали дизайнеров к проектированию автомобилей и другой продукции. В обиход вошли такие понятия, как «промышленный дизайн», «эстетизация производства».

Рис. 3. Эмблема Ульяновского завода, разработанная А. Ф. Ковалёвым, 1961 г.

Fig. 3. Emblem of the Ulyanovsk Plant, designed by A. F. Kovalev, 1961

Все это непосредственно повлияло на А. Ф. Ковалёва, вызвало у него неподдельный интерес к формообразованию. После окончания Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухиной в августе 1958 г. А. Ф. Ковалёв по направлению прибыл на Ульяновский автомобильный завод в отдел главного конструктора на должность художника-конструктора (термин «дизайнер» тогда еще не употребляли). В это время происходил знаменитый «прорыв» ульяновских автомобилей на зарубежные выставки-ярмарки. А. Ф. Ковалёв принимал в этом непосредственное и самое активное участие. Он был ответственным за внешнее оформление автомобилей, работал над проблемой улучшения эстетики внешней формы и интерьера салона отечественного вездехода. Эмблема Ульяновского завода (буква «У» в круге), автором которой является А. Ф. Ковалёв, известна во всем мире, она и до настоящего времени украшает капот ульяновских автомобилей (рис. 3). В качестве дизайнера и исполнителя эскизных проектов автомобилей А. Ф. Ковалёв принял активное участие в выставках-ярмарках 34 стран мира, в том числе всех стран Европы, четыре раза являлся участником ВДНХ СССР в Москве. Кроме того, он разработал стандарты гармоничной окраски и обивки автомобилей, которыми Ульяновский завод пользовался долгое время. Занимался художник также производственным интерьером и внедрением эстетики в производство. По его эскизам и при непосредственном участии были созданы интерьеры нового цеха «Главный конвейер» и пульта управления автозаводом. На белорусском автозаводе в Жодино А. Ф. Ковалёв проработал около полугода в той же должности, что и в Ульяновске, – *дизайнером*. Там он принимал участие в разработке внешней формы большегрузных автомобилей, сделал удачный эскиз значка-сувенира «БелАЗ». Когда отвозил заказ для серийного выпуска в Ленинград, посетил родной Витебск. Здесь его пригласили на преподавательскую работу в Витебский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова. И он дал согласие.

Так, с 10 апреля 1963 г. начался новый период в жизни А. Ф. Ковалёва, который длился более 40 лет.

По приезду в Витебск Анатолий Федорович сразу же включается в его культурную и художественную жизнь с твердым убеждением в том, что необходимо быть полезным своим землякам. Уже в первые годы своего пребывания в городе он создает ряд произведений, посвященных военной славе Витебска, которые пополнили многие музеи страны. Юбилейная медаль, посвященная 20-летию освобождения Витебска, находится в экспозиции Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Юбилейное декоративное блюдо, посвященное Витебску, украшает экспозицию Витебского областного музея. Четыре вазочки-сувенира, посвященные 20-летию освобождения Витебска, находятся в Витебском областном музее. И это лишь малая часть его культурного наследия [1, с. 14–15].

Появление А. Ф. Ковалёва в Витебске оказало определенное влияние на художественную и культурную жизнь города. Он был приглашен на работу по совместительству на Витебский завод электроизмерительных приборов в качестве дизайнера, где за короткое время создал серию проектов-эскизов электроизмерительных приборов, которые были одобрены и внедрены в серийное производство. В середине 1960-х гг. Анатолий Федорович впервые в Витебске стал заниматься проблемой профессионального решения общественных и *производственных интерьеров города*. В 1965 г. были разработаны эскизы интерьера магазина «Союзпечати», в 1966 г. – эскизы интерьеров цехов Витебского завода радиодеталей «Монолит». Качество его работы было от-

мечено в журнале «Промышленность Белоруссии» (1965, № 8) в статье председателя производственной эстетики Витебского завода радиодеталей М. Д. Пескипа [4, с. 15].

А. Ф. Ковалёв – ученый и художник-педагог. А. Ф. Ковалёв работал в Витебском государственном педагогическом институте им. С. М. Кирова сначала преподавателем, затем заведующим кафедрой декоративно-прикладного искусства художественно-графического факультета. Затем у Анатолия Федоровича появились первые ученики, которые стали вести занятия (И. П. Хитько – художественную обработку дерева, М. И. Антимонова – домоводство). В 1967 г. на кафедре также остался работать преподавателем О. И. Семёнов, который защитил диплом под руководством А. Ф. Ковалёва. Ему Анатолий Федорович помог освоить занятия по чеканке, которые до этого вел сам. Впоследствии А. Ф. Ковалёв сумел добиться для молодых преподавателей стажировки в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. Б. И. Мухомовой (сейчас Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица) и в Московском высшем художественно-промышленном училище (бывшее Строгановское) (сейчас Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова). После этого кафедра стала пользоваться авторитетом, туда потянулись студенты. Кафедра декоративно-прикладного искусства художественно-графического факультета в то время была ведущей в Беларуси, такого расцвета декоративно-прикладного искусства в нашей стране не наблюдалось более полувека. О. И. Семёнов собирает информацию о художественной ковке и публикует материалы в солидных журналах, а также в многотомном труде белорусских исследователей «Гісторыя беларускага мастацтва: у 6 т.» (Минск, 1987–1994), публикуются труды почти всех преподавателей кафедры. Впоследствии кафедра декоративно-прикладного искусства сохранит свое название, слившись в уникальный творческий коллектив. Кафедра дизайна художественно-графического факультета была основана осенью 2006 г. Это произошло через 40 лет после создания кафедры декоративно-прикладного искусства [5, с. 215].

Среди учеников А. Ф. Ковалёва много ученых, известных не только в Беларуси, но и за ее пределами – *В. К. Лебедко*, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой рисунка Московского государственного педагогического университета; *Е. М. Сахуто*, доктор искусствоведения, старший научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси; *Г. Ф. Шауро*, кандидат искусствоведения, профессор кафедры народного декоративно-прикладного искусства Белорусского государственного университета культуры и искусствоведения; *В. И. Прокопцов*, кандидат искусствоведения, доцент, директор Национального художественного музея Республики Беларусь; *В. П. Климович*, кандидат педагогических наук, в 1986–2009 гг. – декан художественно-графического факультета ВГУ им. П. М. Машерова; *В. И. Булавко*, кандидат педагогических наук, доцент, в 1996–2001 гг. – заведующий кафедрой изобразительного искусства ВГУ им. П. М. Машерова.

А. Ф. Ковалёв в соавторстве со своими учениками О. И. Семёновым и И. П. Хитько опубликовал пособие для художественно-графических факультетов «Асновы мастацкага афармлення школы» (Минск, 1974) [8]. Книга получила одобрение в Москве. В новом учебном пособии «Основы школьного декоративного искусства» (Москва, 1981) Анатолий Федорович опубликовал главу «Фронтальные композиции». В сборнике научных трудов Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена была опубликована методическая статья А. Ф. Ковалёва «Изобразительные средства обучения в художественном творчестве» (Ленинград, 1978) [5, с. 61–64].

В 1973 г. А. Ф. Ковалёв защитил кандидатскую диссертацию по теме «Художественное конструирование транспортных средств, выпускаемых в Белоруссии» [6]. Этот период в биографии А. Ф. Ковалёва характеризуется желанием собрать и обобщить опыт исследования последних лет в мировом автомобилестроении. В поле его зрения – эстетика и формообразование. Трудно обратить внимание на предмет, не выявляя его эстетических достоинств. Здесь А. Ф. Ковалёву не было равных. Он знал и понимал форму, как никто другой, поскольку являлся выдающимся скульптором, гравером, видел, как развиваются тенденции монументального искусства в других странах мира. В переданном нам сыном А. Ф. Ковалёва, доктором педагогических наук А. А. Ковалёвым, автореферате кандидатской диссертации ученого, прежде всего, анализируется формообразование тенденций развития белорусского автомобилестроения. Ученый из Беларуси сделал

то, что вряд ли под силу целому коллективу дизайнеров из большого НИИ. Он проанализировал формообразование 835 автомобилей и других транспортных средств. Кроме того, понимая, что наша республика – это край 1000 озер, он проявил интерес и к *истории судостроения*. В анализе формообразования ученый обратил внимание на важную тему разработки внешнего вида наших грузовиков. Работая на Ульяновском автомобильном заводе в отделе главного конструктора на должности художника-конструктора, он брал киянку и рихтовал сам кузова, подгоняя петли дверей легендарного «уазика». В то время автомобиль УАЗ-69 массово выпускался в СССР.

В 1967–1968 гг. А. Ф. Ковалёвым совместно с художником В. Е. Тихоненко было разработано комплексное художественное решение территории и цехов Витебской фабрики «Знамя индустриализации». В 1971 г. для музея 39-й Армии выполнен бюст Героя Советского Союза, Почетного гражданина г. Витебска М. И. Дружинина. В 1974 г. А. Ф. Ковалёв организует свою первую персональную выставку в кинотеатре «Беларусь», где были представлены произведения разных лет (рисунок, акварель). В 1974 г. в Витебском государственном педагогическом институте им. С. М. Кирова была открыта более крупная персональная выставка, посвященная 30-летию Победы в Великой Отечественной войне (рисунок, живопись, скульптура, всего 109 работ). В творческом диапазоне художника, кроме военной тематики, широко и многогранно представлена тема родного города, над которой мастер работал на протяжении ряда лет.

А. Ф. Ковалёв был избран в архитектурно-художественный Совет при Витебском горисполкоме. Входил в различные советы по эстетике, жюри и комиссии по вопросам художественного оформления Витебска и Витебской области. Неоднократно выступал по областному телевидению по вопросам изобразительного искусства. Избирался депутатом Витебского городского Совета, участвовал во многих художественных выставках: областных, республиканских, межреспубликанских, всесоюзных и международных. В 1985 г. стал членом Союза художников СССР, а затем и Белорусского союза художников. Педагогическая деятельность А. Ф. Ковалёва наиболее плодотворна: ему приходилось проводить занятия по самым разным дисциплинам – живописи, рисунку, скульптуре.

Заключение. Все основные виды деятельности А. Ф. Ковалёва (художник, скульптор, дизайнер, педагог) характеризуют его как разносторонне одаренного, активного и энергичного человека. Благодаря плодотворной деятельности он оставил заметный след в истории своего родного города Витебска и Республики Беларусь, живо откликаясь на требования времени, ведя активную творческую жизнь, отстаивая свои позиции на всех уровнях и во всех инстанциях. Имена многих талантливых учеников художника известны не только в Беларуси, но и других странах мира. Продолжателем традиций, преемником профессора является также его ученик – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой дизайна художественно-графического факультета Витебского государственного университета им. П. М. Машерова В. В. Кулененок. У А. Ф. Ковалёва постоянно учился и автор этих строк. В свое время профессор посоветовал мне начать свою педагогическую деятельность в родном институте. Благодаря этому автор данной статьи уже около 30 лет работает доцентом кафедры дизайна художественно-графического факультета Витебского государственного университета им. П. М. Машерова.

В январе 2015 г. А. Ф. Ковалёва не стало. По нашему мнению, необходимо увековечить его светлую память в виде мемориальной доски на фасаде дома, где он жил и работал.

Список использованных источников

1. Анатолий Ковалев : избр. произведения : альбом / авт. вступ. ст., сост. А. А. Ковалев ; пер. на англ. Е. А. Свирко. – Витебск : САМПО, 2006. – 200 с.
2. Ковалев, А. Ф. За родную Беларусь. Воспоминания фронтовика / А. Ф. Ковалев. – Витебск : ВГУ, 2013. – 134 с.
3. Кавалёў, А. Ф. Сяргей Селіханаў : [скульптура : біяграф. нарыс] / А. Ф. Кавалёў. – Мінск : Беларусь, 1978. – 48 с.
4. История дизайна : хрестоматия / сост. И. В. Горбунов ; Витеб. гос. ун-т. – Витебск : ВГУ, 2009. – 259 с.
5. Ковалев, А. Ф. Изобразительные средства обучения в художественном творчестве / А. Ф. Ковалев // Художественное конструирование и трудовое обучение в школе и педагогическом институте : сб. науч. работ / Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1977. – Вып. 2. – С. 51–64.
6. Ковалев, А. Ф. Художественное конструирование транспортных средств, выпускаемых в Белоруссии : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.05 / А. Ф. Ковалев ; АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск, 1973. – 21 с.

7. Кто есть кто. Дизайн внутри и снаружи : справочник / сост. и авт. вступ. ст. Д. О. Сурский ; под общ. ред. Т. В. Шигельской. – Минск : Белорус. союз дизайнеров, 2008. – 296 с.
8. Кавалёў, А. Ф. Асновы мастацкага афармлення школы / А. Ф. Кавалёў, А. І. Сямёнаў, І. П. Хіцько. – Мінск : Нар. асвета, 1974. – 48 с.
9. Ковалев, А. Ф. Методика выполнения наброска : учеб.-метод. пособие / А. Ф. Ковалев. – Витебск : ВГУ, 2010. – 70 с.

References

1. *Anatoliy Kovalev: selected works*. Vitebsk, SAMPO Publ., 2006. 200 p. (in Russian).
2. Kovalev A. F. *For his native Belarus. Memoirs of a war veteran*. Vitebsk, Vitebsk State University, 2013. 134 p. (in Russian).
3. Kavaleu A. F. *Sergey Selikhanov: [sculpture: biographical essay]*. Minsk, Belarus' Publ., 1978. 48 p. (in Belarusian).
4. Gorbunov I. V. (comp.). *History of design: reader*. Vitebsk, Vitebsk State University, 2009. 259 p. (in Russian).
5. Kovalev A. F. Fine learning aids in art. *Khudozhestvennoe konstruirovanie i trudovoe obuchenie v shkole i pedagogicheskom institute: sbornik nauchnykh rabot* [Artistic design and labor training at school and the pedagogical institute: collection scientific works]. Leningrad, 1977, iss. 2, pp. 51–64 (in Russian).
6. Kovalev A. F. *Artistic design of vehicles manufactured in Belarus*. Abstract Ph.D. diss. Minsk, 1973. 21 p. (in Russian).
7. Surskii D. O. (comp.). *Who is who. Design inside and out*. Minsk, Belarusian Union Designers, 2008. 296 p. (in Russian).
8. Kavaleu A. F., Syamenau A. I., Khits'ko I. P. *Fundamentals of school decoration*. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1974. 48 p. (in Belarusian).
9. Kovalev A. F. *Methodology for performing the sketch*. Vitebsk, Vitebsk State University, 2010. 70 p. (in Russian).

Информация об авторе

Горбунов Игорь Васильевич – кандидат искусствоведения, доцент. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (пр. Московский, 33, 210038, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: igorgorbunov362@gmail.com

Information about the author

Igor V. Gorbunov – Ph. D. (Art. Crit.), Associate Professor. Vitebsk State University named after P. M. Masharov (33 Moscovski Ave., Vitebsk 210038, Belarus). E-mail: igorgorbunov362@gmail.com

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА
LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3 М.Гарэцкі
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-345-354>

Паступіў у рэдакцыю 29.05.2018
Received 29.05.2018

Л. П. Леська

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь

МІФАЛОГІЯ ПРАДМЕТНАГА СВЕТУ Ў ТВОРАХ МАКСІМА ГАРЭЦКАГА

Анотацыя. Формулюецца гипотэтичнае суждзненне о том, что мифологизация предметов в произведениях М. Горьцкого, с одной стороны, это способ гармонизации окружающего мира и человека в нём, а с другой – точный рисунок действительности, знак сдвигов и катастроф.

Исследовано, что трагизм существования человека, согласно с мифопоэтической концепции М. Горьцкого, выявляется в одушевлении предметов, вещей и одновременно в опредмечивании людей, что проявилось в таких моментах, как прятание лица (рассказ “Зима”) или частичное отождествление человека и одежды (повесть “Ціхая плынь”). Полное и непоправимое опредмечивание человека представлено писателем в рассказе “Зима” и повести “Ціхая плынь”.

Центральным местом, ареной наступления предметов на человека в рассказе “Зима” стал мифологический образ дома, который выполняет различные идейно-концептуальные функции в авторском мифотворчестве. С одной стороны, дом – это оберегающий очаг, дающий человеку полную защищенность, как в рассказах “У лазні”, “Роднае карэнне”, с другой – это место некомфортного, несвободного существования человека (рассказ “Зіма”, повесть “Ціхая плынь”).

Подчеркивается, что в описаниях М. Горьцкого мы видим переход от бытовой точности к развенчанию социального мифа. Такая же тонкая граница между бытовым планом и мифом присутствует в рассказе “У лазні”, но в этом произведении, по сравнению с рассказом “Дзэгаць”, выделяется не разрушение мифического, а, наоборот, его возрастание, усиление, что символически проявилось в приговорах, магических заговорах (рассказ “Зіма”).

Ключевые слова: белорусская литература начала XX века, миф, мифология, мифологизация, мифотворчество, предметный мир, опредмечивание, овеществление, распредмечивание, трагизм, гуманизм

Для цитирования: Леська, Л. П. Міфалогія прадметнага свету ў творах Максіма Гарэцкага / Л. П. Леська // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 345–354. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-345-354>

Liliya P. Leska

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

MYTHOLOGY OF OBJECT WORLD IN MAXIM GARETSKY'S WORKS

Abstract. A hypothetical proposition is stated that mythologization of objects in M. Garetsky's works is a way to harmonize the surrounding world and man in it, and also a precise picture of the reality, a sign of changes and calamities.

In accordance with M. Garetsky's mythopoetical concept, the tragic spirit of human life is vivid in simultaneous personification of objects and objectivation of people; it is revealed in such moments as hiding face (“Winter”), or partial identification of man with clothes (“Quiet current”). Complete and irrevocable objectivation of man is presented by the author in the story “Winter” and the novel “Quiet current”.

In the story “Winter” the central place, or a scene where objects attack man is a mythological image of a house, which fulfills various content and conceptual functions in the author's mythmaking. On the one hand, the house is a protective hearth, which gives man complete protection, like in the stories “In a Sauna”, “Native Root”. On the other hand, it is a place of uncomfortable and constrained human life.

It is stressed that in M. Garetsky's descriptions we see a transition from life precision to dethronement of social myth. There is a similar fine line between life plane and myth in the story “In a Sauna”, but this work, unlike the story “Tar”, depicts not destruction of myth, but its growth and reinforcement, which is symbolically revealed in sentences and in magical charms (the story “Winter”).

Keywords: Belarusian literature of the beginning of the 20th century, myth, mythology, mythologization, mythmaking, object world, objectivation, personification, tragic spirit, humanism

For citation. Leska L. P. Mythology of object world in Maxim Garetsky's works. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 345–354 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-345-354>

У паэтычнай свядомасці пачатку ХХ ст. у сувязі з пераасэнсаваннем традыцый сусветнай культуры, працэсам міфалагізацыі быцця прасочваецца своеасаблівы ўсплёск міфапаэтычнага пачатку, што ўвасобілася ў міфалогіі прадметнага свету, рэаліях побыту, рэчаў М. Гарэцкага.

Міфалогія прадметаў у творах класіка беларускай літаратуры не з'яўлялася пытаннем асобнага даследавання ў сучаснай навуцы, хаця падыходы да яе вырашэння былі зроблены айчыннымі навукоўцамі¹. Д. Бугаёў падкрэсліў, што апісанне прадметаў у апавяданнях М. Гарэцкага звязана з “паказам і стварэннем даверлівай і шырокай карціны жыцця дарэвалюцыйнай вёскі, з яе тыповымі праявамі – будзённымі і святочнымі, звычайнымі і трагічнымі” [1, с. 84]. Т. Дасяева, пагаджаючыся з высновамі свайго папярэдніка, назвала паэтызацыю сялянскага быту ў мастацкіх тэкстах М. Гарэцкага паэзіяй звычайнага. Герой яго шматлікіх апавяданняў, па словах навукоўцы, “усёй сваёй істотай п'е асалоду ад родных з'яў і малюнкаў, а ў душы яго нараджаецца замілаванне і захапленне” [2, с. 22]. Ж. Шаладонава лічыць, што “чым больш высокаарганізаваны, складаны, гетэрагенны прадметны свет, тым больш ён выклікае да сябе пачуццёў, адносін, абавязкаў, заахвочвае памкненні да ўпарадкаванасці і гарманізацыі наваколя” [3, с. 80].

Пагаджаючыся са слухнымі заўвагамі айчынных літаратуразнаўцаў, мы прытрымліваемся думкі, што міфалагізацыя прадметаў у творах М. Гарэцкага, з аднаго боку, гэта спосаб гарманізацыі навакольнага свету і чалавека ў ім, а з другога – дакладны малюнак рэчаіснасці, знак зрухаў і катастроф.

Асэнсаванне працэсаў міфалагізацыі ў творах М. Гарэцкага актуальна ў кантэксце вывучэння аўтарскай індывідуальнасці. Гэта абумоўлена тым, што свет мастака, калі яго разумець не метафарычна, а тэрміналагічна, уяўляе сабой “нейкае завершанае апісанне са сваімі ўнутранымі законамі, у лік асноўных яго кампанентаў уваходзяць: а) прадметы (прыродныя і рукатворныя, размешчаныя ў мастацкай прасторы—часе і гэтым ператвораныя ў мастацкія прадметы; б) героі, якія дзейнічаюць у прасторавым прадметным свеце і валодаюць унутраным светам); в) падзейнасць, якая ўласціва як сукупнасці прадметаў, так і аб'яднанню герояў... Вывучэнне паэтыкі пісьменніка і ўстанаўлівае найперш прынцыпы і спосабы апісання яго прадметаў, герояў і падзей” [4, с. 8].

Але вывучэнне прадметнага свету як аднаго са шляхоў спасціжэння пісьменніцкай індывідуальнасці не адразу прывабіла літаратуразнаўцаў, некаторым з іх здавалася “што сама па сабе прадметнасць і непарыўная з ёй апісальнасць, канкрэтная статычнасць былі супрацьпаказаны літаратуры зрушанай рэвалюцыяй” [5, с. 207]. Рускі даследчык В. Палонскі, выказваючы непрыхільныя адносіны новага часу да падобнага стылю, да падобнай мовы, адзначаў: “Бытавізм, натуралістычны рэалізм – шэры і дрэнны менавіта таму, што ён нікуды не заве, пазбаўлены дынамічных ідэй, якія надаюць напружанасць і пафас мастацтву. Натуралістычны рэалізм статычны, ён не рухаецца назад і наперад, таму што задаволены тым, што ёсць. Ён задавальняецца сузіраннем і ўзнаўленнем рэчаў і не любіць, калі яны зрушваюцца з наседжаных месцаў. Таму ў рэвалюцыйныя эпохі, калі зямля ўстае дыбам і ўсё прыходзіць у беспарадак, натуралістычнаму рэалізму без цвёрдага быту рабіць няма чаго” [6].

Мы пагаджаемся з вышэйпрыведзенымі тлумачэннямі і гіпатэтычна лічым, што міфалагізацыя прадметаў у творах М. Гарэцкага мае непасрэдную сувязь як з аптымістычнымі працэсамі

¹ Бялая, А. І. Прадметна-рэчыўны свет у мастацкай літаратуры (канцэптэуалізацыя, паэтыка, тыпалагічны аспект / А. І. Бялая // *Вестн. БарБГУ. Серія “Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (Литературоведение)”*. – 2015. – Вып. 3. – С. 76 – 84; Шаладонава, Ж. С. Прадметна-рэчыўны свет твораў Якуба Коласа і М. Гогаля: некаторыя аспекты мастацкага ўвасаблення / Ж. С. Шаладонава // *Вестн. Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серія А: Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. – 2010. – №1. – С. 80; Грамадчанка, Т. Быццё і быт у ранняй прозе Максіма Гарэцкага і Якуба Коласа (На прыкладзе зборнікаў “Рунь”, “Аповяданні”, “Родныя з'явы”) / Т. Грамадчанка // *Максім і Гаўрыла Гарэцкія. Жыццё і творчасць (Да 120-годдзя з дня нараджэння Максіма Гарэцкага): матэрыялы XXI Гарэцкіх чытанняў, Мінск, 15 лютага 2013 г. – Мінск, 2013. – 242 с.*

гарманізацыі рэчаіснасці (што заўважалі Д. Бугаёў, Т. Дасаева), так і з паказам негатыўных пераўтварэнняў, увасобленых у з’явах апрадмечвання, або арэчаўлення¹, чалавека.

Арэчаўленне, або *апрадмечванне, з’яўляецца працэсам, які выразна раскрывае дэперсаналізацыю асобы*. Побач з арэчаўленнем у творах класіка беларускай літаратуры прысутнічаюць моманты *распрадмечвання*, сэнс якога, паводле энцыклапедычнага філасофскага слоўніка, заключаецца ў тым, што “чалавек распрадмечвае як формы архаічнай, даўняй культуры, так і прыродныя з’явы, якія ён уключае ў свой грамадскі свет” [7, с. 461].

Праявы міфалагічнага распрадмечвання вылучаюцца ў апавяданнях “У лазні”, “Зіма”, “Роднае карэнне”, у аповесці “Ціхая плынь” М. Гарэцкага, дзе шырока асвятляюцца пытанні канца свету, і пісьменнік спыняе рух дзеяння натуралістычнымі ўстаўкамі, дэталёвым паказам прадметаў і рэчаў, якія прадстаўляюць той унутраны свет, які нясе ў сабе чалавек наперакор апакаліпсісу эпохі. І паходзіць гэты свет, як паказвае класік беларускай літаратуры, ад простых і даступных рэчаў, адной з праяў якіх з’яўляецца штодзённая праца, жыццё ў вёсцы. Нагадаем, як “радавалася сэрца старога бацькі яго, як пойдучь на сенакос: хлапец-работнік Восіп, сын і сам стары Нупрэі.

Сала возьмуць, бліноў матка напячэ, вады ў біклажку набяруць, выйдучь утрох на дзесяціну, у Дуброўках, у паноў, дзе сенакос купілі.

Восіп уперадзе, а студэнт не паддаецца, гонар мае... Скіне студэнт і брыль з галавы, і расшпіліцца, і распяражэцца... Вясёла! Вецер сарочку паддувае, халодзіць... Жупаны ляжаць, і пясчанка з бруском стаіць, і Разбой іх сцеражэ, звіўся там. Бяроза сцень кідае, халадок дае. Пакошанай травой прыемна пахне, а наўкола красачак прыгожых і стаіць і ў пакосах ляжыць многа-многа!

Стары Нупрэі сядзіць на пні ды – кляп-клёп, кляп-клёп – касу клепіць і радасна на сына пазірае... ” [8, с. 72]. Апавядальнік нікуды не спяшаецца, даючы падрабязныя апісанні, таму што і самі пачуцці, сам стан ціхага задавальнення, асалоды перажываюцца чалавекам толькі ў спакоі. Пісьменнік уводзіць героя ў зону псіхалагічнага камфорту, які ствараецца эмацыянальна-станоўчымі характарыстыкамі прадметнага свету: “Люба ў вечар цёплы, і ціхі, і добра-пагодлівы снапы вазіць. Люба раніцай у рацэ з вадою лёгкаю, не дужа халоднаю выкупацца. А днём у градах гуркоў пашукаць...” [8, с. 72].

М. Гарэцкі, перадаючы прыемныя моманты ў жыцці Архіпа Лінкевіча, яго аднавяскоўцаў і родных, быццам акрэслівае кола чалавечага існавання ад хаатычнай дынамікі гісторыі, хаця праявы дысгармоніі, народжаныя сучаснымі зменамі ў грамадскім ладзе, гістарычнай сітуацыі, раскрываюцца ў наступных аўтарскіх каментарыях: “Людзей прадпрыёмных, рухавых і здольных душыла жыццё абшчэственае. Ані паляпшэнне якое ў полі зрабіць, ані лепшага сорту жыта пасеяць, ані дабрэйшую жывёлу прыдбаць... А за кожную драбніцу брэшучца, за шкоду няўмыслую і незаметную лаюцца, як агалцелыя” [8, с. 71].

Пісьменніка хвалявалі пытанні, як рэабілітаваць прыватную ўласнасць чалавека, абараніць яго ад агрэсіі калектыву. Такая аўтарская заклапочанасць “стала істотнай рысай мастацкай свядомасці, якая складвалася ў першыя дзесяцігоддзі пачатку стагоддзя” [5, с. 208].

Гуманізм М. Гарэцкага праявіўся ў захаванні мікраасяроддзя чалавечага існавання. У сувязі з гэтым пісьменнік вельмі ўважлівы да прадметных дэталей, да тэмы хаты ў апавяданнях “Роднае карэнне”, “У лазні”, “Зіма”.

У апавяданні “У лазні” М. Гарэцкі быццам рэжысёр-пастаноўшчык стварае ілюзію хаатычнага руху, афармляючы яго відавочную асязальнасць з дапамогай мноства прадметных. У лазні, месцы грамадскім, пануе поўная неўпарадкаванасць: стаіць крык, гам, паветра, насычанае парам і гарачынёю. Гэтай мітусні жыхароў Мардалысава М. Гарэцкі супрацьпастаўляе размеранае, мэтанакіраванае існаванне асобнага чалавека, паказанае праз успрыманне Кліма Шамоўскага (апавяданне “У лазні”). Перад вачыма юнака праходзіць у падрабязных дэталях штодзённы клопат родных. Клім сочыць, як малодшы брат “Парфір напаіў коней, падаваў жывёле, прыйшоў у хату і пачаў рыхтавацца ў лазню...” [8, с. 47].

¹ Арэчаўленне, або рэіфікацыя, – філасофска-сацыялагічнае паняцце, якое абазначае гістарычна-пераходную форму сацыяльных адносін, пры якой адносіны паміж людзьмі набываюць бачнасць адносінаў паміж рэчамі, прадметамі // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. П. Федосеев, С. М. Ковалев. – М.: Сов. Энцикл., 1983. – 840 с.

Гарманічнае, размеранае жыццё сям’і Кліма Шамоўскага дэманструецца аўтарам у апісанні як маштабных буйных дэталей, так і дробных. Письменник удакладняе, што падчас збораў у лазню “бацька апрануў дублёнку, надзеў дзіравыя валёнкі і прыстоіў, пакуль Клім вымаў з кішэні ключыкі, ножык, парманэцік з грашамі і старым пер’ем “рондо”, каб не згубіць дабро ў лазні” [8, с. 47]. Не жадаючы ісці мыцца ў бруднай лазні, Клім адцягваў час, магчыма, меркаваў, што бацьку надакучыць чакаць і ён не пойдзе. З другога боку, такая пільная ўвага да неабходных і важных прадметаў у жыцці героя характарызуе маладога чалавека як клапатлівага, абачлівага і ўважлівага да драбніц гаспадара. Не менш пільным у адносінах да прадметаў быў і мешчанін Пухальскі (апавяданне “Дзёгаць”), ён дэтальна гатуе павозку да падарожжа, “тады паня паднімала калёсы, а пан знімаў каток і шпарка вазёкаў па восі дзёгцявым квачам, каб не сцякло многа дзёгцю без карысці на зямлю” [8, с. 135]. Гаспадар ашчадна ставіцца да дзёгцю – вельмі карыснага рэчыва, апісанні якога ў апавяданнях “Дзёгаць”, “У лазні” займаюць значнае месца ў бытавым плане.

Бытавы план мае цесную сувязь з міфалагічным аспектам твораў М. Гарэцкага.

Уласна міфалагічным пластом у апавяданні “У лазні” стала гісторыя пра ваўкалакта, а ў апавяданні “Дзёгаць” міф пра замознае жыццё сваёй сям’і стварыла Юлечка Пухальская. Яна сказала сябрам, што дадому паедзе на экіпажы, як важная паненка. Так, Юлечка сфантазіравала міф пра свой неіснуючы сацыяльны статус, але падман раскрыўся, міф не спраўдзіўся – кавалеры самі ўбачылі, што прыехаў бацька забіраць сваю пятушку на адзіным сіўчыку, “калёсы зноў былі толькі падмазаны, і з каткоў капаў бурштынавымі капкамі дзёгаць” [8, с. 135]. “Гімназіст несумысля наступіў на дзёгаць, што капнула з катка, і цяпер няшпрыцям дрыгаў нагою, каб адкасацца ад яго, але ж да падэшвы падліпла вельмі добра, і яму было прыкра, што зусім гэта Юлечка Пухальская не такая, як ён думаў” [8, с. 136]. У трапным апісанні М. Гарэцкага мы бачым пераход ад бытавой дакладнасці (ніяк не адчэпіцца дзёгаць ад небаракі студэнта) да развенчвання сацыяльнага міфа Юлечкі Пухальскай.

Такая ж тонкая мяжа паміж бытавым планам і міфам адчуваецца і ў апавяданні “У лазні”, але ў гэтым творы, у параўнанні з папярэднім, вылучаецца не разбурэнне міфічнага, а, наадварот, яго ўзрастанне, узмацненне, што выявілася ў прыгаворах, у адметных магічных заклічках, тыпу: “– Пара, лазня, добры дух!” або: “Старыя аддыхалі, седзячы на мяліцах, абуваліся. Гаварылі аб Новым годзе, успаміналі, што было цікавага ў старым. Хто ішоў у двору казаў:

– Дзякуй за пару, за дух, за добрую лазню, хто тапіў, хто насіў...” [8, с. 51].

У таямнічых пажаданнях кожнага, хто наведваў лазню, чуюцца водгукі архаічнага, язычніцкага міфа аб гарманічным існаванні чалавека і вялікай колькасці розных духаў, абярэгаў. Клім, чуючы гэтыя традыцыйныя магічныя выразы, прыслухаўся і пачуў апавяданне дзеда Банадыся, які “быццам восенні дождж барабаніў: ён расказваў гісторыю пра пана-чарнакніжніка, які ператвараўся ў ваўкалака, накладваў закліцце на Панаса, і “той ажно тры гады бегаў зверам” [8, с. 52]. Гісторыя дзеда Банадыся стала асновай міфа новага часу, з яго цэнтральнымі момантамі азвярэння чалавека, яго арэчаўлення.

З’ява ператварэння чалавека ў звера здаўна прысутнічае ў сусветнай літаратуры¹. Для беларускай літаратуры стала актуальным ператварэнне чалавека ў ваўка. Так, марыць стаць ваўкалакам малы хлопчык з верша П. Багрыма “Зайграй, зайграй, хлопча малы”, які ўпэўнены, што, толькі ператварыўшыся ў ваўка, можна адчуць шчасце, таму ён гаворыць родным: “У ваўкалака абярнуся, з шчасцем на вас азірнуся”. Свабодалюбівы герой верша А. Абуховіча, таксама рашуча заяўляе:

“Лепш быць вольным ваўкалакам,
ты ж на прывязі сабакам” [9, с. 15].

Шкура ваўка прымутова была апранута і на Марку з апавядання “Ваўкалак” Яна Баршчэўскага. Марка-ваўкалак, доўга пакутуючы ў жывёльным абліччы, перажывае духоўную эвалюцыю – зноў становіцца чалавекам.

¹ На працягу развіцця літаратуры ў самых разнастайных тэкстах можна сустрэць эпізоды, у якіх героі перажываюць ператварэнне ў нейкую істоту. Гэта адбываецца ці па ўласным жаданні героя, ці насуперак яго волі. Дастаткова згадаць “Метамарфозы, або залаты асёл” Апулея ці ператварэнне “Кафкі”. Можна звярнуцца да “Слова пра паход Ігаравы”, дзе расказваецца пра князя Усяслава Чарадзея, які валодаў здольнасцю ператварэння.

Усе вышэйназваныя фрагменты ваўкалактава выразна сведчаць аб тым, што ў творах беларускай літаратуры XIX – пачатку XX стагоддзя захаваліся архаічныя ўяўленні аб адзінстве прыроды і чалавека, калі была моцнай вера ў татэмічную жывёлу, якая заўсёды магла абараніць чалавека.

Для славян, паводле тлумачэнняў вядомага даследчыка язычніцкіх вераванняў С. Токарава, “воўк быў асноўным і любімым відам пярэваратня, бо ідэя пярэваратніцтва наогул прымяркоўваецца да той жывёлы, якая ў дадзенай краіне служыць галоўным прадметам ушанавання” [10, с. 45], як у народаў Паўночнай Амерыкі і Паўночнай Азіі – гэта мядзведзь, у Паўднёвай і Усходняй Азіі – тыгр¹.

Ваўкалактава ў апавяданні “У лазні” М. Гарэцкага прынесла герою толькі праблемы. Бедны Панас, які стаў сведкам ператварэння пана-ведзьмака ў ваўкалака, быў зачараваны страшным дзеяннем, ажно тры гады бегаў у абліччы ваўка, пакуль людзі яго не забілі. Перадаючы гэты эпізод, М. Гарэцкі, у адрозненне ад сваіх папярэднікаў – беларускіх пісьменнікаў XIX стагоддзя, узнавіў распад татэмістычных поглядаў і міфаў у міфалагічнай свядомасці народа, што праявілася ў змене архаічных вераванняў пра ваўка як моцную істоту на ўяўленні пра яе як вельмі страшную, жорсткую і хцівую жывёлу.

Міфалагема злоснага ваўка і жахлівага ваўкалактава ў апавяданні “У лазні”, згодна з міфапаэтычным бачаннем пісьменніка, з’яўляецца адбіткам катастрафічнай эпохі. Першай прыступкай азвярэння чалавека як сімвалічнага выяўлення новага часу стала яго арэчаўленне (апавяданне “Зіма”, аповесць “Ціхая плынь”).

Цэнтральным месцам, арэнай наступлення прадметаў на чалавека ў апавяданні “Зіма” выступае міфалагічны вобраз хаты, які ў аўтарскай міфатворчасці выконвае розныя ідэйна-канцэптualныя функцыі (у выключных выпадках бярэ на сябе ролю самавыражэння персанажаў).

У апавяданні “Роднае карэнне” намалюваны два вобразы хаты – старой і новай. Вяскоўцы думалі, што ў новую хату Нупрэя – бацькі Архіпа Лінкевіча (апавяданне “Роднае карэнне”) панадзіўся нячысцік і, калі будыніна падчас навальніцы згарэла, то ўсе ўздыхнулі з палёгкай. Новая хата ўспрымалася як месца нячыстае, “была ў канцы саду недалёчка ад шляху і блізка к рэчцы” [8, с. 65]. Будаўніцтва гэтай хаціны, па меркаванні аднавяскоўцаў, было праведзена не па традыцыйных правілах: “як вільчылі гэту хату, дык ішоў нейкі старац. Ну ладна; майстрам давалі гарэлку, – трэба, калі па-гаспадарску і старцу даць, пачаставаць. Не далі. Пэўне, і падчараваў” [8, с. 70]. Гэта прывяло да непажаданых наступстваў – гаспадары не мелі спакойнага жыцця ў новай будыніне, кожную ноч там адбываліся недарэчныя здарэнні, сведкам якіх быў нават скептычна настроены Архіп.

“Сапраўднай хатай” была старая хата сям’і Лінкевічаў, якая ўяўляе сабой ідэальны ўзор закрытай бытавой прасторы. Незвычайнай урачыстасцю і гармоніяй напаўняецца яна напярэдадні свята, калі так смачна “блінамі пахла... сонейка гуляла снапамі па настольніку і па старэнькіх абразях. У куце гарэла лампадка” [8, с. 64]. Святочная атмасфера ў хаце ствараецца, дзякуючы прысутнасці асобных прадметных вобразаў: гэта і пах бліноў, і ўрачысты настольнік, і нават “старэнькія абразы”, якія ўспрымаюцца адначасова як прадмет і як сімвалічны знак выключнай веры, што перадаваліся з пакалення ў пакаленне. Старая хата Лінкевічаў – вобраз універсальнага чалавечага мікрасвету, што ўключае ў сябе прынцыпы першасных родавых узаемаадносін, інстытут сям’і, духоўную вышыню, маральнасць.

Амаральную, адмоўную ацэнку атрымоўвае хата, напоўненая нейкімі асобнымі прадметамі, усялякай драбязой, рэчамі, якія пачынаюць валадарыць над чалавекам, што мы назіраем у Петраковай хаце (апавяданне “Зіма”): “скрозь запушаныя снегам шыбы, троху святлела... дзед Пятрок, седзячы ў жупане, даплятаў лапаць і сварыўся, а баба Петрачыха касцястымі і худымі, цьмянымі ад загару рукамі мяшала ў цэбры мякіну. Маладуха-нявехна, – белая-белая, як папера, – прала на ўслоне кудзелю і маўчала, як нямая ці якая пакутніца” [8, с. 158]. У падрабязных апісаннях знешняга выгляду герояў, іх адзлення прасочваецца, па нашым меркаванні, тэндэнцыя да адухаўлення прадметаў і адначасовага арэчаўлення чалавека. Такі аспект міфалагізавання ствараецца, дзякуючы аўтарскаму прыёму схавання, непаказу твару герояў. Мы не бачым знеш-

¹ Токарев, С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX века / С. А. Токарев. – М.; Л., 1957. – С. 45.

няга выгляду ніводнага з сямейнікаў Петраковых, апроч удакладнення, што дзед сядзіць у жупане, а рукі бабы вельмі касцістыя і худыя. У гаваркіх эпітэтах “касцісты”, “худы” больш тоіцца нежывога, у меншай ступені згадваецца сувязь з жывым і квітнеючым чалавечым арганізмам. Нават маладая “нявехна” параўноваецца з “белай-белай паперай”. На першы погляд, такое параўнанне дае маладой асобе патэнцыяльную магчымасць пачаць жыццё па-новаму. Белая папера асацыятыўна звязваецца з новым жыццём, нейкім чыстым і ўзвышаным. Белы – колер чысціні, але далейшыя падзеі апавядання паказваюць, што гэта немагчыма. У Петраковай хаце выключную каштоўнасць маюць рэчы, жывёла, а потым ужо маленькія ўнукі. Письменнік удакладняе: “Белавалосая дзяўчынка стаяла ля полу і хлабасцінаю адганяла курэй ад корманага вапрука, што чмякаў з жолабу, раскідваючы па зямлі каля сябе цеста” [8, с. 159]. Парушана гармонія – дзіця займае другараднае месца, на першае месца выступаюць куры, “каровы, вапрукі” [8, с. 159]. Нават маці не падтрымлівае сваіх дзяцей, не абараняе іх. Жанчына вымушана караць малых па загаду бабулі: “маўклівая маладуха, сцяўшы зубы, клала і клала рубяжы матузкамі па хударлявенькай дзіцячай спінцы. Вяпрук чухаў і не ішоў з хаты ў цёмныя сенцы. Старая падбірала чаропкі і кляла” [8, с. 159].

“Стрыкаценькая курачка скокнула з лаўкі на край паліцы, а адтуль пасыпаліся на суднік Панасавы соннікі і аракулы¹. Певень дзюбаў, што раскідаў вапёр, і ўжо без клопату сакатаў і кокаў, не зважаючы на дзяўчынку, што пішчэла, забіўшыся пад лаўку” [8, с. 159]. У майстэрскім апісанні М. Гарэцкага побач з пакаранымі дзецьмі, якія толькі пішчаць, пазбаўленыя поўнага голасу, гучна праяўляюць сябе жывёлы і птушкі і становяцца красамоўнымі занябанымі аракулы, што ўпалі на суднік.

Наяўнасць недагледжаных аракулаў у апавяданні М. Гарэцкага сімвалічна паказвае, якая будучыня чакае чалавека, што абагаўляе рэчы і не клапаціцца пра сваю бессмяротную душу. Безумоўна, вяселае стракатанне пеўня і яркай “стрыкаценькай курачкі” стала знакам поўнай перамогі ў хаце Петраковых рэчава-жывёльнага свету над чалавекам, які быццам урос у яго, зжыўся з ім. Сітуацыя “зрошчанаці” людзей з прадметамі і рэчамі ў апавяданнях “Страхацце”, “Што яно”, “Хаўтуры” мае эсхаталагічную накіраванасць і падаецца ў розных ракурсах. У апавяданнях “Страхацце”, “Хаўтуры” письменнік падкрэсліў першапачатковую, архаічную сувязь чалавека не толькі з рэчамі, але і з першасным рэчывам: “Памёр чалавек, закапалі, пахавалі і кікс. З зямлі быў, у зямлю і пойдзеш, зямлёю будзеш” [8, с. 86]. Генетычная сувязь чалавека і прадметна-рэчыўнага асяроддзя ў творы М. Гарэцкага становіцца паказчыкам бездухоўнасці грамадства. У апавяданні “Хаўтуры” письменнік не раскрывае ўнутраны свет памерлага чалавека, але акцэнт увагі на падрабязным апісанні яго апошняга касцюма (прадметна-рэчыўнага атрыбута), яго ўбору: “Худы, жоўты і чорны ў шэранькім жупане, белых альняных штанах і ў новых лапціках” [8, с. 103].

Вопратка героя стала знакам яго ўзраставага, сацыяльнага статуса і нават духоўнай свабоды. Нябожчык пры жыцці не меў вольнасці духу, бытавая неўладкаванасць перашкаджала яму і цяпер, пасля смерці ён папрыгажэў, “у свет сабраўся” [8, с. 103], пакідае душную хату.

Хата-труна (апавяданне “Хаўтуры”) супрацьпастаўлена такому, недасягальнаму пры жыцці і блізкаму пасля смерці, загадкаваму свету, вольнаму паветру, якім так хоча надыхацца “змуцаны працаю і жыццёвым амбарасам чалавек” [8, с. 101] (апавяданне “Буйніцы і драбніцы”): “Адчуўшы лёгкасць, яго “вялікасць – чалавек” разумее марнасць свайго існавання, – “уздумаў ён на сваю працу, на свой клопат... І змалеў сам сабе ў сваіх вачах: Усё паспееца... драбніцы і буйніцы, – разважаў ён свой сум...” [8, с. 101]. Герой М. Гарэцкага выразна зразумеў, што яго штодзённы клопат – гэта такая драбніца ў параўнанні з вечнымі праблемамі жыцця – свабодай, духоўнасцю.

Свядомае і падсвядомае, або яўнае і няўнае, памкненне адчуць поўную свабоду завалодала і Панасам Петрачонкам (апавяданне “Зіма”), які жыў пад прыгнётам бытавых клопатаў. Бацька ўвесь час “заразаў яго паўсёдным злым нараканнем” [8, с. 158]. Адзінае вызваленне ад гэтай штодзёншчыны давала Панасу гульня ў карты, якой ён так захапляўся, што нават забыўся, што

¹ Слова аракул у перакладзе з лацінскай мовы азначае прароцтвы. Жрэц, паводле сведчання У. Завальнюка, у старажытных грэкаў і рымлян прарочыў ад Бога ці Багоў.

патрэбна коней паіць: “Дзед Пятрок пачынаў гаманіць дужэй: Картэўнікі! Паабедаць некалі прыйсці з гульні, а коні паіць і не думаюць” [8, с. 158].

Карты трымалі герояў апавядання “Зіма” ў напружанні, гульцы былі абмежаваны правіламі, але іх душы падаграваў і магчымы выйгрыш. Спляценне запалу і практычнай значнасці, як заўважыў аўтар, – “на кону ляжала капеек пяць медзі” [8, с. 160]. Грошы невялікія, але ж якое душэўнае ўзрушэнне, усплёск эмоцый: Валента ўзмоцнена перажывае, нават пачаў барабаніць пальцамі па сталу, каб не заўважылі, што “то рукі яго тыхаюць” [8, с. 160]. У “картачным падынку” бралі ўдзел ціхмяны Іван і вельмі злосны і несправядлівы Валенты. Магчыма, Іван і выйграў бы, усе прысутныя ў хаце Паўлюка яго падтрымлівалі, але ў апошні момант уварвалася Акуліна – жонка Івана. Яна, нават неспадзявана для самой сябе, разбурыла гэтае гульнівае царства: “Мужык як торчма не зляцеў з эдліка. Грошы з кону аказаліся ў Валентавай кішэні, а падраны Кулінаю храсценны хлап разляцеўся па сталу і пад загнет” [8, с. 161]. Так гульня засталася без завяршальнага фіналу, нават ператварылася ў хатні тэатр. Валента паказаў свой сапраўдны твар: калі Панас прапанаваў яму аддаць грошы, то ён як азвярэў. Панас, які не любіў сварыцца, пайшоў: “З гнётам у душы, пайшоў у двор. Апрыкліла і свая хата... Не хацелася бачыць маўклівую братовую, сумяціцу дзяцей... Хварэй яно і такое жыццё, такія людзі. Лепей на край свету з’еду...” [8, с. 158].

Ціхмяны Іван апрануў на сябе маску выключнага смельчака і пачаў гаварыць, што ён абавязкова адпомсціць жонцы, не будзе дапамагаць па гаспадарцы: “я ёй цяперайка пакажу сваю натуру” [8, с. 161].

Гульня ў карты, тэатральная маска давала Івану кароткачасовую магчымасць адчуць сябе чалавекам, асобай, індывідуальнасцю: у час гульні Іван “сам рабіўся не свой, то ён усміхаўся, то цмокаў па-дзіцячы” [8, с. 160].

Дзіцячая разняволенасць авалодала чалавекам, які заўжды толькі смірна зносіў крыўды і ад свайго брата, і ад жонкі Куліны. Гульнівы настрой Івана стаў вызваленнем, магчымасцю рэалізаваць жаданні, пераадолець страх. І калі б не гэтыя рэдкія моманты ў жыцці бедака, то яго існаванне здавалася б поўным змярцвеннем. Пасля гульні Іван прыйшоў дадому, ізноў заставаўся сам-насам са сваімі сумнымі думкамі. Ён пакутаваў у сваёй беднай хаціне, безвыходнае жыццё ў якой сімвалічна перадаюць вечна замерзлыя вокны. Куліна ўглядалася ў іх, але праз шчыльна замерзлыя шыбы нічагосьці не бачна. У цёмнай неасветленай хаце Іван спіць на валёнку, па яго вопратцы, “па новай, як бубен сарочцы, яшчэ не абмятай, без клопату людскога, поўзаў жоўценькі, вусаты і шпаркі прус, як на мёртвым целе нават поўзаў” [8, с. 163].

Шпаркі жоўты прус – зааморфны элемент міфалагізавання М. Гарэцкага – сімвалічны паказчык узрастання бездухоўнасці, дэгуманізацыі ў свеце, сведчанне пра хуткае наступленне катастрофы. Такое бачанне міфалагемы тлумачылася фізіялогіяй жывёлы, яе здольнасцю хутка размнажацца і вынішчаць усё жывое. Падаючы малюнак вольнага адчування жывёлы на целе Івана, М. Гарэцкі імкнуўся паказаць і спрагназаваць нярадасны фінал жыцця свайго героя, яго хуткую гібель.

Зааморфныя апісанні становяцца лёсавырашальнымі, прароча-прадказальнымі і ў жыцці Хомкі з аповесці “Ціхая плынь”. Напярэдадні смерці хлопчыку прысніўся рэальны сон-успамін, аб тым як яны з бацькам рэзалі авечак, такой бязвіннай ахвярай і стаў заўчасна забіты Хомка Шпак.

Гібель маленькага героя М. Гарэцкага была запраграмавана міфапэтычнай канцэпцыяй твора. Першапачаткова Хомка няўтульна адчувае сябе ў роднай хаце, якая страціла для хлопчыка ахоўную функцыю. Тут, у родных сценах, герой М. Гарэцкага быў пазбаўлены звычайнай асобнасці. Пісьменнік пры першым знаёмстве чытача з Хомкам не называе яго дзіцём, нават не вызначае палавую адметнасць героя: “Вы разважаеце: хлопчык гэта ці дзяўчынка? – ці не ўсё роўна: доля аднака” [8, с. 133]. Такое ўдакладненне аўтара можна асэнсаваць па-рознаму. З аднаго боку, палавая недыферэнцыраванасць Хомкі: “не зразумееш, хто гэта – дзяўчынка або хлопчык?” [8, с. 133], згодна з міфалагічнымі ўяўленнямі, прачытваецца як андрагіннае існаванне героя. Андрагіны (згодна з разгорнутымі тлумачэннямі М. Эліадэ) – асобы надзвычай дасканалыя і моцныя, паколькі змяшчалі ў сабе адзнакі абодвух палоў.

З другога боку, палавая недыферэнцыраванасць героя М. Гарэцкага, паводле біблейскіх уяўленняў, наадварот, сведчыць пра яго зададзеную прыніжанасць. Хомка першапачаткова не названы асобай мужчынскага полу. Мужчына ў біблейскай гісторыі – валадар становішча, жанчына знаходзілася ў генетычнай і гістарычнай залежнасці ад свайго гаспадара. Хомка, пазбаўлены мужчынскай першаснасці, называецца М. Гарэцкім абагульнена “яно” і характарызуецца, як жывое стварэнне сярод мноства нежывых прадметаў: “лапатачак-лыжак, нямытых місак – даёнак і ўсякага – гломазду” [8, с. 133]. “А вы зірніце на жывое. Яно сярод хаты, на земляной падлозе, збітай у ямкі, залітай памыйкамі, сядзіць на кучы кійкоў і бляшанак, сядзіць патурэчку падтуліўшы ногі, сядзіць ля місы, у якой рулі з пастаялкі, хлеба мух і смяцця” [8, с. 133].

“Жывы” герой М. Гарэцкага меў гіпертрафіраваную цялеснасць: “крывыя ножкі і вялізны живот, як барабан” [8, с. 133]. Яркае параўнанне з пустым, але гучным бубнам успрымаецца як доказ цялеснай і духоўнай недасканаласці хлопчыка, хаця Хомка на працягу ўсяго свайго жыцця імкнецца пазбавіцца гэтай першаснай цялеснай непаўнаты і набыць духоўную вышыню. Гэта праявілася і ў тым, што, нягледзячы на выключную беднасць і вялікае спазненне, бацька прывёў Хомку вучыцца ў “хату-школу”, дзе хлопчык не набыў новых ведаў, а толькі перажыў прыніжэнне, нават быў пазначаны біркай – прадметным знакам ніжэйшасці, нейкай духоўнай недасканаласці.

Рэч, прадмет – “церассядзельнік раменны” сімвалічна вызначыў месца Хомкі і ў заезным двары, у хаце, якая ўжо першапачаткова падзелена на дзве паловы: “у чыстай палавіне жывуць гаспадары, у чорнай начуюць вознікі” [8, с. 148]. Тут, на гэтай чорнай палове, і абвінавацілі Хомку і яго бацьку ў крадзяжы: “– Эх, хлопчык, ты часам як-небудзь не ўзяў церассядзельніка раменнага?” [8, с. 148]. Пасля беспадстаўных абвінавачванняў пачалося публічнае абшукванне Хомкі, якое моцна ўсхвалявала бацьку хлопчыка. Цяпер Хомка ведаў, што пасля гэтага здарэння “бацька абавязкова нап’ецца на станцыі” [8, с. 156].

Не толькі бацька так узрушана рэагуе на сваю бядняцкую безабароненасць, прадметна-рэчавае засілле балюча перажывае і Хомка. У раздзеле “Кірмашовыя прыемнасці” пісьменнік падрабязна апісвае парабкоўства Хомкі – чалавека годнага, які шмат працуе, але “бацька забірае сабе ўсё, што Хомка заробіць, і не пашыў яму ніводных ботаў, не справіў аніякіх ні разу ўбораў” [8, с. 156]. Добрая вопратка павінна была стаць знакам сталасці малога працаўніка, яго чалавечай вартасці, прызнанасці, паказчыкам добрай працы і стымулам для духоўнага ўзвышэння. Аб гэтым марыць наш герой, калі “адпачываў у чырвоным золаце сонца на захадзе... радасна пазіраў на сваю добрую працу. І быў тады шчаслівы і задаволены жыццём – жыццём аратая, бо ў тым была праўда жыцця... І думаў тады салодка аб лугвенескім кірмашы” [8, с. 173]. Але на самой справе на першы ў яго жыцці кірмаш Хомка ідзе ў гаспадаровых ботах, у новых гаспадаровых штанах і “ў брылі, надта старым і запэцканым і ў дзірках” [8, с. 167].

Чужая вопратка прыніжае хлопчыка ў вачах іншых. Ганутка жорстка кажа пра яго: “Батрак... хварсіць у чужых ботах і гнілым брыллі” [8, с. 173]. Балюча юнаку чуць гэтыя словы, ён нават пачаў думаць пра самагубства. Мары, летуценні Хомкі, па яго словах, былі “апаскуджаны”: “Чаго цяпер жыць? Адно – памерці...” [8, с. 173]. Часовы выхад з цяжкага душэўнага самаадчування герой М. Гарэцкага знайшоў у ап’яненні, яму “стала ўсё ‘дна. Тупое і цяжкое адурэнне найшло на яго, прыціснула яго, згняло яго” [8, с. 174]. П’яна-млявы Хомка знаходзіць супакаенне і неспраўдную весялосць.

Такую ж падманную і шматабяцальную радасць героі М. Гарэцкага адчуваюць перад святамі, напярэдадні Калядаў, перад паездкай на кірмаш ці ў час гульні. У іх жа штодзённым жыцці ўладарыць поўная неўпарадкаванасць быту. Так, у аповесці “Ціхая плынь” “усе людзі наракалі на парадкі ў воласці: як можна гэтак памыліцца, каб запісаць хлапца раней на два наборы” [8, с. 175], што і стала прычынай заўчаснай і бессэнсоўнай смерці Хомкі.

Гібель юнака першапачаткова звязвалася са стратай яго індывідуальнасці і набыццём безасабовасці, што наглядна раскрываецца ў часава-прасторавых месцазнаходжаннях героя, у пераходах ад адзінкавага (індывідуальнага) існавання да агульнага (калектыўнага). Амаль усё сваё кароткае жыццё Хомка пражыў у агульных калектывах, то вучоба ў ненавіснай школе, то горкі хлеб парабка, то салдацкія акопы. Адзін толькі раз, напярэдадні паходу ў войска, юнак быў вы-

дзелены, індывідуалізаваны. Дробныя выгоды былі створаны для яго ў сям’і, няхай сабе смачная яечня, якую хлопчык падзяліў на сем частак, а сваю частачку аддаў маленькай Таццяны, і доўгачаканы сон.

Млявыя трызненні Хомкі на працягу ўсёй аповесці набліжалі яго да мары, да духоўнай вышыні, і толькі сон у акопах прадвяшчаў яго хуткую смерць. Хлопчыку прыснілася, як бацька рэзаў авечку, Хомка стараўся не сузіраць момант смерці, заплюшчваў вочы.

На сваю ўласную смерць герой М. Гарэцкага не раскрыў поўнасцю вочы, жахлівы момант сканчэння жыцця застаўся не зразумелым для хлопчыка. Ён толькі выразна адчуваў крыўду: “... так ціха, што не чуваць сабе самому пытаецца Хомка: – за што?! – шэпча ўсё цішэй. І глыбокая распачліваа крыўда кроіць яму сэрца...” [8, с. 182]. Хомку было крыўдна, што ён не вырваўся з гэтага злоснага кола абставін, хаця спробы перамагчы сітуацыю ў яго былі. Нагадаем, як адчайна герой М. Гарэцкага, выведзены з стану раўнавагі, пераламаў ненавісную бірку настаўніка. У вачах сяброў ён здаваўся нейкім здурнелым, але такі стан хлопчыка нельга лічыць нейкім адмоўным ці сведчаннем яго дэградацыі, наадварот, – гэта спроба вырвацца з цяжкіх пут бытавой штодзённасці. Здурнеласць Хомкі ніяк не параўноўваецца з атупеннем, адурэннем паэтычных натур, пра якое піша аўтар напачатку аповесці “Ціхая плынь”. М. Гарэцкі са скрухай заўважае, што штодзённыя бытавыя клопаты сталі перашкодай у “вольнай творчасці паэта ў лепшую пару дзяцінства... Хто шчарсцвеў, пагінуў у будзёншчыне – у дзяцінстве быў вялікім музыкаю, граючы на скрыпачцы з лучынак... Хто зрабіўся тупы, як палка – у гады маленства з палкі вырабляў мастацкія для мастацкіх яго пачуванняў штуркі: птушак, звяроў і прост харошы кіёчак-папірашку... Надышлі гады жыццёвага амбарасу і бясконцага дурнога клопату і знішчылі творчую радасць, растапталі дыямант у пабітым шкле, з паэта зрабілі быдліну...” [8, с. 132].

Такім чынам, міфалагізм М. Гарэцкага змяшчае ў сабе адзнакі як архаічнага міфа, так і міфа Новага часу. Да архаічных уяўленняў, трансфармаваных у мастацкай свядомасці класіка беларускай літаратуры, адносяцца ўяўленні пра магічную сілу навакольнай прыроды, дзе ўладарыць вера ў абарончую моц татэмных жывёл, дзе адбываюцца бясконцыя ператварэнні чалавека ў жывёлу або прадмет, і наадварот.

Пісьменнік па-майстэрску трансфармаваў галоўны закон архаічнай свядомасці – невыдзяленне чалавека з прыроднага свету – у апавяданнях “Роднае карэнне”, “У лазні”, дзе, толькі з прыродай зліўшыся душой, герой Гарэцкага мае магчымасць адчуць гармонію, асалоду, радасць свайго існавання.

Новы міф пісьменніка ўзнаўляе не глыбінную архаічную агульнасць чалавека і прыроды, а праяўляецца ў паказе сітуацыі адасобленасці і самазаглыбленай адзіноты персанажа, у паказе яго трагічнай гібелі.

Трагізм існавання чалавека, згодна з міфапаэтычнай канцэпцыяй М. Гарэцкага, перадаецца праз адухаўленне прадметаў, рэчаў і адначасова праз арэчаўленне людзей, што праявілася ў такіх момантах міфапаэтыкі, як схаванне твару (апавяданне “Зіма”) або частковае атаясамліванне вопраткі і чалавека (апавесць “Ціхая плынь”).

Вопратка ў мастацкім міфалагізаванні пісьменніка выступае адначасова праявай некалькіх радоў: знакавага (рэч, прадмет як знак эпохі, асяроддзя чалавека, чалавечага быцця), характаралагічнага (адлюстравана інтымная сувязь з рэччу з рознымі каштоўнасцямі каардынатамі).

У міфапаэтыцы прадметнага свету М. Гарэцкага шырока выкарыстоўваецца зааморфная сімволіка. Заўважана, што міфалагема жывёлы ў мастацкай свядомасці пісьменніка шматзначная, тут і рэдкія водгукі татэмічных міфаў, і паступовы пераход да стварэння жахлівага вобраза жывёлы Апакаліпсу.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Бугаёў, Д. Я. Максім Гарэцкі / Д. Я. Бугаёў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – 161 с.
2. Дасаева, Т. М. Максім Гарэцкі і Янка Брыль / Т. М. Дасаева. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2004. – 113 с.
3. Шаладонава, Ж. С. Прадметна-рэчыўны свет твораў Якуба Коласа і М. Гогала: некаторыя аспекты мастацкага ўвасаблення / Ж. С. Шаладонава // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2010. – № 1. – С. 80–84.

4. Чудаков, А. П. Слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого : очерки поэтики рус. классиков / А. П. Чудаков. – М. : Современ. писатель, 1992. – 319 с.
5. Химич, В. В. В мире Михаила Булгакова / В. В. Химич. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 331 с.
6. Полонский, В. П. Артем Веселый / В. П. Полонский // О литературе : избр. работы / В. Полонский. – М., 1988. – С. 79–93.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 839 с.
8. Гарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1984–1986. – Т. 1 : Апавяданні, 1913–1930 / рэд. С. А. Андраюк. – 1984. – 446 с.
9. Абуховіч, А. Творы / А. Абуховіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 61 с.
10. Токарев, С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / С. А. Токарев. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 164 с.

References

1. Bugaeu D. Ya. *Maxim Garecki*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1968. 161 p. (in Belarusian).
2. Dasaeva T. M. *Maxim Garecki and Yanka Bryl*. Minsk, Belarusian State University, 2004. 113 p. (in Belarusian).
3. Shaladonava Zh. S. The subject-material world of the works of Yakub Kolas and M. Gogal: some aspects of artistic reproduction. *Vesnik Magileuskaga dzyarzhavnaga universiteta imya A.A.Kulyashova. Seryya A, Gumanitarnyya navuki (gistoryya, filasofiya, filalogiya)* [Mogilev State A. Kuleshov Bulletin. Series A. Humanitarian Sciences (history, philosophy, philology)], 2010, no. 1, p. 80–84 (in Belarusian).
4. Chudakov A. P. *The word – thing – the world: from Pushkin to Tolstoy: essays on the poetics of Russian classics*. Moscow, Sovremennyyi pisatel' Publ., 1992. 319 p. (in Russian).
5. Khimich V. V. *In the world of Mikhail Bulgakov*. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 2003. 331 p. (in Russian).
6. Polonskii V. P. Artyom Vesely. *O literature: izbrannye raboty* [About literature: selected works]. Moscow, 1988, pp. 79–93 (in Russian).
7. Il'ichev L. F. (ed.) (et al.). *Philosophical encyclopedic dictionary*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. 839 p. (in Russian).
8. Garetski M. *Collection of works. Vol. 1. Stories, 1913–1930*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1984. 446 p. (in Belarusian).
9. Abukhovich A. *Works*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1991. 61 p. (in Belarusian).
10. Tokarev S. A. *Religious beliefs of the East Slavic peoples of the 19th – early 20th centuries*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 164 p. (in Russian).

Информация об авторе

Лесько Лилия Петровна – старший преподаватель. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (ул. Советская, 18, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: leska.l.5@yandex.ru

Information about the author

Liliya P. Leska – Senior lecturer. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (18 Sovetskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: leska.l.5@yandex.ru

ПРАВА
LAW

УДК 342
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-355-366>

Поступила в редакцию 04.05.2020
Received 04.05.2020

Г. А. Василевич

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

Аннотация. Проведен анализ взглядов ученых на развитие местного самоуправления, а также законодательства и правоприменительной практики в данной сфере. Подчеркнуто значение местного самоуправления для становления Беларуси как демократического государства. Приведены данные о количестве лиц, избираемых в местные представительные органы, а также принимающих участие в работе органов территориального общественного самоуправления. Обоснована позиция, согласно которой в системе органов местного самоуправления функционируют коллегиальные органы, имеющие двойственную природу (Советы депутатов). Они реализуют полномочия от имени государства и одновременно являются органами местного самоуправления. Подчеркивается, что национальное законодательство любого современного государства испытывает влияние норм международных документов, зарубежного опыта, изучение которого позволяет сопоставить уровень развития общественных отношений и их правовой регламентации, выявить потенциал и перспективы. В этой связи значительное внимание уделено сравнительному анализу положения белорусского законодательства и Европейской хартии местного самоуправления. Сделан вывод о значительном потенциале Европейской хартии для совершенствования национального законодательства. Особое внимание должно быть уделено финансово-экономической системе органов местного самоуправления. Внесен ряд предложений по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: местное самоуправление, Европейская хартия местного самоуправления, демократия малых пространств

Для цитирования: Василевич, Г. А. Актуальные направления развития местного самоуправления в Республике Беларусь в контексте Европейской хартии местного самоуправления / Г. А. Василевич // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 355–366. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-355-366>

Grigori A. Vasilevich

Belarusian State University, Minsk, Belarus

**ACTUAL DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF LOCAL
SELF-GOVERNMENT IN THE REPUBLIC
OF BELARUS IN THE CONTEXT OF THE EUROPEAN
CHARTER OF LOCAL SELF-GOVERNMENT**

Abstract. The article analyzes the views of scientists on the development of local self-government, as well as legislation and law enforcement practice in this area. The importance of local self-government for the formation of Belarus as a democratic state is emphasized. Data on the number of persons elected to local representative bodies, as well as those participating in the work of territorial public self-government bodies, are given. The position is justified according to which collegial bodies that have a dual nature (Councils of Deputies) function in the system of local self-government bodies. They exercise authority on behalf of the state and at the same time are local governments. It is emphasized that the national legislation of any modern state is influenced by the norms of international documents, foreign experience, the study of which allows us to compare the level of development of public relations and their legal regulation, to identify potential and prospects. In this regard, considerable attention is paid to a comparative analysis of the provisions of Belarusian legislation and the European Charter of Local Self-Government. It is concluded that the European Charter has a significant potential for improving national legis-

lation. Particular attention should be paid to the financial and economic system of local governments. A number of proposals have been made to improve legislation.

Keywords: local self-government, European Charter of Local Self-Government, democracy of small spaces

For citation: Vasilevich G. A. Actual directions of development of local self-government in the Republic of Belarus in the context of the European charter of local self-government. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 355–366 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-355-366>

Местное самоуправление в юридической литературе рассматривается в качестве демократии «малых» пространств [1, с. 36; 2, с. 104].

Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук Н. С. Бондарь обращает внимание на две крайности в оценке и определении значения местного самоуправления: с одной стороны, самоуправленческий романтизм, а с другой – муниципальный нигилизм. Для первого характерно стремление «к поголовному привлечению» населения к управлению делами общества как некоей самоцели, к противопоставлению самоуправления власти центральной [1, с. 36]. Непродуктивно также отрицать роль самоуправления. Важно найти баланс между полярными позициями, учесть позитивные и негативные стороны, выстроить на этой основе эффективную систему управления «малыми» пространствами с целью обеспечения достойной жизни каждому человеку [1, с. 36].

Самоуправление в зарубежных странах имеет свою специфику. Во Франции, например, наряду с органами местного самоуправления создаются назначаемые центральной властью органы управления, поэтому здесь в качестве эквивалента местному самоуправлению используется термин «децентрализация» [2, с. 93].

В Республике Беларусь есть необходимая законодательная основа для развития местного самоуправления: в Конституции предусмотрена соответствующая глава, где имеется ряд статей, касающихся организации органов местного самоуправления. Действует Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», ряд законодательных актов, посвященных функционированию системы местного самоуправления. Тот факт, что местное самоуправление выделено в нашей Конституции в самостоятельную главу, свидетельствует об организационной обособленности этого звена государственного механизма управления общественными делами.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко неоднократно отмечал, что мощные местные Советы депутатов, наряду с молодежными, профсоюзными организациями, должны стать основой гражданского общества Беларуси.

Тот факт, что местное самоуправление является одной из основ развития демократии в Беларуси, подтверждается многочисленными упоминаниями местного самоуправления в актах текущего законодательства: в том или ином контексте оно упоминается почти в 1600 актах законодательства республиканского уровня, а всего – в 23 548 актах.

Отметим, что Беларусь имеет определенные традиции развития местного самоуправления. Достаточно часто в литературе обращается внимание на сельские общины как одно из проявлений местного самоуправления. Наряду ними начиная с X–XII вв. развивалось городское самоуправление, которому «была присуща своя судебная система, налоговые правила, свободные выборы органов управления, предоставление князем привилегий» [3].

Этот процесс являлся динамичным и был обусловлен не только экономическими, но и политическими факторами. Так, в целях получения государством (ВКЛ) поддержки со стороны населения в условиях угрозы его распада все больше поселений получали магдебургское право: в начале 90-х гг. XVIII века «на этнических землях Беларуси имелось около 120 поселений с магдебургской правовой системой» [3].

Профессор Т. И. Довнар, оценивая выдаваемые городам Беларуси привилегии на магдебургское право, отмечала зависимость организации и полномочий местных органов власти от государственно-правового положения территориальной единицы в составе государства, сложившихся обычаев, воли владельцев земель [4, с. 10, 16].

С получением привилея (магдебургского права) на самоуправление населенный пункт приобрел автономию в решении вопросов развития предпринимательства, в частности, в развитии русских ремесел и промыслов [5, с. 10]. Однако процесс развития местного самоуправления не шел «по нарастающей». После вхождения белорусских земель в состав Российской империи сфера полномочий местного самоуправления сужалась, и в 1830–1840 гг. магдебургское право в Беларуси было ликвидировано. Восстановление местного самоуправления началось после земской реформы, т. е. после подписания 1 января 1864 г. Александром II Указа о введении губернских и уездных земских учреждений в России.

На землях Беларуси существовали различные формы участия граждан в решении вопросов местного значения. В дореволюционный период 1917 г., особенно после отмены крепостного права, важное значение имели сельские (крестьянские) общины.

Ученые преимущественно в позитивном ключе оценивают столыпинскую реформу, результатом которой стало бурное развитие сельскохозяйственного производства, рыночных отношений, признавая, что это вело к расслоению крестьянских хозяйств. На этом фоне весьма нестандартно и интересно выглядит позиция Н. А. Дунаевой, которая обратила внимание на модернизационный потенциал крестьянской общины. Она полагает, что наряду с устранением недостатков в землепользовании, присущих общине, регулировавшей отношения по поводу землепользования (консервировала малоземелье, сохраняла натуральный характер производства) следовало сохранить ряд важных ее функций, таких, например, как самоуправленческий потенциал. Самоуправление заключалось в возможности крестьян на коллективных сходах обсуждать свои нужды, принимать решения, обязательные для членов общины, разбирать споры (переделы земли, обиды, конфликты в семье), бороться за моральную чистоту крестьянского сословия, принятие мер по предупреждению правонарушений (порубка деревьев, самовольная охота, поправа посевов) [6].

В советской юридической литературе местное самоуправление часто идеализировали. Не отвергая полностью все позитивное, что было в тот период, заметим, что коллегиальные представительные органы (Советы) в значительной степени находились под влиянием партийных инстанций и исполнительной власти. Уже в первые годы советской власти М. Рейснер отметил превращения, как он писал, «совдепии» в «исполкомию» [7, с. 123]. Официально система народовластия предполагала единство Советов всех уровней, их полномочие и верховенства в системе государственной власти. Преимуществом этого считалось устранение конфликта между центром и местной властью.

Термин «местное самоуправление» введен в современный оборот с принятием 9 апреля 1990 г. Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР». Обратим внимание на важную деталь: он находился во взаимосвязи с местным хозяйством. Это отражает идею реальности местного самоуправления: оно реально, когда существуют экономические возможности для самоуправления. В указанном законе значительный акцент был сделан на создании экономической основы местного самоуправления, предусматривалось введение коммунальной собственности как основы местного хозяйства, права органов местного самоуправления по ее владению, пользованию и распоряжению, фиксировались доходы местных бюджетов. Целью перераспределения управленческих функций являлось повышение эффективности управленческих решений на всех уровнях власти.

В Беларуси Закон «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Белорусской ССР» принят 20 февраля 1991 г. Согласно Закону местное самоуправление определялось как форма организации и деятельности граждан для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые ими государственные или общественные органы всех социальных, экономических, политических и культурных вопросов местного значения, исходя из интересов населения и особенностей развития административно-территориальных единиц на основе законов, собственной материально-финансовой базы и привлеченных средств; предусматривалось самостоятельное формирование и исполнение местного бюджета на основе норматива бюджетной обеспеченности на одного жителя. В литературе подчеркивается, что он «передавал власть на местном уровне от партийных органов и исполкомов Советам и создавал реальные предпосылки

для развития местного самоуправления» [8]. С обретением Республикой Беларусь своей государственности стало активно развиваться и местное самоуправление, которое часто называют демократией малых пространств. В настоящее время действует Закон Республики Беларусь от 04.01.2010 г. № 108-З (ред. от 18.12.2019 г.) «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь».

Некоторые авторы критически относятся к тому, чтобы органы местного самоуправления рассматривались в качестве звена государственной власти. Например, к числу таких авторов относится В. А. Григорьев, однако с ним можно согласиться в том, что, если нет экономической независимости от центральной власти, говорить о реальном самоуправлении весьма сложно [9, с. 6]. Г. Д. Садовникова классифицирует органы народного представительства, в частности, в зависимости от уровня осуществления публичной власти на представительные органы государственной власти и представительные органы местного самоуправления [10, с. 40], тем самым подчеркивая, что последние не относятся к государственным органам.

Н. А. Богданова считает, что для органов народного представительства характерно наличие следующих признаков: избрание народом на периодических выборах; коллегиальность, наличие возможности у граждан влияния на их деятельность; при этом, по ее мнению, обладание лишь отдельными свойствами означает лишь обладание определенными элементами представительства [11, с. 13].

В российской научной литературе высказана близкая нам позиция, что местное самоуправление в условиях правового государства «становится особенностью внутренней организации государственной власти» [2, с. 94]. К сожалению, в монографии под редакцией Т. Д. Зражевской наряду с указанной позицией отмечено, что факт невхождения местного самоуправления в систему государственной власти в то же время не означает его полное обособление [2, с. 106].

Следует различать в системе органов местного самоуправления те коллегиальные органы, которые имеют двойственную природу (Советы депутатов), они реализуют полномочия от имени государства и одновременно являются органами местного самоуправления. Наряду с Советами депутатов есть иные общественные структуры, занятые местным самоуправлением – органы общественного территориального самоуправления. Однако и им государством могут быть переданы некоторые полномочия, например, добровольным народным дружинам – полномочия по поддержанию общественного порядка, наблюдательным комиссиям, товарищеским судам и т. д.

В том, что Советы депутатов составляют нижнее звено единого государственного аппарата, нет ничего контрпродуктивного. Вопрос состоит в реальном объеме самостоятельных полномочий, характере субординации (подчинении), в разрешении возможных споров, основаниях и пределах ограничений.

Национальное законодательство любого современного государства испытывает влияние норм международных документов, зарубежного опыта, изучение которого позволяет сопоставить уровень развития общественных отношений и их правовой регламентации, выявить потенциал и перспективы.

В этом отношении полезно обратиться к Европейской хартии местного самоуправления, к которой пока наша республика не присоединилась, но положения которой можно было учитывать при совершенствовании законодательства и практики в области местного самоуправления. Европейская хартия является отражением концентрированного опыта формирования локальной демократии, эффективных социально-экономических систем в странах Европы [12, с. 72–74]. Европейская хартия местного самоуправления содержит определение, принципы, направления и подходы к организации деятельности местного самоуправления.

Уместно сравнить определения местного самоуправления, которые даны в хартии и белорусском Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь». Согласно положениям хартии под местным самоуправлением понимается **право и реальная способность** органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения. Это право осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем

свободного, тайного, равного, прямого и всеобщего голосования. Советы или собрания могут иметь подотчетные им исполнительные органы. Это положение не исключает обращения к собраниям граждан, референдуму или любой другой форме прямого участия граждан, если это допускается законом (ст. 3).

Таким образом, в приведенном определении можно выделить несколько принципиальных моментов: 1) речь идет о праве и, главное, реальной способности регламентировать реальную часть публичных дел и управлять ею (однако в хартии в данном случае не говорится об объеме регламентируемых на местном уровне публичных дел; на наш взгляд, частично ответ на данный вопрос дается в других статьях хартии); 2) рамки действия местного самоуправления – закон (в зарубежной практике закон понимается в широком смысле, не только как акт Парламента); 3) самоуправление должно быть ответственным и осуществляться в интересах местного населения.

Согласно вышеназванному Закону Республики Беларусь местное самоуправление – форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые им органы социальных, экономических и политических вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц на основе собственной материально-финансовой базы и привлеченных средств.

Местное самоуправление осуществляется через местные Советы депутатов (далее – Советы), органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы, инициативы граждан по принятию решений Советов, участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах.

Система органов местного самоуправления включает Советы и органы территориального общественного самоуправления.

Система Советов в Республике Беларусь состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного, а также включает областные, городские, районные, поселковые и сельские Советы.

К областному территориальному уровню относятся областные, Минский городской Совет (далее, если не указано иное, – Советы областного уровня). Советы областного уровня являются вышестоящими по отношению к Советам базового и первичного территориальных уровней.

К базовому территориальному уровню относятся городские (городов областного подчинения), районные Советы (далее, если не указано иное, – Советы базового уровня). Советы базового уровня являются вышестоящими по отношению к Советам первичного территориального уровня.

Минский городской Совет обладает также правами Совета базового уровня.

К первичному территориальному уровню относятся городские (городов районного подчинения), поселковые, сельские Советы (далее, если не указано иное, – Советы первичного уровня) (ст. 1).

Определение местного самоуправления, данное в Законе, отличается следующим: 1) не акцентировано внимание на реальной способности органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею; 2) в то же время определен предмет самостоятельного решения местного самоуправления – социальные, экономические и политические вопросы местного значения; 3) подчеркнута необходимость учета при решении местных вопросов общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц; 4) местное самоуправление осуществляется на основе собственной материально-финансовой базы и привлеченных средств.

Помимо общего и особенного, что есть в приведенных определениях, обратим внимание на то, что оба юридических документа предусматривают осуществление местного самоуправления не только через представительные органы, но и непосредственно гражданами – через референдум, собрания граждан, любую иную допускаемую законом форму участия граждан в управ-

лении. Однако если в хартии в первую очередь идет речь о представительных органах, то в законе – вначале о непосредственной демократии, а затем – о представительной. Надо отметить, что если местные референдумы в Беларуси не проводились, то иные демократические формы самоуправления, такие как органы территориального общественного самоуправления (ОТОСы), местные собрания, получили широкое распространение.

Таким образом, субъектом местного самоуправления как специфической управленческой деятельности выступает население в лице граждан, обладающих избирательным правом.

В преамбуле хартии подчеркнута значение идей демократии и децентрализации как важнейшего вклада в построение общеевропейского дома.

Европейская хартия местного самоуправления рассматривает местное самоуправление в качестве принципа осуществления власти, предусматривая, что он должен быть признан во внутреннем законодательстве и, по возможности, в Конституции государства.

Конституцией Республики Беларусь и Законом Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении» предусмотрено, что местное самоуправление осуществляется через: 1) систему местных Советов (от областного до сельского); 2) систему коллегиальных и единоличных органов территориального общественного самоуправления; 3) местные собрания, местные референдумы, инициативы граждан по принятию решений Советов; 4) участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах.

Понятие «местное самоуправление» в широком его понимании охватывает два вида органов: местный представительный орган, избираемый населением соответствующей административно-территориальной единицы и принимающий, как правило, решения по наиболее важным местным вопросам; и исполнительный орган, призванный в первую очередь выполнять решения представительного органа и осуществлять оперативное управление.

Насколько совершенна наша система местного самоуправления и насколько эффективно она работает?

Основным звеном местного самоуправления являются местные Советы депутатов – представительные органы государственной власти на территории соответствующих административно-территориальных единиц.

В настоящее время в Беларуси существует 1309 местных Советов депутатов, в том числе 7 регионального (области и город Минск), 128 базового (районы и города областного подчинения) и 1274 первичного уровня (сельсоветы, поселки, города районного подчинения). На сегодняшний день действует 1309 Советов депутатов.

В современный период наше законодательство ушло от показного широкого представительства, когда, например, областной Совет депутатов (а в области могло быть около одного миллиона избирателей) состоял из 300 депутатов (по сути, парламенты не каждой страны состоят из такого числа депутатов). Сейчас произошло сокращение депутатского корпуса. Однако национальное законодательство и в нынешней ситуации предусматривает, в сравнении со многими зарубежными странами, более широкое представительство населения в составе местных коллегиальных представительных органов (Советов депутатов): в областном и Минском городском Советах депутатов – от 40 до 60 депутатов; в районном, городском Совете депутатов (города областного подчинения) – от 25 до 40; в городском Совете депутатов (города районного подчинения) – от 15 до 25; в поселковом, сельском Совете депутатов – от 11 до 15 депутатов.

Всего в местных представительных органах работает около 20 тысяч депутатов, из них около 14 тысяч – депутаты Советов первичного уровня, т. е. наиболее приближенные к населению.

Формируются местные Советы депутатов по мажоритарному принципу. Причем избирательное законодательство в этом отношении постоянно менялось в сторону признания выборов состоявшимися в пользу сокращения необходимого количества участников. Это, на наш взгляд, свидетельствует о некотором неблагополучии, апатии избирателей, что всегда ранее было предметом критики западных демократий. Такое положение свидетельствует о необходимости повышения авторитета местных Советов депутатов, чего можно добиться, используя, по меньшей

мере, два направления: 1) повысить статус местных Советов посредством расширения полномочий; 2) изменить систему выборов, перейдя к мажоритарной или смешанной системе. В этом случае политические партии могут вдохнуть новые импульсы в работу местных коллегиальных представительных органов власти.

Важным звеном местной демократии являются органы территориального общественного самоуправления. В середине 2018 г. их в республике насчитывалось 32227, в их составе 57192 человека. При этом в коллегиальных ОТОСах работает 8532, а единоличных (обычно – это старосты) – 23695 человек.

По сути эти две ветви местного самоуправления взаимодополняют друг друга, работают во взаимодействии для решения вопросов, которые важны для местного населения.

В юридической литературе вопросы представительной демократии находятся в поле зрения ученых. Однако когда речь идет о народном представительстве, то обычно внимание уделяется парламенту и представительным (коллегиальным или единоличным) органам местного самоуправления. Например, Г. Д. Садовникова, исследуя данную проблематику, не относит к числу субъектов народного представительства избираемые (формируемые) гражданами органы территориального общественного самоуправления [10, с. 35–41].

Полезно было бы принимать на региональном уровне хартии или программы развития местного самоуправления на региональном уровне. Безусловно, в них не должно быть положений, противоречащих актам законодательства, обладающим более высокой юридической силой, включая Конституцию. Такого рода хартии помогают адаптировать «к местным условиям многочисленные законоположения, представляют их в благоустроенном виде, логическом изложении, сопровождают необходимыми комментариями и, таким образом, облегчают работу с законодательством, оказывают содействие возникновению у населения правильных и достаточно полных представлений о том, как построен и работает механизм местного самоуправления, как граждане могут его контролировать и принимать участие в его работе» [13, с. 128]. Полагаем, что введение такого рода практики (принятия хартий) имеет позитивный потенциал для расширения самоуправленческих начал. Такого рода хартии должны приниматься коллегиальными представительными органами – местными Советами депутатов с участием представителей органов территориального общественного самоуправления, функционирующими не менее шести месяцев до принятия указанного юридического документа.

В хартиях можно ставить задачи по развитию местного самоуправления. Альтернативой хартиям могут быть программы по развитию местного самоуправления, в которых может быть акцентировано внимание на поддержке органов территориального общественного самоуправления, включая предоставление субвенций, проведение конкурсов на реализацию социально значимых проектов среди ОТОСов. В Российской Федерации такая практика складывается [14, с. 371–372].

Преимуществом местного самоуправления является то, что оно балансирует государственную власть по вертикали и горизонтали. Если государственная власть стремится создать для всех равные условия жизни, то органы местного самоуправления заботятся о населении, проживающем на соответствующей территории. Такой дух конкуренции стимулирует все представительные и иные органы действовать в интересах людей. Вертикальная организация власти проявляется в том, что органы местного самоуправления являются элементом публичной власти.

На наш взгляд, необходима кодификация законодательства о местном самоуправлении. Следует предусмотреть правовые механизмы стимулирования самоуправления, инновационный путь развития будет неполным и неэффективным без инноваций в сфере самоуправления.

В литературе отмечаются следующие тенденции в правовом регулировании взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления: 1) представление местного самоуправления как полностью независимой системы; 2) установление централизованной вертикали власти; 3) установление баланса полномочий центра и местного самоуправления [2, с. 107].

Объем полномочий местных Советов депутатов свидетельствует об их более высоком статусе в системе местных органов власти, поскольку они принимают или утверждают основополагающие документы для развития соответствующей административно-территориальной единицы.

Зарубежный опыт также показывает, что посредством принятия своих решений об утверждении программ, бюджете и отчете о его исполнении, установлении местных налогов и споров, определении режима коммунальной собственности можно активно воздействовать на исполнительную власть в интересах проживающего на соответствующей территории населения.

В статье 12 Европейской хартии местного самоуправления предъявляется требование к государствам, претендующим на присоединение к ней, чтобы государства были связаны двадцатью пунктами ч. 1 хартии или, по меньшей мере, десятью из числа следующих пунктов.

Статья 2 (о признании принципа местного самоуправления). Принцип местного самоуправления признан во внутреннем законодательстве, в том числе в Конституции, где имеется самостоятельный раздел 5 «Местное управление и самоуправление» (ст. 117–124).

Статья 3, пункты 1 и 2 (о понятии местного самоуправления как права и реальной способности органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения). Эти положения реализованы в Конституции Республики Беларусь, Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», иных законодательных актах.

Статья 4, пункты 1, 2 и 4 (об установлении основных полномочий органов местного самоуправления Конституцией или законом). Основные полномочия органов местного самоуправления установлены Конституцией и законом. Органы местного самоуправления в пределах, установленных законом, обладают полной свободой действий для реализации собственной инициативы по любому вопросу, который не исключен из сферы их компетенции и не находится в ведении какого-либо другого органа власти. Предоставляемые органам местного самоуправления полномочия, как правило, должны быть полными и исключительными. Они могут быть поставлены под сомнение или ограничены каким-либо другим центральным или региональным органом власти только в пределах, установленных законом. Когда это происходило, то принимались положения по отмене решений, посягающих на полномочия органов местного самоуправления, включая решения Конституционного Суда нашей республики.

Статья 5 (о защите границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление). В статье 17 Закона Республики Беларусь от 05.05.1998 г. № 154-З (ред. от 31.12.2014 г.) «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» закреплены полномочия граждан в сфере административно-территориального устройства. Так, граждане высказывают мнения по вопросам административно-территориального устройства; они вправе вносить предложения об образовании, объединении и упразднении административно-территориальных и территориальных единиц, установлении и изменении их границ, установлении и переносе административных центров и по иным вопросам административно-территориального устройства в государственные органы; участвуют в рассмотрении вопросов административно-территориального устройства, затрагивающих их права и законные интересы, посредством обращения в государственные органы (организации), участия в местных референдумах, собраниях, иных форм прямого участия в государственных и общественных делах, а также через общественные объединения в соответствии с законодательством; осуществлять иные права, предусмотренные законодательством.

Статья 7, пункт 1 (о свободном осуществлении мандата местными выборными лицами). Закон Республики Беларусь от 27.03.1992 г. № 1547-XII (ред. от 31.12.2014 г.) «О статусе депутата местного Совета депутатов» обеспечивает свободное осуществление мандата местными выборными лицами. Этот закон предусматривает гарантии деятельности указанных лиц, а также исчерпывающий перечень основания для досрочного прекращения полномочий депутата Совета.

Статья 8, пункт 2 (об административном контроле за деятельностью органов местного самоуправления). Административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления, как правило, преследует лишь цели обеспечения соблюдения законности и конституционных принципов. Решения, принятые органами местного самоуправления в рамках своей компетенции, могут быть отменены или признаны неконституционными лишь по причине противоречия Конституции и закону. Административный контроль за целесообразностью осуществляется вы-

шестоящими органами власти только в отношении задач, выполнение которых поручено органам местного самоуправления. На протяжении длительного периода времени законодательство предусматривало возможность отмены решений нижестоящих Советов и исполнительных органов вышестоящими, причём отмены не только из-за несоответствия законодательству, но и по своему усмотрению.

Статья 9, пункты 1, 2 и 3 (о финансовых ресурсах органов местного самоуправления). Органы местного самоуправления имеют право на обладание собственными финансовыми ресурсами, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих полномочий. Однако надо признать, что одной из трудно решаемых является проблема финансово-экономической основы функционирования местного самоуправления.

Финансовые ресурсы органов местного самоуправления пока еще не соразмерны полномочиям, предоставленным им Конституцией или законом. Часть финансовых ресурсов органов местного самоуправления пополняется за счет местных сборов и налогов, ставки которых органы местного самоуправления вправе определять в пределах, установленных законом. Соответствующие полномочия предусмотрены Конституцией, Законом «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» и Налоговым кодексом.

Согласно статье 8 Конституции Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Это создает хороший правовой фундамент для реализации в нашем национальном законодательстве если не всех норм Европейской хартии местного самоуправления, то содержащихся в ней принципов.

Статья 10, пункт 1 (о праве местных органов самоуправления на ассоциацию). Советы в целях эффективного осуществления своих полномочий, защиты общих интересов и оказания взаимопомощи в решении вопросов местного значения, иного содействия осуществлению функций местного самоуправления вправе создавать объединения в форме ассоциаций Советов. Ассоциации Советов, Минский городской Совет могут создавать Национальную ассоциацию местных Советов депутатов (ст. 7 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»).

Советы базового уровня в пределах своей компетенции проводят региональные собрания депутатов Советов с участием депутатов Советов всех территориальных уровней, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь от соответствующих избирательного округа и административно-территориальной единицы, с приглашением представителей органов территориального общественного самоуправления, общественных объединений, на которых заслушивают информацию руководителей исполнительных и распорядительных органов и Советов о социально-экономическом развитии соответствующих административно-территориальных единиц и рассматривают другие вопросы, наиболее волнующие население (ст. 19 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»).

В настоящее время в ряде областей такие ассоциации созданы.

Статья 11 (о правовой защите местного самоуправления). Органы местного самоуправления имеют право на судебную защиту для обеспечения свободного осуществления ими своих полномочий и соблюдения закрепленных в Конституции или внутреннем законодательстве принципов местного самоуправления. Обеспечивается нормами Гражданского процессуального права.

Кроме того, на национальном уровне обеспечивается реализация пункта 6 хартии о соответствии структур и административных средств задачам органов местного самоуправления, требования подпунктов 2 и 3 статьи 7, подпунктов 1 и 3 пункта 8, подпунктов 5, 6, 7 пункта 9, подпунктов 2 и 3 пункта 10 и ряда других Европейской хартии.

Таким образом, если сопоставить нормы Европейской хартии и нормы национального законодательства о местном самоуправлении, то существенных различий мы не обнаружим. Вопрос, на наш взгляд, преимущественно заключается лишь в некотором «повороте» текущего законодательства и активизации работы самих Советов депутатов.

Конечно, есть проблемы и направления, по которым более активно можно было бы развивать законодательство и правоприменительную практику. Конституция позволяет это делать, при необходимости – можно корректировать текущее законодательство.

Органы народного представительства, т. е. Советы депутатов, надо вывести в реальности на более высокий уровень влияния по отношению к местной исполнительной власти. Часто в качестве уязвимого места называют недостаточность полномочий по формированию местных исполнительных органов. Но есть иные существенные рычаги реального влияния на исполнительную власть со стороны местного Совета депутатов, в частности, при утверждении программ, бюджета и отчета о его исполнении. Местные Советы здесь могут быть более требовательными.

Финансово-экономическая основа органов местного самоуправления должна быть укреплена. В коммунальной собственности, к сожалению, находятся в основном убыточные организации. Важно подготовить слой активных менеджеров, смелее идти на приватизацию этих объектов. Прием на такие должности следовало бы осуществлять по конкурсу.

Следует провести работу по перераспределению налоговой базы и изменению порядка зачисления налогов в пользу местного уровня, использованию внебюджетных фондов. Необходимо развивать местную демократию посредством проведения местных референдумов как императивных, так и консультативных.

Дальнейшие шаги для обеспечения более тесной связи местных органов с населением надо обеспечить, используя информационные технологии. Здесь потенциал еще полностью не задействован. Более основательными должны быть сайты местных Советов, полезно сделать эти сайты площадкой для возможных опросов населения, отчетов депутатов перед избирателями и сбора отзывов о таких отчетах и обсуждениях. Информационные технологии могут быть использованы для сбора подписей под публичной инициативой по вопросам общественного значения, публичного обсуждения проектов решений. По нашему мнению, на законодательном уровне следовало бы закрепить требование о размещении программ победивших кандидатов, с которыми они шли на выборы, а также принятие сводной программы Совета депутатов с учетом предвыборных обещаний.

Полезным было бы участие представителей ОТОСов в обсуждении кандидатуры при избрании Председателя Совета. Здесь могут быть задействованы координационные районные советы ОТОСов. Вообще полезным было бы реализовать идею так называемых больших местных Советов, в работе которых при решении наиболее важных вопросов, например, утверждении программ, местного бюджета, отчета о его исполнении, принимали бы участие не только депутаты, но с правом совещательного органа члены ОТОСов, а также члены общественных консультативных советов, создаваемых из представителей организаций, расположенных на территории АТЕ.

Пришло время создания предусмотренной статьей 7 закона о местном управлении и самоуправлении Национальной ассоциации местных Советов депутатов. Для усиления контрольной деятельности со стороны местных Советов депутатов, обеспечения многополярности мнений полезно предусмотреть в Избирательном кодексе возможность проведения выборов в местные Советы, например в областные, используя пропорциональную либо смешанную систему выборов.

Наше законодательство в последние десятилетия развивается динамично, причем в интересах всего народа. Это заставляет действовать без радикальных шагов, но поступательно, в русле современных тенденций, включая и развитие местного самоуправления. Здесь весьма важен европейский опыт, использование которого может быть полезным для нашего государства и общества.

Список использованных источников

1. Бондарь, Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России / Н. С. Бондарь. – М. : Норма, 2008. – 591 с.
2. Становление гражданского общества в России: личность, самоуправление, власть / под ред. Т. Д. Зражевской. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 365 с.

3. Сидорчук, В. К. История права о местном самоуправлении Беларуси / В. К. Сидорчук // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. пр., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння праф. І. А. Юхо / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. А. Балашэнка [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 418–428.
4. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права : дапам. / Я. Юхо [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2000. – 127 с.
5. Круталевич, В. А. На путях национального самоопределения: БНР-БССР-РБ / В. А. Круталевич ; под ред. В. Г. Гавриленко. – Минск : Право и экономика, 1995. – 139 с.
6. Дунаева, Н. А. Модернизационный потенциал крестьянского общинного самоуправления в дореволюционной России (конец XIX – начало XX века) / Н. А. Дунаева // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2008. – № 3. – С. 23–27.
7. Райснер, М. А. Государство буржуазии и РСФСР : в 3 ч. / М. А. Райснер. – М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. – 420 с.
8. Кобаса, М. Местное самоуправление в Беларуси – как превратить миф в реальность [Электронный ресурс] : аналит. док. / М. Кобаса. – Минск : [б. и.], 2011. – Режим доступа: http://www.sym-pa-by.eu/sites/default/files/library/booklet_kobasa.pdf. – Дата доступа: 04.04.2020.
9. Григорьев, В. А. Эволюция местного самоуправления: отечественная и зарубежная практика / В. А. Григорьев. – Киев : Истина, 2005. – 424 с.
10. Садовникова, Г. Д. Представительная демократия: от идеи к реализации / Г. Д. Садовникова. – М. : Изд-во гуманитар. лит., 2008. – 224 с.
11. Проблемы народного представительства в Российской Федерации : сб. ст. / под ред. С. А. Авакьяна. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 180 с.
12. Смола, М. Г. Местное самоуправление: некоторые проблемы организации и деятельности / М. Г. Смола, Г. В. Ветроумов // Юрид. вестн. – 1996. – № 2. – С. 72–74.
13. Барабашев, Г. В. О хартиях местного самоуправления в США / Г. В. Барабашев // Государство и право. – 1994. – № 5. – С. 126–133.
14. Карлов, А. С. Территориальное общественное самоуправление: проблемы и перспективы развития / А. С. Карлов // Выборы и иные формы непосредственной демократии в системе местного самоуправления: модернизация, эффективность, ответственность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (2–5 июня 2011, г. Самара) / Правительство Самар. обл. [и др.] ; под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. – Самара, 2012. – С. 370–375.

References

1. Bondar' N. S. *Local government and constitutional justice: constitutionalization of municipal democracy in Russia*. Moscow, Norma Publ., 2008. 591 p. (in Russian).
2. Zrazhevskaya T. D. (ed.). *The formation of civil society: personality, self-government, power*. Voronezh, Publishing House of the Voronezh State University, 2002. 365 p. (in Russian).
3. Sidorchuk V. K. History of the law on local self-government of Belarus. *Gistoryya i suchasnasts': belaruskaya dzyarzhavnasts' va uskhodneeurapeiskim tsyvilizatsyynym kantektstse: zbornik navukovykh prats, prysvechanykh 90-goddzju z dnya narodzhennya profesara I. A. Yukho* [History and modernity: Belarusian statehood in the Eastern European civilizational context: a collection of scientific works dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor I.A. Yukho]. Minsk, 2012, pp. 418–428 (in Russian).
4. Yukho Ya., Abramovich A., Dounar T., Satolin U. *Dagavors and grammars of the Crimean feudal law of Belarus*. Minsk, Belarusian State University, 2000. 127 p. (in Belarusian).
5. Krutalevich V. A. *On the path of national self-determination: BNR-BSSR-RB*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 1995. 139 p. (in Russian).
6. Dunaeva N. A. The modernizing potential of the peasant commune self-government in the pre-revolutionary Russia (the end of XIX – the beginning of XX centuries). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2008, no. 3, pp. 23–27 (in Russian).
7. Raisner M. A. *State of the bourgeoisie and the RSFSR*. Moscow, Petrograd, State publishing house, 1923. 420 p. (in Russian).
8. Kobasa M. *Local government in Belarus – how to turn a myth into reality*. Minsk, 2011. Available at: http://www.sym-pa-by.eu/sites/default/files/library/booklet_kobasa.pdf (accessed 04.04.2020) (in Russian).
9. Grigor'ev V. A. *The evolution of local government: domestic and foreign practice*. Kiev, Istina Publ., 2005. 424 p. (in Russian).
10. Sadovnikova G. D. *Representative democracy: from idea to implementation*. Moscow, Publishing House of humanitarian literature, 2008. 224 p. (in Russian).
11. Avakyan S. A. (ed). *Problems of popular representation in the Russian Federation: collection of articles*. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1998. 180 p. (in Russian).
12. Smola M. G., Vetroumov G. V. Local government: some problems of organization and activities. *Yuridicheskii vestnik* [Legal Bulletin], 1996, no. 2, pp. 72–74 (in Russian).
13. Barabashev G. V. On the charter of local government in the United States. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1994, no. 5, pp. 126–133 (in Russian).

14. Karlov A. S. Territorial public self-government: problems and development prospects. *Vybory i inye formy neposredstvennoi demokratii v sisteme mestnogo samoupravleniya: modernizatsiya, effektivnost', otvetstvennost': materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (2–5 iyunya 2011, g. Samara)* [Elections and other forms of direct democracy in the system of local self-government: modernization, efficiency, responsibility: materials of the International scientific and practical conference (Samara, June 2–5, 2011)]. Samara, 2012, pp. 370–375 (in Russian).

Информация об авторе

Василевич Григорий Алексеевич – член-корреспондент, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Gregory_1@tut.by

Information about the author

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding Member, D. Sc. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Faculty of Law. Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: Gregory_1@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 338.1(001.89+001.92):(476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-367-376>

Поступила в редакцию 29.04.2020
Received 29.04.2020

В. И. Бельский¹, Д. В. Примшиц², Л. Г. Тригубович²

¹*Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь*

²*Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

**РАЗВИТИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ АКАДЕМИЧЕСКИХ
КЛАСТЕРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ УСИЛЕНИЯ ЭКСПЕРТНОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена вопросам создания аналитических центров в академической среде. На основе систематизации современной теоретико-методологической базы дается определение аналитическим центрам, приводятся их отличительные черты в сравнении с традиционными научно-исследовательскими организациями, конкретизируется функциональное поле задач, которые они решают. Установлено, что аналитические центры во многих странах мира являются перспективным инструментом усиления научно-аналитического сопровождения правительств и повышения эффективности государственного управления. Отмечается, что роль академических аналитических центров возрастает именно сейчас, в период глобальных внешних трансформаций, неустойчивости традиционных рынков сбыта отечественной продукции, новых экзогенных социально-экономических и информационных вызовов белорусской государственности, когда система национального и местного управления остро нуждается в научно-аналитической подпитке. Излагается подход к организации научно-аналитического сопровождения работы междисциплинарных научно-исследовательских и научно-технологических поисковых кластеров Национальной академии наук Беларуси, коммерциализации результатов прикладных научных исследований и экспертной поддержки профильных органов государственного управления. Делается вывод, что создание новых аналитических центров в составе кластерных структур Национальной академии наук Беларуси позволит более полно использовать интеллектуальный потенциал академического сообщества для решения приоритетных государственных задач.

Ключевые слова: аналитические центры, междисциплинарные кластеры, научно-аналитическое сопровождение, мозговые центры, коммерциализация, научно-исследовательская деятельность

Для цитирования: Бельский, В. И. Развитие аналитических компетенций академических кластеров как инструмент усиления экспертного сопровождения государственного управления / В. И. Бельский, Д. В. Примшиц, Л. Г. Тригубович // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 367–376. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-367-376>

Valery I. Belski¹, Dmitry V. Primschitz², Larisa G. Trigubovich²

¹*Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus*

²*Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

**DEVELOPMENT OF ANALYTICAL COMPETENCIES OF ACADEMIC CLUSTERS AS A TOOL
FOR STRENGTHENING EXPERT SUPPORT OF PUBLIC ADMINISTRATION**

Abstract. The article is devoted to the creation of think tanks in the academic environment. Based on systematization of the modern theoretical base, think tanks are defined, their distinctive features in comparison with traditional research institutions are given, and the functional field of tasks that they solve is specified. It is established that analytical centers in many countries of the world are a promising tool for strengthening the scientific and analytical support of governments and improving the efficiency of public administration. The role of academic think tanks is growing right now, in a period of global external transformations, instability of traditional markets for domestic products, new exogenous socio-economic and informational challenges for Belarusian state when the national and local government is in urgent need of scientific and analytical support. An approach to the organization of scientific and analytical support for interdisciplinary clusters of the National Academy of Sciences of Belarus, commercialization of applied research results and support of specialized public administra-

tion bodies is presented. It is concluded that the creation of new analytical centers within the cluster structures of the National Academy of Sciences of Belarus will allow using all the intellectual potential of the academic community to solve priority state tasks.

Keywords: think tanks, analytical centers, interdisciplinary clusters, scientific and analytical support, commercialization, research and development

For citation: Belski V. I., Primschitz D. V., Trigubovich L. G. Development of analytical competencies of academic clusters as a tool for strengthening expert support of public administration. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 367–376 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-367-376>

Введение. В условиях нарастающей глобализации и экспоненциального роста объемов первичной информации органы государственного управления, вырабатывающие важные решения в области внешней и внутренней политики, часто сталкиваются с проблемой дефицита временных и кадровых ресурсов для всестороннего причинно-следственного анализа обстановки, учета множества факторов и интересов, обоснованного прогноза рисков и возможных последствий вотума.

В январе 2020 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко поручил усилить экспертно-аналитическое сопровождение деятельности органов государственного управления, обеспечивающих выработку проектов решений в области социально-экономического развития страны. Они неизменно должны быть нацелены на стимулирование экономического роста, повышение уровня благосостояния и социальной защищенности населения [1].

Решение указанной задачи предполагает дальнейшее совершенствование системы генерирования, адаптации и трансфера научных знаний, полученных на основе многолетних фундаментальных, поисковых и прикладных исследований, из академической среды в систему органов государственного управления. В настоящее время объективно требуется усиление прикладной направленности научных разработок, но не столько за счет сокращения фундаментальных исследований, сколько за счет развития системы научно-аналитического сопровождения профильных органов государственного управления, усиления двустороннего взаимодействия, повышения практической востребованности исследований, более активного внедрения современных методов научно-технологического предвидения, своевременного нацеливания вектора фундаментального научного поиска на будущие потребности реального сектора экономики.

Такой подход значительно повышает роль всей белорусской науки и, прежде всего, Национальной академии наук Беларуси как интеллектуального и экспертного центра страны, ядра системы генерации новых идей и знаний, национальной научно-производственной корпорации.

Международный опыт обеспечения научно-аналитического сопровождения органов государственного управления, прежде всего США, Китая, Великобритании, Индии, Германии, Франции, свидетельствует, что действенной мерой усиления научно-аналитического сопровождения правительств и общего повышения эффективности государственного управления является организация работы новых и развитие существующих аналитических центров [2].

Аналитические центры как перспективный инструмент научно-аналитического сопровождения органов государственного управления. Исследования аналитических центров как субъектов экспертно-аналитического обеспечения органов государственного управления, их типологии, функций, форм взаимодействия с лицами, принимающими решения, приведены в трудах зарубежных ученых Б. Виллегаса, Г. О’Доннела, Д. Норта, Д. Стоуна, Д. Харта, Д. Абельсона, Дж. Макгэна, Дж. Марча, Дж. Хеллмана, Дж. Смита, К. Уивера, Л. Даймонда, М. Ахмада, М. Долни, Н. Рабла, П. Хайэса, П. Холла, П. Диксона, С. Буше, С. Лэди, С. Тримбэта, Т. Корнелла, У. Данна, Ф. Шмиттера, Х. Уоллэка, Ш. Бедера, Э. Рича, Э. Джонсона и др., а также отечественных ученых – А. Ю. Сунгурова, В. А. Филиппова, В. Е. Улаховича, В. Л. Римского, Е. В. Клицунова, Е. О. Ковалишина, И. Л. Шейдина, И. Я. Кобринской, И. Н. Комиссиной, М. А. Хрусталева, Н. А. Медушевского, О. Л. Антоненко, С. П. Перегудова, Т. И. Виноградовой, Ф. Г. Войталовского и др.

Основываясь на результатах систематизации современной теоретико-методологической базы функционирования экспертно-аналитических структур, под аналитическими («мозговыми») центрами целесообразно понимать исследовательские экспертно-аналитические струк-

туры, осуществляющие перманентный анализ ситуаций, выработку проектов важных управленческих решений, разработку стратегий и программ нивелирования актуальных проблем [3]. Они во многом являются результатом институционализации научной деятельности, для которой характерны профессионализация и специализация научных знаний, повышение репутации науки и научных форм познания, концентрация интеллектуальных ресурсов научным сообществом. В результате аналитические центры оказываются включенными в процесс принятия важных политических и социально-экономических решений и таким образом обретают статус субъекта экспертно-аналитического обеспечения органов государственного управления.

Важнейшими отличительными чертами аналитических центров в сравнении с традиционными научно-исследовательскими организациями являются ориентированность на прикладные исследования и разработки, трансдисциплинарное применение новых знаний, прямое взаимодействие с лицами, принимающими решения, перманентный анализ ситуации и выработка практико-ориентированных рекомендаций. Как справедливо отмечал П. Диксон, базовое кредо аналитических центров составляют «исследования, результатом которых являются идеи, анализ и альтернативы, в которых заинтересованы те, кто делает политику» [4].

Утилитарная значимость деятельности аналитических центров проявляется в обширном функциональном поле задач, которые они решают. Многие исследователи, в том числе Д. Макгэн [5], К. Уивер [6], С. Реймонд [7], сходятся во мнении относительно реперных функций аналитических центров. Опираясь на различные подходы к их типологизации, можно выделить несколько базовых групп функций, которые выполняет любая экспертно-аналитическая структура вне зависимости от прикладного назначения и региональной специфики своей деятельности.

Во-первых, научно-исследовательская и аналитическая группа функций. Продуцирование аналитического продукта, имеющего выраженное прикладное значение, невозможно без развитых теоретическо-методологических знаний о закономерностях функционирования предмета и условий развития объекта исследования. Наличие подобных знаний базируется на результатах фундаментальных исследований, которые описывают закономерности и отношения, лежащие в основе явления, учитывают эмпирический опыт его развития, и предъявляет высокие требования к квалификации непосредственных участников научной и экспертно-аналитической деятельности. Как правило, это зрелые ученые с многолетним опытом научно-исследовательской работы и десятками научных публикаций, признанных академическим сообществом. Другая многочисленная группа сотрудников «мозговых» центров – аналитики, осуществляющие сбор первичной информации, ее систематизацию и обработку.

Выполнение аналитической функции мозговыми центрами предусматривает перманентное повторение аналитического цикла с целью продуцирования и распространения высококачественного аналитического продукта, который воплощается в информационно-аналитических и аналитических записках, докладах, справках и рекомендациях [8].

Для этого аналитическая группа «мозгового» центра после постановки соответствующей задачи деконструирует проблему, разрабатывает план сбора первичной информации (в том числе материалы СМИ, открытую информацию, коммерческие данные, аналитические работы отдельных экспертов, академические материалы и т. д.), определяет методы идентификации, верификации и систематизации информации, выполняет ее анализ для выявления причинно-следственных связей и выработки соответствующего аналитического продукта.

Во-вторых, группа функций, связанных со взаимодействием с общественностью и идеологическим сопровождением деятельности органов государственного управления, которая подразумевает распространение аналитическими центрами позиций, взглядов, фактов, аргументов и других сведений с целью формирования общественного мнения или решения иных задач идеологической направленности.

Аналитические центры часто выступают в роли «пропагандистов» [9] принятых органами государственного управления решений. Например, публикация аналитических докладов (рейтингов, заключений, опросов общественного мнения и др.) способна вызвать значительный общественный резонанс, одновременно решая задачи разъяснения широкой целевой аудитории правильности и безальтернативности принятых или планируемых вотумов.

Для этого представители аналитических центров принимают участие в разнообразных мероприятиях (дебаты, слушания, публичная работа экспертных комиссий и секторальных групп, членство в консультационных и совещательных органах) в качестве приглашенных экспертов, что позволяет им доносить результаты своей научно-аналитической деятельности и видение сценариев решения насущных социально-политических проблем.

Для продвижения аналитического продукта аналитические центры часто используют различные дискуссионные формы коммуникации с зарубежными партнерами, средствами массовой информации, экспертным сообществом. Так, аналитические структуры активно направляют своих представителей для участия в международных симпозиумах, форумах, конференциях, семинарах, круглых столах, дают интервью зарубежным СМИ, выступают в новостных и тематических теле- и радиопередачах за границей. Деятельность подобных дискуссионных площадок направлена на обеспечение механизмов эффективного взаимодействия между властью, экспертами и обществом, что де-факто формирует практику современной публичной политики [10].

Другой эффективной формой международного продвижения прогосударственных позиций является регулярная публикация в ведущих зарубежных научных и научно-популярных изданиях статей и материалов по актуальным аспектам реализации государственной политики, выпуск собственных журналов, востребованных иностранным экспертным сообществом. Таким образом осуществляется диссеминирование аналитического продукта в той мере, которая соответствует интересам органа государственного управления (или другой обслуживаемой аналитическим центром социальной группы).

В-третьих, группа функций, связанных с подготовкой практико-ориентированных рекомендаций. В связи с тем, что лица, принимающие решения, существенно ограничены во времени для самостоятельного всестороннего причинно-следственного анализа проблематики, они постоянно нуждаются в реалистичных рекомендациях по совершенствованию того или иного аспекта. Обычно это краткая информация, насыщенная актуальными статистическими данными и примерами реализации международного опыта, отражающая современное состояние проблемы и конкретные рекомендации по ее решению.

Вырабатываемый аналитический продукт, как правило, обладает относительно краткосрочной актуальностью и не доступен для широкой общественности. Например, подготовка вступительных речей, программных заявлений, концепций и прогнозов развития, стратегий и т. д. не только имеет ограниченную во времени актуальность, но и предъявляет дополнительные требования к квалификации сотрудников аналитических центров [11]. В этом случае дополнительно необходимы специалисты-практики, имеющие значительный опыт работы в той или иной сфере, а также спичрайтеры, способные расставить смысловые акценты и исчерпывающе подать любой тезис.

Специфика функционирования аналитических центров как инструмента экспертно-аналитического обеспечения деятельности органов государственного управления формирует особый сплав деловых и личных качеств у занятых в подобных структурах сотрудников. Высокая научная и аналитическая квалификация, умение решать задачи в сжатые сроки, учитывать все пожелания заказчика и структурированно формулировать мысли обусловили кадровую функцию аналитических центров. Суть ее состоит в том, что сотрудники экспертно-аналитических структур выступают своеобразным кадровым резервом для органов государственного управления и лиц, принимающих решения, которые идут на повышение, занимая более высокие должностные позиции. Часто наблюдается также обратный процесс, когда высокопоставленные чиновники после выхода в отставку назначаются на руководящие посты в мозговые центры. Этот двусторонний феномен кадровой подпитки получил название «вращающиеся двери» [12].

Перспективные направления развития аналитических компетенций в Национальной академии наук Беларуси. В Национальной академии наук Беларуси создана и активно развивается система из междисциплинарных научно-исследовательских и научно-технологических кластеров поискового и стратегического назначения. Подобные структуры представляют своеобразные научные объединения, призванные определить ключевые ориентиры научного поиска, сплотить наиболее способных ученых и сформировать базу для дальнейшего ускоренного про-

движения теоретических и прикладных результатов. Главная цель создания кластерных структур в Национальной академии наук Беларуси состоит в том, чтобы «не только поднять престиж и результативность отечественной науки, стать вровень с ведущими мировыми научными центрами, обеспечить прорывной характер развития национальной экономики, но и создать максимум возможностей для свободного творческого труда и надежного закрепления талантливых кадров» [13].

Деятельность научных кластеров призвана охватить все этапы технологической цепочки создания стоимости, начиная от проведения фундаментальных исследований и заканчивая внедрением завершенных научных разработок в производство. В будущем планируется широкое вовлечение в них ведущих белорусских наукоемких предприятий и субъектов малого и среднего инновационного бизнеса с целью создания в перспективе единой сети кластеров академической, вузовской и отраслевой (корпоративной) науки.

В современных условиях интенсификации информационного развития и эволюционного становления интеллектуальной экономики на основе сквозной цифровизации, развития новейших технологий и экспоненциального увеличения потоков научно-технической информации особую актуальность приобретает организация действенного информационно-аналитического сопровождения сети междисциплинарных научно-исследовательских и научно-технологических поисковых кластеров Национальной академии наук Беларуси.

Для этого по мере организационного наращивания научно-производственного потенциала кластерных структур в составе Национальной академии наук Беларуси, на базе наиболее прогрессивных из них представляется целесообразным создавать аналитические центры, ориентированные на более полное использование интеллектуального потенциала академической науки для решения приоритетных государственных задач, в том числе экспертно-аналитического сопровождения работы профильных органов государственного управления посредством всесторонней оценки рисков перспективных управленческих решений, разработки концепций, стратегий и программ развития целевых сфер.

Необходимость создания новых аналитических структур в устоявшейся и в целом сбалансированной организационной структуре отечественной академической науки обусловлена следующими императивами.

Во-первых, требованием Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко «повернуть коллектив [Национальной академии наук Беларуси], все институты и лаборатории лицом к нуждам республики, к народному хозяйству. Переориентировать ученых с привычных для них весьма отвлеченных проблем фундаментальной науки на прикладные задачи, ориентированные на нашу экономику. Словом, вывести Академию наук из своеобразной изоляции от общества и государства» [14, с. 7].

Во-вторых, необходимостью реализации ключевых положений стратегии «Наука и технологии: 2018–2040», задающей долгосрочные ориентиры построения национальной интеллектуальной экономики с целью создания высокоэффективного экономического комплекса, способного обеспечить высокий уровень жизни населения. Стратегией предусмотрено, в том числе, формирование сети экспертно-консалтинговых и инжиниринговых организаций (подразделений) для сопровождения научных проектов, реализации прав интеллектуальной собственности, комплексного внедрения технологий и разработки инновационных проектов [15].

В-третьих, императивом координации слаженного взаимодействия нескольких научных организаций различных отраслей науки на всех этапах инновационного процесса, начиная с идеи перспективного исследования и заканчивая его практическим приложением, а также обеспечения неразрывности цепочки «фундаментальные – поисковые – прикладные исследования – разработки – внедрение».

В-четвертых, необходимостью экономически эффективного разрешения антагонизма концептуальных подходов к организации коммерциализации результатов научной деятельности, который сводится к известной дилемме: должны ли ученые, выполняющие фундаментальные и прикладные исследования, самостоятельно «продавать» свои результаты; либо на основании разделения полномочий доводить их до коммерчески приемлемой формы (коммерческого продукта) под руководством проектных менеджеров, ответственных за коммерциализацию?

Аналитические центры призваны осуществлять оперативное и стратегическое исследование актуальных профильных (в соответствии с компетенцией кластерной структуры) проблем, а также потребностей и запросов реального сектора экономики. На основе имеющихся в кластерных структурах научных заделов и наработок в области изучения мирового опыта в разрешении обозначенных проблем аналитические центры производят интеллектуальный (аналитический) продукт, который направляется в профильные органы государственного управления.

Находясь в структуре Национальной академии наук Беларуси, аналитические центры будут выполнять функцию уполномоченных посредников, «интеллектуального моста», между академической наукой и системой государственного управления.

Главная задача аналитических центров в составе междисциплинарных научно-исследовательских поисковых кластеров – выступать генераторами новых и востребованных идей, предлагать профильным органам государственного управления инновационные решения и перспективные механизмы их реализации, продвигать прикладные академические разработки в реальный сектор экономики. Такой подход позволит в большей степени задействовать национальный научно-интеллектуальный потенциал для решения приоритетных государственных задач и будет способствовать повышению наукоемкости ВВП за счет внебюджетной составляющей.

Роль академических аналитических центров возрастает именно сейчас, в период глобальных внешних трансформаций, неустойчивости традиционных рынков сбыта отечественной продукции, новых экзогенных социально-экономических и информационных вызовов белорусской государственности, когда система национального и местного управления остро нуждается в научно-аналитической подпитке.

На начальном этапе представляется целесообразным определить 3–4 пилотных научных кластера (центра) Национальной академии наук Беларуси из числа наиболее развитых, имеющих сформированные научно-педагогические школы, серьезный научный задел, многолетний опыт руководства государственными программами научных исследований и выполнения поручений органов государственного управления. На первом этапе на базе головных организаций пилотных междисциплинарных научно-исследовательских поисковых кластеров целесообразно создать аналитические центры в статусе структурных подразделений (без прав юридического лица) организации.

Целью деятельности аналитических центров следует определить оперативное информационно-аналитическое сопровождение работы междисциплинарных научно-исследовательских и научно-технологических поисковых кластеров Национальной академии наук Беларуси, коммерциализации результатов прикладных научных исследований и сопровождения профильных органов государственного управления. Для этого потребуются возложить на аналитические центры решение следующих задач:

- информационное и экспертно-аналитическое обеспечение деятельности междисциплинарных научно-исследовательских поисковых кластеров и профильных органов государственного управления;

- сбор и систематизация данных о состоянии целевой сферы деятельности;

- проведение научных исследований и осуществление мониторинга развития ситуации в целевой сфере деятельности;

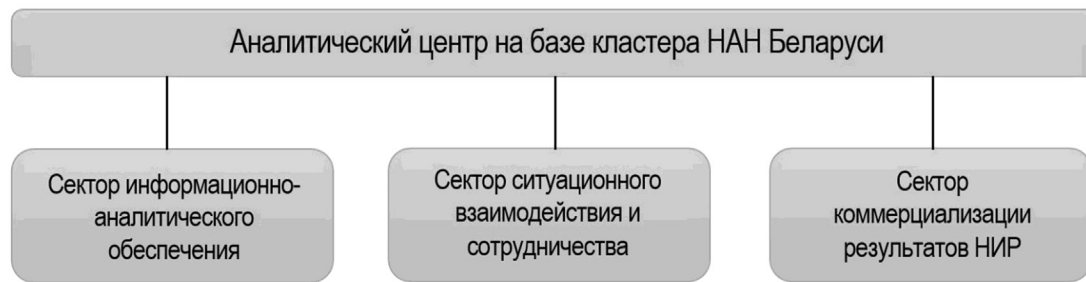
- выявление значимых ситуаций, их ранжирование по степени важности, видам и типам, формирование текущего перечня аналитических задач по складывающейся обстановке и по поручениям руководства;

- выработка вариантов решений по применению управляющих воздействий для достижения целевых ситуаций, формирование способов наглядного представления вариантов решения для ЛПР (оперативное планирование);

- прогнозирование развития обстановки на основе сформированных ситуационных моделей, в том числе и с учетом применения выработанных вариантов решений;

- обеспечение взаимодействия с профильным органом государственного управления, средствами массовой информации и зарубежными экспертами;

- коммерциализация результатов научно-исследовательской деятельности научных организаций междисциплинарного поискового кластера;

Общая организационная структура аналитического центра на базе кластера Национальной академии наук Беларуси (примечание: разработано авторами)

General organizational structure of the analytical center based on the cluster of the National Academy of Sciences of Belarus (note: developed by the authors)

– разработка практико-ориентированных решений приоритетных государственных задач и представление их в форме аналитических записок, докладов, системных рекомендаций, предложений, проектов стратегий и программ развития отраслей, комплексов, регионов или направлений деятельности в профильные органы государственного управления.

Безусловно, конкретные задачи и проблемное поле деятельности аналитических центров будут определяться спецификой работы кластера, а также проблем конкретной отрасли, региона или профильной сферы деятельности.

Начальная численность сотрудников аналитического центра предполагается в количестве 10 ставок (руководитель центра, заведующие секторами, научные сотрудники).

В структурно-функциональном плане работа аналитического центра представляется как взаимоувязанная совокупность трех базовых подразделений: информационно-аналитического сектора, сектора ситуационного взаимодействия и сотрудничества, сектора коммерциализации результатов научно-исследовательской работы (рисунок).

Функциональная направленность сектора информационно-аналитического обеспечения предусматривает сбор, систематизацию и структуризацию входных потоков информации, ситуационный анализ, выявление и оценку возникающих рисков, формирование оперативных и среднесрочных прогнозов и сценариев действий, подготовку информационно-аналитических материалов и поддержку процессов принятия решений по нормализации ситуации [16].

Предполагается, что аналитический центр обеспечивает представление руководителю организации (кластера) и по согласованию с ним – в профильные органы государственного управления не только результатов анализа текущей ситуации, но и многовариантных сценариев ее развития, что повышает точность среднесрочного прогнозирования.

Подразделение ситуационного взаимодействия и сотрудничества осуществляет взаимодействие с профильными органами государственного управления, хозяйствующими субъектами, средствами массовой информации и международным экспертным сообществом. Базовая задача – выявление потребностей министерств и ведомств на аналитический продукт, спроса на результаты прикладных исследований со стороны предприятий реального сектора экономики, экспертного продвижения интересов междисциплинарных научно-исследовательских поисковых кластеров и профильных органов государственного управления во внешней среде (в том числе в СМИ и за рубежом) и формирования соответствующего общественного мнения.

Сектор коммерциализации научных исследований обеспечивает сбор информации о разработках и перспективных инновационных проектах междисциплинарного кластера, консультирование научных подразделений кластера по вопросам трансформации научных разработок в итоговый коммерческий продукт с учетом пожеланий заказчиков, формирование баз данных перспективных научных разработок, разработку технико-экономических обоснований и бизнес-планов проектов по коммерциализации разработок, маркетинговое и патентное сопровождение перспективных разработок кластерной структуры на договорной основе, популяризацию научных достижений. Деятельность сектора должна быть направлена на конкретный ре-

зультат – получение и максимизацию коммерческой выгоды от внедрения научных разработок в практическую деятельность (производственный процесс).

Главным же результатом деятельности аналитического центра выступают создание алгоритмов практического решения конкретных проблем и коммерциализация результатов прикладных научных исследований кластерной структуры Национальной академии наук Беларуси. Важной отличительной особенностью функционирования аналитических центров на базе междисциплинарных кластеров в контексте коммерциализации результатов научно-исследовательской работы (в сравнении, например, с условным Центром коммерциализации на уровне Президиума НАН Беларуси) выступает полный учет научно-производственной специфики деятельности кластера.

После успешной апробации деятельности аналитических центров в качестве структурных подразделений головных организаций пилотных междисциплинарных научно-исследовательских и научно-технологических поисковых кластеров Национальной академии наук Беларуси, с учетом удовлетворенности госорганов информационно-аналитической поддержкой, наличия достаточных внебюджетных источников, системно получаемых на основе коммерциализации научных результатов и выполнения отдельных проектов научных исследований общегосударственного, отраслевого назначения, направленных на научно-техническое обеспечение деятельности Национальной академии наук Беларуси и органов государственного управления, можно будет принимать решение о реорганизации аналитических центров в самостоятельные с юридической точки зрения научно-аналитические учреждения (юридические лица) и распространении успешной практики на другие кластерные структуры Национальной академии наук Беларуси.

В последующем возможна интеграция аналитических центров в сетевые структуры для консолидации усилий по формированию общих позиций для решения масштабных и комплексных государственных задач развития [17].

Важно подчеркнуть, что создание аналитических центров позволит перевести аналитическую деятельность, осуществляемую организациями научного кластера, на профессиональную и консолидированную основу, обеспечить производство качественного и своевременного аналитического продукта – практико-ориентированных жизнеспособных решений приоритетных государственных задач, представленных в форме аналитических записок и докладов, системных рекомендаций и предложений, проектов стратегий и программ развития отраслей, комплексов, регионов или целевых направлений деятельности [18].

В качестве примера отметим создание в 2002 г. Аналитического центра Национальной академии наук Беларуси (позднее преобразован в ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси»), который успешно агрегирует и обеспечивает представление заинтересованным органам государственного управления результатов научно-исследовательской работы научных организаций экономического профиля Национальной академии наук Беларуси по широкому спектру вопросов научно-технологического и социально-экономического развития Республики Беларусь.

Другим примером успешной работы аналитических структур в составе Национальной академии наук является создание в октябре 2016 г. на базе Института экономики НАН Беларуси Белорусско-Китайского аналитического центра развития с целью аналитического обеспечения экономического, научно-технического и технологического сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой.

Помимо указанной цели и связанных с ней задач, Белорусско-Китайский аналитический центр развития [19] выполняет функции экспертно-аналитического обеспечения работы Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству и консультированию госорганов по вопросам двустороннего сотрудничества. Академическое изучение проблематики внешнеэкономического сотрудничества Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой сопровождается выработкой практико-ориентированных рекомендаций органам государственного управления по формированию и реализации государственной политики по широкому спектру вопросов двустороннего сотрудничества.

Выводы. Таким образом, создание новых аналитических центров в составе кластерных структур Национальной академии наук Беларуси позволит более полно использовать интеллектуальный потенциал академического сообщества для решения приоритетных государственных задач и внесет значительный вклад в экспертно-аналитическое обеспечение деятельности органов государственного управления Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Лукашенко поручил усилить экспертно-аналитическое обеспечение деятельности правительства [Электронный ресурс] // БЕЛТА. Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-poruchil-usilit-ekspertno-analiticheskoe-obespechenie-deyatelnosti-pravitelstva-377776-2020/>. – Дата доступа: 15.04.2020.
2. Кітайскі вопыт экспертна-аналітычнага суправаджэння дзейнасці органаў дзяржаўнага кіравання / Д. В. Примшиц [і інш.] ; пад рэд. С. Р. Голубева ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т эканомікі. – Мінск : Беларус. навука, 2020. – 269 с.
3. Примшиц, Д. В. «Мозговые центры» как инструмент экспертно-аналитического обеспечения органов государственного управления: опыт Китая – в интересах Беларуси / Д. В. Примшиц // Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза : материалы Второго белорус.-кит. гуманитар. науч. форума, Минск, 15–17 июня 2017 г. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т эканомікі ; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Минск, 2017. – С. 139–149.
4. Диксон, П. Фабрики мысли : [пер. с англ.] / П. Диксон. – М. : АСТ, 2004. – 505 с.
5. McGann, J. G. Think tanks and the transnationalization of foreign policy / J. G. McGann // Connections: The Quarterly J. – 2003. – Vol. 2, № 1. – P. 85–90. <https://doi.org/10.11610/connections.02.1.10>
6. Rich, E. Advocates and Analysts: think tanks and the politicization of expertise / E. Rich, R. K. Weaver // Interest group politics / ed.: A. J. Cigler, B. A. Loomis. – 5th ed. – Washington, 1998. – P. 235–253.
7. Struyk, R. Reconstructive critics: think tanks in post-Soviet bloc democracies / R. Struyk. – Washington : Urban Inst. Press, 1999. – 267 p.
8. Левкин, И. М. Основы информационно-аналитической работы : учеб. пособие / И. М. Левкин. – СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008. – 206 с.
9. Демидов, В. В. Зарубежные «Фабрики мысли»: общие принципы и методы работы / В. В. Демидов // Актуальные проблемы теории и истории международных отношений : сб. науч. тр. / под ред. Ю. П. Ивонина ; Новосибир. гос. ун-т экономики и упр. «НИНХ». – Новосибирск, 2013. – С. 182–198.
10. Сунгуров, А. Ю. Центры публичной политики: возможные направления анализа деятельности и основные функции / А. Ю. Сунгуров // Публичная политика – 2004 : сб. ст. / С.-Петербург. гуманитар.-политол. центр «Стратегия». – СПб., 2004. – С. 59–65.
11. Бельский, В. Формирование кадрового потенциала для инновационной сферы / В. Бельский, Л. Тригубович // Наука и инновации. – 2017. – № 12 (178). – С. 41–45.
12. Zhu, X. Think tanks in politically embedded knowledge regimes: Does the “revolving door” matter in China? / X. Zhu // Intern. Rev. of Administrative Sciences. – 2020. – Vol. 86, № 2. – P. 295–315. <https://doi.org/10.1177/0020852318776362>
13. Гусаков, В. О научных кластерах в Национальной академии наук Беларуси / В. Гусаков // Наука и инновации. – 2016. – № 1 (155). – С. 5–6.
14. Лукашенко, А. Г. Стратегия будущего / А. Г. Лукашенко // Докл. Нац. акад. наук Беларусі. – 2007. – Т. 51, спец. вып. – С. 4–28.
15. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» [Электронный ресурс] // Национальная академия наук Беларусі. – Режим доступа: nab.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Дата доступа: 12.12.2018.
16. От азбучных истин – к аналитическим центрам / В. Г. Анисимов [и др.] ; Ассоц. «Аналитика», Центр проблем. анализа и гос.-управленч. проектирования. – М. : Ин-т экон. стратегий, 2014. – 132 с.
17. Коренная, К. А. Аналитические центры: идентификация, генезис и перспективы развития / К. А. Коренная, О. В. Логиновский, В. Н. Любицын // Изв. высших учеб. заведений. Урал. регион. – 2011. – № 4. – С. 42–54.
18. Примшиц, Д. В. Концептуальный подход к организации научно-аналитического сопровождения деятельности междисциплинарных кластеров Национальной академии наук Беларусі / Д. В. Примшиц // Стратегия развития экономики Беларусі: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т эканомікі НАН Беларусі ; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Минск, 2019. – Т. 1. – С. 254–260.
19. Примшиц, Д. Аналитический авангард научно-гуманитарного сотрудничества Беларусі и Китая / Д. Примшиц // Наука и инновации. – 2019. – № 7 (197). – С. 15–19. <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2019-7-15-19>

References

1. Lukashenko instructed to strengthen expert and analytical support for the government's activities. *BELTA. Belarusian Telegraph Agency*. Available at: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-poruchil-usilit-ekspertno-analiticheskoe-obespechenie-deyatelnosti-pravitelstva-377776-2020/> (accessed 15.04.2020) (in Russian).
2. Primschitz D. V. (et al.). *Chinese experience of expert and analytical support for the activities of public administration bodies*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2020. 269 p. (in Belarusian).

3. Primschitz D. V. «Think tanks» as a tool for expert and analytical support of public administration bodies: the experience of China – in the interests of Belarus. *Problemy sopryazheniya Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti i Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza: materialy Vtorogo belorussko-kitaiskogo gumanitarnogo nauchnogo foruma, Minsk, 15–17 iyunya 2017 g.* [Problems of linking the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union: proceedings of the Second Belarusian-Chinese Humanitarian Scientific Forum, Minsk, June 15–17, 2017]. Minsk, 2017, pp. 139–149 (in Russian).
4. Dickson P. *Think tanks*. New York, Atheneum, 1972. 369 p.
5. McGann, J. G. Think tanks and the transnationalization of foreign policy. *Connections: The Quarterly Journal*, 2003, vol. 2, no. 1, pp. 85–90. <https://doi.org/10.11610/connections.02.1.10>.
6. Rich E., Weaver K. Advocates and analysts: think tanks and the politicization of expertise. *Interest group politics*. 5th ed. Washington, 1998, pp. 235–253.
7. Struyk R. *Reconstructive critics: think tanks in post-Soviet bloc democracies*. Washington, Urban Institute Press, 1999. 267 p.
8. Levkin I. M. *Fundamentals of information and analytical work*. St. Petersburg, Northwest Academy of Public Administration Publishing House, 2008. 206 p. (in Russian).
9. Demidov V. V. Foreign «think tanks»: general principles and methods of work. *Aktual'nye problemy teorii i istorii mezhdunarodnykh otnoshenii: sbornik nauchnykh trudov* [Actual problems of the theory and history of international relations: collection papers]. Novosibirsk, 2013, pp. 182–198 (in Russian).
10. Sungurov A. Yu. Centers of public policy: possible directions of activity analysis and main functions. *Publichnaya politika – 2004: sbornik statei* [Public policy – 2004: collection papers]. St. Petersburg, 2004, pp. 59–65 (in Russian).
11. Belski V., Trigubovich L. The problem of innovative personnel potential formation. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, 2017, no. 12 (178), pp. 41–45 (in Russian).
12. Zhu X. Think tanks in politically embedded knowledge regimes: Does the “revolving door” matter in China? *International Review of Administrative Sciences*, 2020, vol. 86, no. 2, pp. 295–315. <https://doi.org/10.1177/0020852318776362>
13. Gusakov V. On the research clusters at the National Academy of Sciences of Belarus. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, 2016, no. 1 (155), pp. 5–6 (in Russian).
14. Lukashenko A. G. Strategy of the future. *Doklady Natsional'noi akademii nauk Belarusi = Doklady of the National Academy of Sciences of Belarus*, 2007, spec. iss., pp. 4–28 (in Russian).
15. Strategy «Science and technology: 2018–2040». *National Academy of Sciences of Belarus*. Available at: nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf (accessed 12.12.2018) (in Russian).
16. Anisimov V. G. (et al.). *From ABC truths – to think tanks*. Moscow, Institute of Economic Strategies, 2014. 132 p. (in Russian).
17. Korennaya K. A., Loginovskii O. V., Lyubitsyn V. N. The analytical centers: identification, genesis and development prospects. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ural'skii region* [Proceedings of higher educational institutions. Ural region], 2011, no. 4, pp. 42–54 (in Russian).
18. Primschitz D. V. Organization of scientific and analytical support of interdisciplinary clusters of the National Academy of Sciences of Belarus. *Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizatsii i perspektivy: sbornik nauchnykh statei* [Strategy for the development of the economy of Belarus: challenges, implementation tools and prospects: collection of scientific papers]. Minsk, 2019, vol. 1, pp. 254–260 (in Russian).
19. Primschitz D. V. Analytical avant-garde of the Belarusian-Chinese scientific and humanitarian cooperation. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, 2019, no. 7 (197), pp. 15–19 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2019-7-15-19>

Информация об авторах

Бельский Валерий Иванович – доктор экономических наук, доцент, заместитель главы Администрации Президента Республики Беларусь (ул. Карла Маркса, 38, 220016, Минск, Республика Беларусь). E-mail: primschitz@economics.basnet.by

Примшиц Дмитрий Витольдович – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной и инновационной работе. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: primschitz@economics.basnet.by

Тригубович Лариса Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: trigubovich@economics.basnet.by

Information about the authors

Valery I. Belski – D. Sc. (Econ.), Associate Professor, Deputy Head Administration of the President of the Republic of Belarus (38 Karl Marx Str., Minsk 220016, Belarus). E-mail: primschitz@economics.basnet.by

Dmitry V. Primschitz – Ph. D. (Econ.), Deputy Director for Research and Innovation of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: primschitz@economics.basnet.by

Larisa G. Trigubovich – Ph. D. (Econ.), Associate Professor, Scientific secretary of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: trigubovich@economics.basnet.by

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-377-379>

Паступіў у рэдакцыю 27.11.2018
Received 27.11.2018

В. І. Русілка

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь

ГРУНТОЎНАЕ, НАВАТАРСКАЕ ДАСЛЕДАВАННЕ

У канцы 2017 г. пабачыла свет манаграфія супрацоўнікаў Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі Уладзіміра Гніламедава і Міколы Мікуліча “Літаратура. Гісторыя. Свядомасць” (Гніламедаў, У. Літаратура. Гісторыя. Свядомасць: гісторыка-літаратурны нарыс / У. Гніламедаў, М. Мікуліч. – Мінск: Беларуская навука, 2017. – 387 с.), якая, без сумненняў, з’яўляецца адной з самых значных кніг у беларускай гуманітарнай навуцы апошняга дзесяцігоддзя. Каб гэтае грунтоўнае, энцыклапедычнае, наватарскае выданне, якое ўжо атрымала высокую ацэнку ў друку, у прыватнасці, у прафесійных рэцэнзіях вядомых навукоўцаў Анжэлы Мельнікавай, Таццяны Падалаяк, Зінаіды Драздовай і іншых, не засталася не заўважаным чытацкай аўдыторыяй, я прапаную некалькі істотных, на мой погляд, прычын, па якіх кніга зробіць багацейшай любую прыватную бібліятэку.

Прычына першая і найбольш асабістая – мой абсалютны давер і глыбокая павага да аўтараў, з працамі і навуковай пазіцыяй якіх я знаёмая не адзін дзясятак гадоў. На навуковых работах акадэміка, доктара філалагічных навук, прафесара У. В. Гніламедава, колькасць якіх ужо перавысіла тысячу (у тым ліку 30 манаграфій), вырасла некалькі пакаленняў беларускіх літаратуразнаўцаў, дарэчы, многія з іх былі аспірантамі Уладзіміра Васільевіча і ведаюць яго як выдатнага даследчыка і прынцыповага чалавека. Істотна важным мне ўяўляецца тое, што У. Гніламедаў удала спалучае актыўную даследчыцкую дзейнасць з плённай літаратурнай творчасцю, – ужо ў XXI стагоддзі ён напісаў гістарычную эпопею з дзевяці выдатных раманаў, у якой вырашыў маштабную задачу: стварыў мастацкую гісторыю беларускага народа праз гісторыю сваёй сям’і, паказаў чалавека ў плыні часу XX стагоддзя, даў пераканальны прыклад нацыянальнага беларускага характару. Пра любую з’яву У. Гніламедаў умеє напісаць, не прыстасоўваючыся да павеваў часу, а аб’ектыўна і, што немалаважна, цікава і займальна як таленавіты пісьменнік. Другі аўтар кнігі “Літаратура. Гісторыя. Свядомасць”, Мікола Мікуліч, – маладзейшы, але таксама вядомы і аўтарытэтны даследчык. Ён – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык аддзела ўзаема сувязей літаратур, апублікаваў каля 400 навуковых работ, сярод якіх 15 грунтоўных кніг. Аўтары не ўпершыню працуюць “у тандэме” і, як мне здаецца, удала дапаўняюць агульную канцэпцыю асабістымі знаходкамі, свежымі поглядамі, своеасаблівай унутранай дыялогаваасцю апавядання.

Прычына другая – безумоўная надзённасць даследавання. Крызіс нацыянальнай, ментальнай самаідэнтыфікацыі, ідэнтычнасці – адна з найбольш вострых праблем сучаснасці. Глобалізацыя свету разбурае не толькі межы дзяржаў і народаў, але і духоўную цэласнасць асобы. І філосафы, і літаратуразнаўцы адзначаюць, што сучаснік вымушаны перажываць стан татальнай памежнасці, гібрыднасці, сцірання пэўнасці паміж сваім і іншым, чужым. Канцэптually значныя для беларускай літаратуры праблемы нацыянальнай спецыфікі прыгожага пісьменства, нацыянальнай

ідэі, увасобленай у мастацкім слове, духоўных асноў нацыянальнага характару, якія абумоўліваюць яго трывалы, канстантны характар, не губляюць сваёй актуальнасці з часоў В. Ластоўскага, М. Гарэцкага, М. Багдановіча, І. Канчэўскага, А. Цвікевіча і да пачатку XXI стагоддзя, калі адбываецца інтэнсіфікацыя вывучэння спецыфікі нацыянальнага характару і спосабаў яго рэпрэзентацыі ў мастацкім творы, пра што сведчаць работы У. Конана, Л. Гараніна, М. Тычыны, У. Гніламедава, М. Ермаловіча, А. Грыцкевіча, А. Ліса, І. Чароты, А. Яцкевіча, А. Мельнікавай, У. Навумовіча і інш. У гэтым кантэксце гісторыка-літаратурны нарыс У. Гніламедава і М. Мікуліча, у якім асэнсоўваецца праблема нацыянальнай свядомасці беларусаў, нацыянальнага характару праз гістарычны шлях беларускай літаратуры ад Ефрасінні Полацкай і Кірыла Тураўскага да М. Танка, І. Шамякіна, У. Караткевіча і нашых сучаснікаў, – чаканая і разлічаная на шырокага чытача таленавітая абагульняючая праца сістэмнага характару.

Прычына трэцяя – энцыклапедычны фармат даследавання. Заўсёды выклікаюць цікавасць працы, якія характарызуюць прадмет з найбольшай паўнатай. І ў гэтай сувязі дазволю сабе проста пералічыць асноўныя раздзелы кнігі, каб чытач меў магчымасць уявіць, якія гістарычныя эпохі развіцця грамадскай свядомасці асэнсоўваюцца праз прызму мастацкай літаратуры: “Этнічны ўзровень”, “Прырода. Ландшафт. Клімат”, “Язычніцтва. Мова”, “Гісторыя, Дзяржаўнасць. Хрысціянства”, “Тыпы і характары”, “Вялікае Княства Літоўскае”, “Пра характар Сярэднявечча”, “Рэнесанс”, “Рэфармацыя. Контррэфармацыя”, “Люблінская унія і яе наступствы”, “Барока”, “Заняпад”, “Litwo! Ojczyzno moja”, “Пад гнётам абставін. XIX ст.”, “У пачатку XX ст.”, “Будуўніцтва новага свету (1920 – 1930-я гады)”, “У Заходняй Беларусі (1921 – 1939)”, “Зварухніся, моц крывіцкая...”, “Паслухайце, вясна ідзе...”, “Вялікая Айчынная”, “Пасляваенны перыяд”, “Новыя далягляды”, “Учора, сёння і заўтра”. Засноўваючыся на выключна вялікім корпусе не толькі літаратуразнаўчых, але і прыродазнаўчых, філасофскіх, гістарычных навуковых крыніц, У. Гніламедаў і М. Мікуліч здолелі стварыць энцыклапедычна поўнае і акадэмічна глыбокае даследаванне вызначальных праблем айчынай літаратуры ў кантэксце сацыяльна-гістарычнага развіцця народа і фарміравання нацыянальнай свядомасці. Прасочваючы этнагенез беларусаў ад сівых вякоў, аўтары нарыса пераканальна ўдакладняюць многія традыцыйна-школьныя і студэнцкія ўяўленні: “Беларуская народнасць, такім чынам, утварылася не толькі з крывічоў, радзімічаў і дрыгавічоў, але і з яцвягаў, і дайноваў з актыўным удзелам у гэтым працэсе прадстаўнікоў народаў-эмігрантаў з Палабскай Русі, Памор’я і Прусіі” (с. 47). Крышку раней аўтары прыводзяць паэтычнае асэнсаванне балцкай асновы нашага этнасу, дадзенае ў вершы В. Зуёнкі: “Тым беларус і жывучы – / Кропелька балцкай крыві!..” (с. 11). Даследаванне змяшчае ў сабе мноства цікавых фактычных звестак побытавага, геаграфічнага, гістарычнага характару, якія робяць чытанне проста займальным. Так, гаворачы пра Вялікае Княства Літоўскае, аўтары маюць прыбабны, хоць і не ідэальны, вобраз князя Альгерда: “Ён быў другім сынам Гедыміна. Перавышаў братоў розумам і славалюбствам, веў жыццё цвярозае, дзейнае, не піў ні віна, ні моцнага мёду, не цярэў шумных баляванняў, быў заняты адзінай думкай пашырэння сваіх уладанняў. Дарэчы, не трымаўся заключаных дагавораў і заўсёды быў гатовы на вайну з суседзямі, калі толькі яна здавалася яму ў нечым карыснай. У 1362 г. адбылася бітва з імі на Сіняй Вадзе, у якой перамог князь Альгерд, адваяваўшы ў татарскіх ханаў Кіеў. Перамога ... стала пачаткам вызвалення ўсходнеславянскіх тэрыторый ад ардынскага панавання, папярэдніцай перамогі над ханам Мамаем на Куліковым полі ў 1380 г.” (с. 47). Гісторыя ВКЛ асэнсоўваецца ў цеснай сувязі са зместам тагачасных беларуска-літоўскіх літапісаў, як і іншыя гістарычныя звесткі – з літаратурным працэсам пэўнага часу.

Прычына чацвёртая – глыбокае, наватарскае даследаванне нацыянальнага характару беларусаў і яго ўвасаблення ў літаратуры, вызначэнне нашай нацыянальнай ідэнтычнасці. Вылучаючы адметныя рысы іншых народаў (амерыканцаў, англічан, немцаў, французцаў, рускіх, украінцаў), аўтары зазначаюць: “Беларуская нацыянальная свядомасць спалучае ў сабе адначасова прагматызм і ідэалізм... Беларускаму народу ўласціва вялікая працаздольнасць і працавітасць, вынослівасць і цяпенне, талерантнасць і дысцыплінаванасць... Беларуса паважалі і паважаюць за праўдалюбства, сумленнасць і цнатлівасць у грамадскім жыцці і асабістых учынках” (с. 8). На мой погляд, ідэальным літаратурным увасабленнем беларускага нацыянальнага характару

з’яўляецца герой раманаў самога У. Гніламедава Лявон Кужаль, аднак аўтары, вядома, звяртаюцца да іншых прыкладаў, ствараючы выключна поўную панараму беларускай літаратуры розных гістарычных перыядаў, у якой знайшлося месца і прызнаным класікам (Я. Коласу, Я. Купалу, У. Караткевічу, М. Танку, І. Мележу, І. Шамякіну і іншым), і нашым непасрэдным сучаснікам, у тым ліку і такой адметнай з’яве, як рускамоўная літаратура Беларусі. Вельмі важна, што тэарэтычныя разважанні ўдала спалучаюцца ў кнізе з канкрэтным і арыгінальным аналізам мастацкіх тэкстаў. Неабходна заўважыць, што якраз творы і займаюць асноўнае месца ў працы, яны шырока цытуюцца і асэнсоўваюцца. У тым ліку і нядаўнія – “бліскавінкі” народнага паэта Беларусі Р. Барадуліна, напрыклад, якія выдатна абагульняюць саму сутнасць беларускай паэзіі: “Маліцца словам і слову маліцца” (с. 381). Цікавасць уяўляе і зварот да арыгінальных літаратурнаўчых і публіцыстычных артыкулаў пэўнага часу, у якіх ставяцца пытанні нацыянальнай свядомасці беларусаў. Так, гаворачы пра літаратуру Заходняй Беларусі, аўтары нарыса звяртаюцца да такой даволі распаўсюджанай з’явы, як “культурнае рабства”, дабравольная асіміляцыя інтэлігенцыі.

Прычына пятая – лёгкая, вобразная мова, што цалкам адпавядае жанру нарыса. Сур’ёзныя навуковыя дэфініцыі, глыбокі навуковы аналіз нацыянальнага тыпу свядомасці і дамінантных рыс нацыянальнага характару зусім натуральна лучацца з эмацыянальна-вобразным стылем нарыса, што робіць яго не толькі інфармацыйна-факталагічна пазнавальным, але і займальным: “Гэта сапраўдны цуд, што не знікла Беларусь – як народ, як краіна – паміж Захадам і Усходам, паміж молатам і кавадлам. Гэты цуд у многім забяспечыла – трэба аддаць ёй належнае – беларуская літаратура, якая адыграла ролю носбіта нацыянальнага генетычнага кода, нацыянальнай генетычнай памяці. Яна, як правіла, выступала носбітам такіх універсальных гуманістычных паняццяў, як сумленне, праўда, справядлівасць, высакароднасць, годнасць” (с. 131). Такі стыль пісьма робіць узаемаразуменне з чытачом натуральным і нязмушаным, трывалым. І яшчэ адзін штырх – афармленне кнігі, яе фармат і памеры. Гэта грунтоўны, салідны фаліант, які не пачытаеш дзесьці на канапе, а тым больш у аўтобусе. Ён вымагае сур’ёзнай працы з алоўкам не інакш як за пісьмовым сталом, што для разумнага, інтэлігентнага чалавека – сапраўдная асалода.

Информация об авторе

Русилко Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент. Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Московский пр., 33, 210038, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: rusilka@tut.by

Information about the author

Volga I. Rusilka – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Vitebsk State University named after P. M. Masharov (33 Maskouski Ave., 210038 Vitebsk, Belarus). E-mail: rusilka@tut.by

ХРОНИКА
CHRONICLE

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-380-384>

Поступила в редакцию 24.03.2020
Received 24.03.2020

Е. В. Чеснокова

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

АНТОЛОГИЯ «ПОЭЗИЯ РУССКОГО СЛОВА»

26 февраля 2020 г. в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси состоялась презентация-круглый стол «Поэзия русского слова: антология современной русскоязычной поэзии Беларуси».

Издание было подготовлено в Институте литературоведения имени Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси и вышло в свет в Республиканском унитарном предприятии «Издательский дом «Белорусская наука» в 2 томах общим объемом около 100 п. л. в конце 2019 г. Авторами проекта (идея, название, составление, предисловие) являются академик НАН Беларуси, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Владимир Васильевич Гниломедов и кандидат филологических наук, заведующий отделом взаимосвязей литератур Николай Владимирович Микулич.

Современная русскоязычная поэзия Беларуси – уникальное явление на литературной карте Европы. Появившись на почве белорусских и русских духовно-социальных и литературно-художественных традиций и ценностей, развиваясь на острие интенсивного белорусско-русского общественно-культурного диалога и взаимодействия, она является частью одновременно белорусского и русского социокультурного пространства. Это творчество преимущественно русских по своему менталитету, национальному генетическому коду, воспитанию и характеру мироощущения, а также русскоязычных белорусских авторов. Отражая ландшафт и специфику реальной социально-исторической действительности, обращаясь к белорусским референциям, современная русскоязычная поэзия Беларуси представляет собой редкое по своей природе сочетание и взаимодействие русских и белорусских национально-культурных парадигм, архетипов народного мышления и концептов постмодернистского сознания, многообразия творческих индивидуальностей, стилевых течений, жанрово-структурных форм, непохожести человеческих судеб и пр.

Антология «Поэзия русского слова» – это своеобразная миниэнциклопедия современной русскоязычной поэзии Беларуси, оригинальный фундаментальный научный проект, новаторский по методике литературоведческого исполнения. В нем впервые в гуманитарной науке в хронологической последовательности представлены самые значительные, талантливые авторы (широко известные поэты и яркие молодые дарования), творчество которых определяет масштаб и специфику развития этого богатого, многообразного и еще не изученного литературно-художественного явления.

Работа над подготовкой издания осуществлялась в течение нескольких последних лет и была весьма интенсивной и напряженной. Авторы проекта стремились показать всю картину развития современной русскоязычной поэзии Беларуси, собрав лучшие, знаковые, трендо-

вые произведения наиболее колоритных, талантливых ее представителей, а также максимально объективно подойти к подаче социокультурной и биографической информационной фактуры, взяв за основу историко-хронологический принцип. В двухтомник включены произведения 186 русскоязычных поэтов, ныне проживающих в Беларуси или родившихся и проживавших на ее земле, а впоследствии переехавших в другие страны. Все авторы, представленные в антологии, – яркие индивидуальности, уникальные в своем роде творческие личности, впечатляющие проблемно-тематическим и жанрово-стилевым богатством и разнообразием идейно-эстетических поисков.

В самом большом зале библиотеки собрались сотрудники Института литературоведения имени Янки Купалы, специалисты других научных учреждений Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, работники СМИ, представители самой библиотеки, многочисленные читатели, любители поэтического слова.

С теплым приветственным словом к участникам презентации-круглого стола обратился доктор филологических наук, профессор, директор Института литературоведения имени Янки Купалы Иван Васильевич Саверченко, который поблагодарил авторов проекта за их тяжелый и кропотливый труд и большой личный вклад в развитие белорусской науки о литературе. Он также отметил научную и социокультурную значимость создания антологии, подчеркнув, что в общем и целом она является выразительным и красноречивым знаком благодарности и признательности белорусов великому русскому художественному слову, поскольку, на его взгляд, без социально-исторического и идейно-эстетического опыта русского словесного искусства и культуры не было бы классической и современной белорусской литературы.

Естественно, с особым интересом и нетерпением зал ожидал выступления авторов проекта. Поблагодарив поэтов за помощь в подготовке антологии, Н. В. Микулич, выступивший первым, рассказал собравшимся о том, как возник замысел ее создания, как в процессе работы к авторам пришло осознание уникальности и неизученности современной русскоязычной поэзии Беларуси, что такое издание, как антология, несомненно, не только заинтересует простого читателя, но и будет полезным ученым, исследователям литературы, преподавателям и студентам. Далее он подчеркнул следующее: «Наша с Владимиром Васильевичем главная задача заключалась в том, чтобы показать это явление, современную русскоязычную поэзию Беларуси, во всей ее красе и силе, во всем ее богатстве и разнообразии. И, мне кажется, с этой задачей мы вполне справились. И пять, и десять, и двадцать лет тому назад мне приходилось не раз слышать – от очень серьезных людей в нашей науке и культуре: что там наша литература на русском языке... в ней нет талантов, ярких творческих индивидуальностей... у нас нет почвы для ее развития!.. И, честно признаюсь, я с этим был частично согласен. И вот работа над антологией опрокинула все мои прежние представления. Что получается: да, к нам из России перебрались на постоянное место жительства уже сформированными поэтами Тамара Краснова-Гусаченко (живет в Витебске), Георгий Киселев (живет в Волковыске), Любовь Красевская (живет в Бресте), Николай Александров (живет в Бресте), Марина Наталич (живет в Минске) и некоторые другие. Они живут в Беларуси и работают на благо нашей культуры. Однако, я хочу подчеркнуть, здесь, на нашей земле, родились, выросли, вобрались в активную творческую силу и вышли на высокую поэтическое орбиту такие яркие, самобытные дарования, как Анатолий Аврутин, Григорий Трестман, Михаил Шелехов, Валентина Поликанина, Изяслав Котляров, Александр Габриэль, Юлия Драбкина и многие другие. Все это таланты первой величины. Такими поэтами, без преувеличения, могла бы гордиться любая национальная культура Европы».

Глубокими аналитическими размышлениями относительно своего видения антологии и ее наполнения творческими индивидуальностями относительно поэзии в целом, ее содержания и места в белорусском обществе поделился В. В. Гниломедов. «Литература на русском языке, – отметил академик, – с давних времен является полноправной частью литературного процесса в Беларуси, но при всей своей богатой истории она еще не получила должной оценки и осмысления в литературоведении. Сегодня, например, интересно и актуально, в каких взаимоотношениях находится русскоязычная литература Беларуси с собственно белорусской и русской литературами, как влияют белорусские национальные, территориальные, культурные, исторические

и другие традиции и особенности на творчество писателей, для которых рабочим языком является русский. Этот пробел во многом заполняет наша антология.

Русскоязычная поэзия Беларуси представлена в антологии широко и всесторонне произведениями поэтов разных поколений и разного жизненного опыта. Она повернута, если можно так сказать, лицом к жизни. В 1990-е годы и сегодня она вновь вернула себе право называть вещи своими именами».

Далее В. В. Гниломедов подчеркнул: «Этот двухтомник мне представляется романом в стихах, с многочисленными своими героями, поэтами, с широкой картиной современности в самых разных ее душевных измерениях. Эти книги – для будущих поколений, для того, чтобы они могли увидеть, чем жили, о чем мечтали их предки, люди в прошлом. Необходимо признать, сюда попали не все достойные поэты, и в этом виноваты мы, составители, потому что не смогли охватить всех, выявить лучших, подготовить их достойные стихотворения, интересные для широкой читательской публики и специалистов.

Нынешняя творческая свобода позволила реализовать поэтам свое право на правду и заявить об этом очень широко, уверенно. Одна талантливая минская поэтесса заметила: «На лжи не наскребешь стиха...». И я считаю ее утверждение глубоким и правильным. Что касается правды, то она может быть разной: и большой, и малой, и частичной, но все же установка на искренность и правдивость, на достоверное отражение того, что вокруг поэта, на его самовыявление – дорогой подарок нашего времени, и он нашел в книгах антологии достойное олицетворение.

Мне кажется, антология ценна своим воплощением человеческого содержания нашей эпохи, неких тонких душевных секретов, которые не черпаются, например, из творений ученых, даже в той науке, которая называется гуманитарной. Поэзия была всему началом, и первый человек, мне представляется, был поэтом, а потом от этого всего уже отпочковались философия, математика и другие науки. Когда Гераклит сказал, что в одну реку нельзя войти дважды, он использовал поэтическую форму – метафору, выразив посредством нее диалектическое философское содержание. Наша задача – выявить посредством поэзии, ее достижений социокультурные ценности минувших эпох и современности. Необходимо помнить, что поэтическое слово обогащает культуру, сеет разумное, доброе, вечное. Что хочется сказать в заключение?.. Поэзия должна служить людям. Это, в конце концов, и доказывает двухтомная антология современной русскоязычной поэзии Беларуси. И я хочу поздравить с ее выходом всех, кто так или иначе причастен к ее появлению на свет».

Мероприятие было бы не таким значительным и запоминающимся, его атмосфера была бы не такой теплой и душевной, если бы в нем не участвовали поэты, творчество которых представлено в антологии. О ценности, уникальности, новаторстве и фундаментальном характере антологии современной русскоязычной поэзии Беларуси «Поэзия русского слова» в своих выступлениях убедительно и подробно говорили поэт, прозаик, критик, детский писатель, переводчик, председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси Михаил Поздняков, поэт, прозаик, критик, детский писатель, переводчик, председатель Витебского областного отделения Союза писателей Беларуси Тамара Краснова-Гусаченко, поэт, переводчик, заместитель председателя Брестского областного отделения Союза писателей Беларуси Любовь Красевская, поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» Олег Зайцев, поэт, детский писатель, руководитель народного клуба композиторов и поэтов «Жывіца» Минского областного центра народного творчества Ирина Карнаухова, поэт, переводчик, руководитель литературно-музыкального объединения «Аккорд» Тамара Залесская, поэт, критик, литературовед, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова Елена Крикливец, поэт, литературовед и литературный критик, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Института литературоведения имени Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси, рецензент издания Евгений Городницкий.

Читали стихи и дарили публике частичку своей души поэты Валентина Поликанина, Андрей Душечкин, Сергей Ваганов, Елизавета Полеес, Алла Левина, Олег Сешко, Олег Бородач, Екатерина Ровдо, мать рано ушедшего поэта Игоря Поглазова Вера Борисовна Поглазова и другие.

Исполняли песни собственного сочинения поэты-барды Татьяна Жилинская, Татьяна Дашкевич, Людмила Воронова, Марина Помоз-Лайкова. Проникновенные строки их поэзии и исполнение песен трогали многих присутствующих до слез.

В адрес участников презентации-круглого стола поступил ряд теплых приветственных посланий от поэтов, представленных в антологии, живущих за пределами Беларуси и не имеющих возможности быть на мероприятии. Они были зачитаны модератором. Глубокие размышления и выводы прозвучали, в частности, в письме Григория Трестмана, одного из крупнейших русскоязычных писателей и общественных деятелей Израиля, родившегося в Минске, а ныне проживающего в Иерусалиме. «Наконец-то в поэтическом цехе появилась книга, – резюмировал он, – отсутствие которой остро ощущалось в литературном пространстве Беларуси, России, а также немалочисленных «подворий» нашей тесной планеты, где волей судьбы поселился и живет русский язык, – Антология современной русскоязычной поэзии Беларуси». Это действительно уникальное издание. До его появления значительное количество русскоязычных поэтов Беларуси практически не имели своей «официальной прописки». Они часто казались то ли «сторонними гостями», то ли «сиротами», в любом случае «чужаками в родном доме». Недаром столичные критики и издатели их замечали намного реже титульных поэтов России...

Хочется думать, что с выходом Антологии в свет подобное положение начнет меняться: выбравшись из литературных окраин, русскоязычная поэзия Беларуси займет свое естественное приоритетное место.

Трудно переоценить огромную работу ее составителей – Владимира Гниломедова и Николая Микулича, которые под одной обложкой собрали ключевые стихи наиболее значимых поэтов, познакомили читателя с биографиями авторов, дали глубокий анализ их творчества. Великое им спасибо!

Хочу поздравить с трудным рождением этого двухтомника всех небезразличных к поэзии и примкнувшим к ним, включая себя самого».

Важно отметить, что профессиональная деятельность современных русскоязычных поэтов Беларуси, представленных в двухтомнике, чрезвычайно богата и разнообразна. Среди них есть ученые и программисты, старшие офицеры и генералы специальных служб, внутренних дел и вооруженных сил, спортсмены и представители рабочих специальностей и профессий, государственные и общественные деятели, бухгалтера и актеры, режиссеры, журналисты и руководители предприятий и организаций, переводчики, литературоведы и литературные критики и педагоги, студенты и пенсионеры, авторы-исполнители песен и священнослужители. Трудно себе представить, где эти люди могли бы встретиться в обычной жизни, но судьба, благодаря авторам-составителям антологии, свела их вместе, позволила им познакомиться, узнать, что таких совершенно разных людей объединяет любовь к поэзии и великий дар творить.

Издание снабжено персональными фотографиями поэтов и краткими историко-биографическими справками, а также иллюстрировано многочисленными коллективными фотографиями, что демонстрирует инклюзивность поэзии, вдыхает в нее жизнь, позволяет читателю убедиться в том, что поэты – это не какие-то мифические существа или обитатели иных миров, что они здесь, рядом с нами, обычными людьми, их можно встретить на улице или в метро...

О роли поэта и поэзии в современном социуме высказался в своем заключительном слове академик В. В. Гниломедов: «Поэт – хранитель и создатель духовных ценностей. Он не может не говорить об извечном: родина, земля, хлеб, правда, верность, любовь, совесть – его все это должно интересовать и интересуется. На рубеже времен, сегодня, необычайно остро встает вопрос о сохранении и укреплении духовных и нравственных ценностей человека – человеческого достоинства, доброты, честности, уважения... Поэзия должна служить людям. Это, в конце концов, и доказывает двухтомная антология современной русскоязычной поэзии Беларуси».

«Поэзия русского слова: антология современной русскоязычной поэзии Беларуси» является особенным, оригинальным, новаторским изданием. Авторы проекта в результате глубокого комплексного анализа конкретных художественных произведений, поэтических сборников и творческих индивидуальностей впервые в гуманитаристике и культуре разработали теоретико-методологические принципы и концептуальные основы антологии современной русскоязычной поэ-

зии Беларуси как идейно-художественной системы, осуществили сюжетологичную эндоскопию и структурно-композиционную парадигму антологии, раскрыли идейно-эстетическую специфику и общественно-культурный феномен современной русскоязычной поэзии Беларуси.

В развернутом предисловии к антологии определены устойчивые модульные компоненты художественной парадигмы современной русскоязычной поэзии Беларуси как давнего и традиционного фактора в структуре белорусской культуры, выявлены характеристики идейно-эстетической специфики духовно-национальной ментальности и концептосферы русскоязычной поэзии Беларуси как целостной и устойчивой художественной закономерности, раскрыт полный спектр идейно-содержательных и поэтико-стилевых изменений и сдвигов в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Иными словами, авторы данного проекта создали полнокровную, синтетически-стереоскопическую картину духовно-художественных поисков и достижений русскоязычной поэзии Беларуси на современном этапе, выявили сложную динамику взаимодействия ее ведущих художественно-стилевых течений, определили роль и место русского поэтического слова в общественно-культурных процессах Республики Беларусь на данном этапе.

Антология современной русскоязычной поэзии Беларуси раскрывает целостную систему взаимодействия и взаимообусловленности определяющих тенденций и закономерностей историко-литературного развития, которые составляют живую, динамичную, полнокровную картину ее идейно-эстетического богатства и разнообразия, и является важным базово-фактологическим материалом для изучения всей литературной истории Беларуси и России нового времени.

Научная значимость проекта заключается в наработке качественно нового фактологического материала и его новаторском системном обобщении и интерпретации, в раскрытии определяющих тенденций и закономерностей развития белорусской поэзии XX – начала XXI века, углублении и расширении историко-теоретических основ изучения белорусской литературы, в ее обусловленности знаковыми явлениями европейской культуры и искусства, создании полной историко-литературной карты Беларуси. Нарботанный материал представляет значимость и ценность в плане раскрытия ведущих тенденций и закономерностей отечественного литературно-художественного процесса, места и роли литературы в государственно-идеологической политике и общественно-культурной жизни Беларуси, в плане осмысления богатства и разнообразия духовно-эстетических традиций и ценностей и потенциально является коммерческим продуктом.

Полученные результаты будут использованы при решении актуальных проблем отечественного литературоведения. Собранные в двухтомнике поэтические произведения и сведения об их авторах найдут реализацию при написании истории белорусской литературы, учебников и учебных пособий нового поколения по истории белорусской и русской литературы и культуры, в преподавательской работе со студентами и школьниками, при подготовке поэтических антологий, книг избранных произведений, изданий справочно-энциклопедического характера, а также в работе общественно-культурных и просветительно-образовательных учреждений Беларуси. Имена 186 современных русскоязычных белорусских поэтов, как и имена авторов-составителей антологии, навсегда вписаны в историю белорусской литературы.

Информация об авторе

Чеснокова Екатерина Вячеславовна – младший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: catisnot@gmail.com

Information about the author

Ekaterina V. Chesnokova – Junior Scientific Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: catisnot@gmail.com